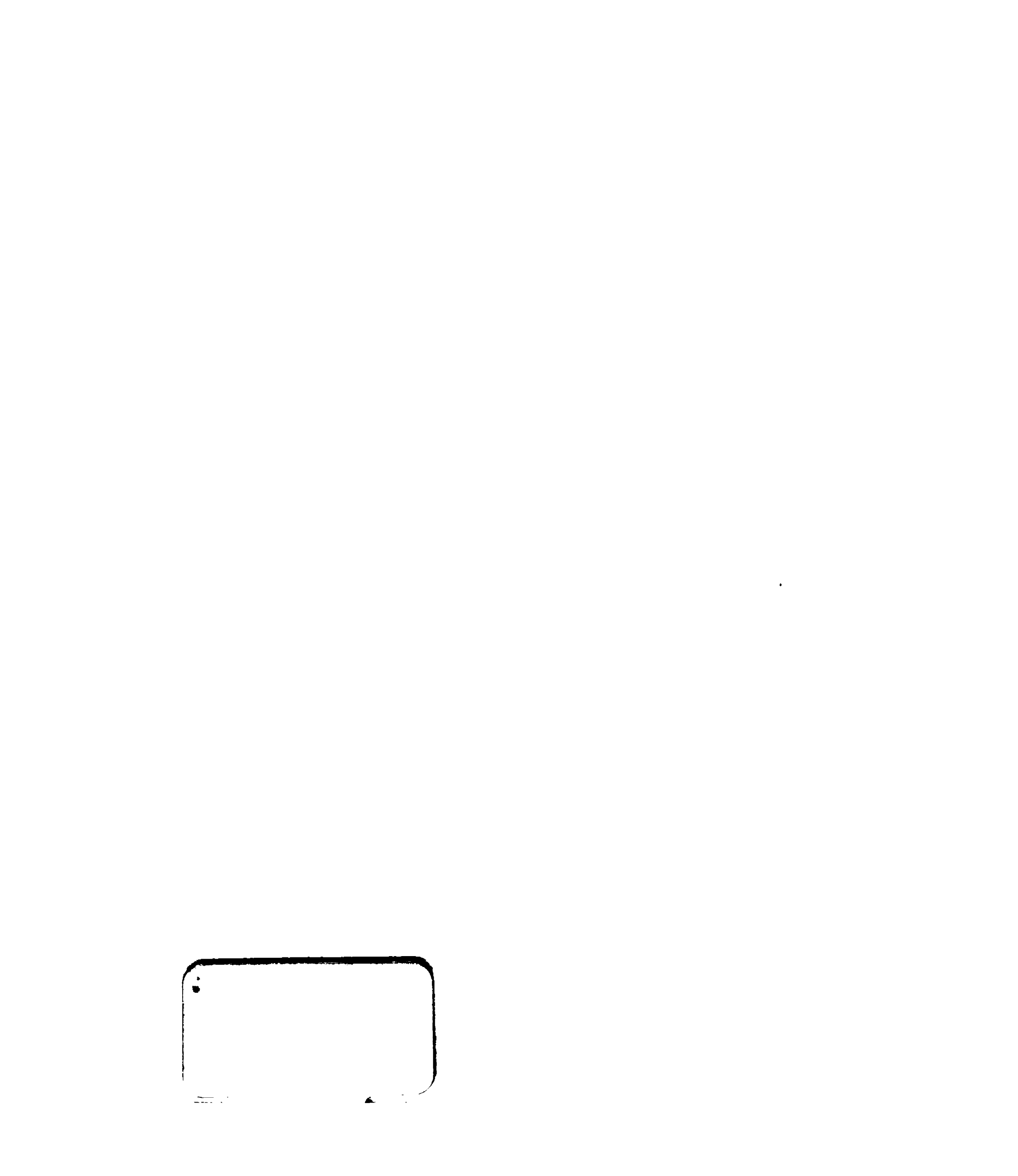

Н. Бржескій.

ОЧЕРКИ

АГРАРНАГО БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

I.

Земледѣльческій центръ Россіи и его оскудѣніе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1908.

ОЧЕРКИ
АГРАРНАГО БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

I.

Земледѣльческій центръ Россіи и его оскудѣніе.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
Николая БРЖЕСКАГО
доктора финансоваго права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1908.

ОЧЕРКИ

АГРАРНАГО БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

I.

Земледѣльческій центръ Россіи и его оскудѣніе.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Государственные долги Россіи. Историко-статистическое изслѣдованіе, удостоенное Императорскимъ С.-Петербургскимъ университетомъ преміи Топчибашева. С.-Петербургъ, 1884.

Податная реформа. Французскія теоріи XVIII столѣтія. С.-Петербургъ, 1888.

Круговая порука сельскихъ обществъ. Соображенія редакціонныхъ комиссій по составленію положеній 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время съ 1861 по 1895 годъ. С.-Петербургъ, 1896.

Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Историко-критическій обзоръ дѣйствующаго законодательства, въ связи съ практикою крестьянскаго податного дѣла. С.-Петербургъ, 1897.

Общинный бытъ и хозяйственная необезпеченность крестьянъ. (По поводу предстоящаго пересмотра крестьянскихъ положеній). С.-Петербургъ, 1899.

Очерки юридическаго быта крестьянъ. С.-Петербургъ, 1902.

Натуральныя повинности крестьянъ и мірскіе сборы. С.-Петербургъ, 1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Изученіе крестьянскаго земельнаго вопроса въ Россіи сосредоточилось за послѣднее время главнѣйше на количественной его сторонѣ. Статистическій методъ преобладалъ въ сужденіяхъ членовъ государственной думы и въ объясненіяхъ представителей правительственной власти. Разслѣдованію техническихъ пріемовъ крестьянскаго хозяйства, его отсталости и некультурности и всей его хозяйственно-бытовой остановки и выясненію дѣйствительныхъ причинъ этихъ явленій придавалось, повидимому, второстепенное значеніе. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Идея принудительнаго отчужденія въ пользу крестьянъ помѣщичьихъ земель, выдвинутая нѣкоторыми изъ нашихъ политическихъ партій, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что поземельный вопросъ, сведенный на почву однихъ лишь статистическихъ данныхъ, неизбѣжно получаетъ одностороннее освѣщеніе и, въ конечномъ результатѣ, требуетъ столь же одностороннихъ мѣръ для своего разрѣшенія.

Иные получились бы результаты, если бы наше земельное неустройство изучено было не только въ статистическомъ отношеніи, но съ точки зрѣнія и хозяйственно-бытовой. Такое изученіе существеннымъ образомъ раздвинуло бы рамки земельнаго вопроса; оно показало бы, что наше сельское населеніе страдаетъ, за нѣкоторыми исключеніями, не отъ недостатка земли, а отъ того, что крестьяне не умѣютъ, подчасъ, быть можетъ, и не могутъ пользоваться ею надлежащимъ образомъ; оно могло бы убѣдить въ томъ, что главнѣйшее зло въ жизни нашего крестьянства—не малоземелье, а нѣчто другое: некультурность народной массы; отсутствіе въ ней общихъ и спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ знаній; ея безправность и отчужденность отъ всѣхъ другихъ группъ населенія, стоящихъ на болѣе высокой ступени культурнаго развитія; ея безпомощность въ борьбѣ за существованіе и, въ частности, въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго промысла, обусловленная, помимо всего прочаго, цѣлою совокупностью бытовыхъ причинъ, являющихся далекимъ наслѣдіемъ крѣпостной эпохи и общаго хода исторической жизни русскаго государства; только подобное изученіе могло бы поколебать наивную вѣру въ чудодѣйственную мощь принудительнаго отчужденія въ пользу крестьянъ

требованіямъ здороваго жилья. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ лѣсовъ и и вздорожаніемъ деревянныхъ срубовъ, избы сооружаются теперь по преимуществу кирпичными, но онѣ темны, сыры, часто холодны, окна въ нихъ малы, всегда безъ двойныхъ рамъ, сильно потѣютъ зимою и вода стоитъ на подоконникахъ. На пространствѣ 7—9 кубическихъ саженей живетъ крестьянская семья, нерѣдко весьма многолюдная, душъ пятнадцать. Спятъ въ два этажа: на лавкахъ, на нарахъ и печи. Полы почти всегда земляные, такъ какъ въ той же избѣ помѣщается и мелкій скотъ; иногда, въ большіе холода, туда же вводятъ и корову; здѣсь же стираютъ бѣлье, обсушиваютъ платье, веретью и сбрую; при полномъ отсутствіи вентиляціи, въ избахъ собирается сырость; благодаря сильной скученности, воздухъ дѣлается тяжелымъ и какъ бы промозглымъ. Ради экономіи въ кирпичѣ, стѣны крестьянскихъ избъ строятся съ пустотою въ серединѣ, засыпаемою навозомъ, иногда просто землею. Вслѣдствіе неправильнаго пользованія избою и сырости, постепенно разрушающей постройку, кирпичныя избы, по отзывамъ самихъ крестьянъ, не выдерживаютъ болѣе 15—20 лѣтъ. При перекладкѣ старой избы, въ заднихъ, обращенныхъ ко дворамъ, стѣнахъ кирпичъ замѣняется дикимъ камнемъ (известнякомъ), который легко промерзаетъ въ большіе морозы, покрывается иглами инея и служитъ новымъ источникомъ сырости. Деревянныя избы пришли въ послѣднее время въ совершенный упадокъ; отъ сырости и отъ плохихъ крышъ, по случаю недостатка соломы, онѣ въ большинствѣ случаевъ сгнили и держатся кое-какъ лишь благодаря подпоркамъ, подмазкѣ подгнившихъ угловъ и т. п. Теперь замѣтно стало сильное распространеніе построекъ глинобитныхъ или изъ земляного необожженнаго кирпича,—построекъ недолговѣчныхъ, свидѣтельствующихъ объ обѣдненіи деревни. Рядомъ съ плохими жилыми избами, жалкое впечатлѣніе производятъ надворныя постройки, — полуразрушенныя каменныя на глинѣ сооруженія, очень часто съ раскрытыми верхами.

Топятъ крестьяне въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ озимой соломой. Въ неурожайные годы, столь часто повторявшіеся за послѣднее время, когда соломы не хватало даже на кормъ скоту, взамѣнъ ея для отопленія печей сжигался навозъ. Пожары очень часты, а скученность построекъ дѣлаетъ борьбу съ ними въ высшей степени трудною.

Пища крестьянина, въ количественномъ и качественномъ отношеніи, не удовлетворяетъ основныхъ потребностей организма. Обыкновенной будничной пищей крестьянину служитъ хлѣбъ и картофель. Молоко, коровье масло, творогъ, мясо,—словомъ всѣ продукты, богатые бѣлковыми веществами, являются на его столъ въ исключительныхъ случаяхъ — на свадьбахъ, при разговѣньѣ, въ престольные праздники. Сдабриваніе жирами, т. е. масломъ (постнымъ) или саломъ, примѣняется очень рѣдко; каша въ послѣднее время въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ. Овощи воздѣлываются въ самомъ

ничтожномъ количествѣ; на зиму дѣлаются, и то далеко не всѣми, запасы одной только кислой капусты. Необходимыя организму кислоты, доставляемыя обыкновенно овощами и безъ которыхъ легко развивается цынга, замѣняются квасомъ. Въ годы недородовъ убавляется обычная норма хлѣба; изъ бѣды выручаетъ одинъ картофель. Хроническое недоѣданіе—обычное явленіе въ крестьянской семьѣ; ѣдятъ лучше только при напряженой работѣ; какъ лошади крестьянинъ задаетъ овесъ только при отправленіи въ дальнюю дорогу, такъ и самъ онъ ѣстъ лучше только при предстоящей ему наличной усиленной работѣ. Къ сожалѣнію, дѣти питаются столь же скудно и только объемистою пищею; благодаря плохому питанію, желудочныя заболѣванія очень часты между крестьянами.

Не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ пища и жилье крестьянъ, находится ихъ одежда. По мѣрѣ уменьшенія крестьянскаго скотоводства, сократилось количество шерсти для домашняго приготовленія сукна, валенокъ и овчинъ; убавляется, вслѣдствіе недостатка въ удобреніи, и воздѣлываніе конопли и льна, служившихъ для домашняго приготовленія холста. Все въ большихъ размѣрахъ наблюдается замѣна прочныхъ и теплыхъ домашнихъ издѣлій продуктами фабрикъ. Не рѣдкость теперь найти цвѣтные наряды у всѣхъ или у большинства членовъ семьи, а въ то же время всего одинъ крѣпкій полушубокъ и ни одного тулупа на дворъ. Поэтому осенью, тотчасъ же съ наступленіемъ холодовъ, населеніе деревни въ массѣ лишено возможности ходить на заработокъ, а дѣти посѣщать школу.

Сбереженій про черный день у крестьянъ положительно не имѣется и одинъ серьезный неурожай способенъ потрясти до основанія хозяйство. Голодъ 1891 года и оказанная населенію тогда, какъ и въ послѣдующіе хлѣбные недороды, быть можетъ, слишкомъ широкая и не всегда умѣлая помощь, въ связи съ послѣдующими сложеніями продовольственныхъ ссудъ и недоимокъ, развили въ крестьянахъ прискорбную безпечность.

Многіе стали уклоняться отъ заработковъ и пренебрегать ими, разсуждая такимъ образомъ, что въ хорошій годъ имъ хватитъ своего урожая, а въ неблагопріятный—ихъ все равно прокормятъ. Хозяйственныхъ запасовъ, постоянно наблюдавшихся въ прежнее время, нынѣ у крестьянъ не имѣется; что можно продать, все продается, а деньги расходуются.

Утрачивая привычку заботиться о черномъ днѣ и полагаться только на себя, населеніе становится хозяйственно безпомощнымъ, легко впадаетъ въ неоплатные долги и въ нищету. По словамъ одного изъ участниковъ михайловскаго, Рязанской губерніи, уѣзднаго комитета, «нѣтъ селенія, въ которомъ не было бы кулака, ссужающаго мѣстныхъ крестьянъ деньгами и хлѣбомъ подъ невѣроятные проценты, взимаемые частью деньгами, частью личнымъ трудомъ». Особенно тя-

жело положеніе сельскаго населенія въ неурожайные годы. При невозможности, да и непривычкѣ крестьянъ бороться съ подобнымъ бѣдствіемъ собственными силами, система кормленія народныхъ массъ за счетъ государственнаго бюджета и пожертвованій, несмотря на всѣ ея отрицательныя стороны, становится неизбѣжной; но чѣмъ шире оказывается продовольственная и сѣменная помощь, тѣмъ значительнѣе бываетъ въ пострадавшихъ отъ недорода мѣстностяхъ поступленіе питейнаго дохода.

Въ зависимости отъ плохихъ пищи, жилья, отопленія и одежды здоровье крестьянъ въ массѣ подорвано; среди нихъ встрѣчается значительное число больныхъ хроническихъ. Условія деревенской жизни, столь отличныя отъ нездоровой скученности въ бѣдныхъ кварталахъ большихъ городовъ, должны бы создавать благопріятную санитарную обстановку, а между тѣмъ деревня является очагомъ всевозможныхъ заразныхъ болѣзней. Этому, въ особенности, способствуютъ отсутствіе или плохое качество питьевой воды и рѣшительное равнодушіе населенія къ содержанію себя въ чистотѣ. Бань почти нѣтъ въ селеніяхъ и крестьяне моются въ печахъ, «размазывая грязь по тѣлу съ помощью незначительнаго количества теплой воды»,—какъ выразился одинъ изъ мѣстныхъ земскихъ врачей. Мыломъ крестьяне пользуются въ самыхъ незначительныхъ количествахъ, бѣлье носится долго, до полнаго загрязненія. При такихъ условіяхъ чесотка, напр., является обычною, рѣзко выраженною эпидеміею, которою охвачено чуть ли не все населеніе. Смертность и заболѣваемость среди крестьянъ весьма значительны; забота о здоровьѣ стариковъ и находящихся въ младенческомъ возрастѣ дѣтей, особенно дѣвочекъ, почти отсутствуетъ; такіе нетрудоспособные члены семьи составляютъ для хозяйства прямую обузу.

Скудость крестьянскаго хозяйства бросается въ глаза и нѣтъ, кажется, никакой возможности разсчитывать на покупательную способность крестьянина, а между тѣмъ жизнь въ деревнѣ идетъ впередъ, потребности растутъ и удовлетвореніе ихъ требуетъ денегъ. Лучину смѣняетъ керосиновая лампа; дешевые фабричные ситцы вытѣсняютъ ткани домашняго производства; возникаетъ и усиливается потребность ввести въ подорванный организмъ какихъ-либо возбудителей, и крестьянинъ тянется за стаканомъ чая, къ которому онъ привыкъ во время скитаній своихъ по отхожимъ промысламъ; еще чаще тянется крестьянинъ за стаканомъ водки, окончательно разрушающей его здоровье и достатокъ.

При наличности такихъ условій заботы о какихъ бы то ни было хозяйственныхъ улучшеніяхъ отходятъ на второй планъ; вся предпріимчивость крестьянина, всѣ его помыслы сосредоточиваются на немедленномъ извлеченіи возможно большаго дохода, на постоянномъ добываніи денегъ, хотя бы связанныя съ этимъ дѣйствія влекли за собою неизбѣжно подрывъ хозяйства въ будущемъ.

Такова безотрадная обстановка жизни сельскаго населенія въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи. Она наглядным образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что хозяйственная дѣятельность этого населенія протекаетъ среди нездоровыхъ условій. Каковы, однако, эти условія и какая роль среди нихъ принадлежитъ малоземелью?

Остановимся пока на этомъ послѣднемъ вопросѣ и посмотримъ, какъ разрѣшался онъ мѣстными людьми, принимавшими участіе въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Основную причину современнаго сельскохозяйственнаго кризиса многіе изъ мѣстныхъ людей усматривали не въ малоземельѣ, а въ самомъ укладѣ нашей сельскохозяйственной жизни. Малоземелье есть понятіе относительное. Для сельскихъ жителей Западной Европы, поставленныхъ въ иныя условія производства и сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, размѣры обезпеченія надѣльною землею крестьянъ напр., Ливенскаго уѣзда Орловской губеріи могли бы показаться роскошными. Такъ какъ третья часть пахатной земли гуляетъ въ Россіи подъ пустымъ паромъ, то это доказываетъ лишь, что и ту землю, которая у насъ имѣется, мы не въ состояніи использовать надлежащимъ образомъ. Если бы подъемомъ культуры намъ удалось повысить урожайность хотя бы на десять пудовъ съ десятины, то населеніе Ливенскаго уѣзда получило бы приростъ зерна, при томъ же трехпольѣ, около трехъ милліоновъ пудовъ. Въ Корочанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, площадь озимыхъ посѣвовъ достигаетъ у крестьянъ 60 тыс. десят. На крестьянскихъ земляхъ, по сравненію съ помѣщичьими, получается недоборъ въ 10—15 пудовъ съ десятины. Ежегодная потеря одной только ржи у корочанскихъ крестьянъ такимъ образомъ достигаетъ 600 тыс. пудовъ. Но такая же потеря существуетъ и на яровыхъ посѣвахъ.

Бывшіе государственные крестьяне, какъ извѣстно, получили болѣе значительные надѣлы, чѣмъ бывшіе помѣщичьи; однако, у тѣхъ и у другихъ хозяйство ведется по одной и той же рутинной системѣ и, если судить по главнымъ показателямъ хозяйственнаго благосостоянія, бывшіе государственные крестьяне находятся въ положеніи, менѣе благопріятномъ, сравнительно съ положеніемъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Оскудѣніе крестьянскаго хозяйства едва ли можетъ зависѣть отъ растущаго малоземелья. Средній размѣръ крестьянскаго владѣнія (по обслѣдованію 1893 г.: въ Тульской губерніи—6,4 десят., въ Орловской—7,0 десят., въ Курской—7,3 десят. и въ Рязанской—5,8 десятины пашни) отнюдь не свидѣтельствуетъ о полной невозможности поставить земледѣліе и скотоводство на должную высоту; во Франціи, Бельгіи, Италіи и Австріи населеніе ведетъ образцовое хозяйство на значительно меньшихъ земельныхъ участкахъ. Но русскій крестьянинъ обнаруживаетъ удивительную косность въ борьбѣ съ надвигающимся, мѣстами уже надвинувшимся малоземельемъ. Отказъ отъ прежней экстенсивной формы хозяйства, сокращеніе площади пара, пере-

ходъ къ болѣе цѣннымъ культурамъ и правильному плодосмѣну— вотъ тѣ задачи, которыя прежде всего стоятъ передъ земледѣльцемъ, вынужденнымъ работать на небольшомъ клочкѣ пашни. Между тѣмъ, у нашего крестьянина третья часть земли остается неиспользованной; зеленый паръ утаптывается скотомъ, поднимается поздно, обрабатывается спѣшно и крайне небрежно, мало навозится и засѣивается главнымъ образомъ рожью, овсомъ и картофелемъ. Что посѣвная площадь крестьянскаго двора изъ года въ годъ тощаетъ, это обстоятельство не лишено, разумѣется, существеннаго значенія; но едва ли укладъ крестьянскаго хозяйства, въ нынѣшнихъ своихъ формахъ неизмѣнно существующій въ Россіи въ теченіе многихъ уже столѣтій, всецѣло зависитъ отъ недостатка въ землѣ. „Огромное большинство крестьянъ,—замѣчаетъ, между прочимъ, раненбургскій, Рязанской губерніи, уѣздный комитетъ,—до сихъ поръ поля своего не навозитъ, пашетъ крайне плохо, пара не двоитъ. Крестьянинъ тяготится работою не только на чужой землѣ, за плату, но и на собственномъ участкѣ. Не смотря на всѣ толки о малоземельѣ крестьянъ, мы видимъ, что у нихъ нѣтъ стремленія къ повышенію доходности земли посредствомъ улучшенія ея обработки“...

Основное зло нашей деревенской жизни надо искать не въ малоземельѣ, а въ низкомъ уровнѣ крестьянскаго хозяйства. Мысль эта на всѣ лады повторяется отдѣльными членами мѣстныхъ комитетовъ и самими комитетами, въ полномъ ихъ составѣ. Она подтверждается цѣлымъ рядомъ примѣровъ, взятыхъ прямо изъ жизни. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Въ Корочанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, село Новоселово, съ хуторомъ Праворотью, имѣетъ 160 домохозяевъ, 746 наличныхъ душъ и 2,575 десятинъ земли, т. е. болѣе, чѣмъ по 16 десят. на каждый дворъ. Изъ числа этой земли 113 дес. находятся подъ усадьбами, 1,956 десят. раздѣлены на души по 2 десят. 1,450 кв. саж. на каждую душу, т. е въ среднемъ по 12 десят. на дворъ, а 505 десят. оставлены подъ выгонами и попасами. „Слѣдовательно, если сложить эти 505 десят. и 652 десят. ежегодной парины, то и получится изъ 2,575 десятинъ 1,157 десят. ежегодно праздно лежащей земли—и таковы порядки во всѣхъ селахъ и деревняхъ нашего уѣзда“...

Малоземелье, по мнѣнію огромнаго большинства участниковъ въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прироста земледѣльческаго населенія, которое, по своей малокультурности и недостатку знаній, лишено возможности найти для себя иныя средства къ существованію, кромѣ занятія сельскохозяйственнымъ промысломъ. Но какъ бы то ни было, въ раіонѣ центральныхъ черноземныхъ губерній малоземелье не составляетъ общаго правила и не нуждается ни въ какихъ рѣшительныхъ мѣрахъ; крестьянская бѣдность есть слѣдствіе не одного лишь недостатка въ землѣ, а многихъ другихъ сложныхъ причинъ.

Въ Курскомъ, напр., уѣздѣ въ большинствѣ сельскихъ обществъ не замѣчается остраго малоземелья; то же и въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Въ Новосильскомъ уѣздѣ, гдѣ на крестьянскій дворъ приходится въ среднемъ отъ 7 до 10 десят., малоземелье, по отзыву мѣстныхъ людей, „не представляетъ изъ себя существеннаго вопроса; гораздо важнѣе вопросъ о растянутости землевладѣнія крестьянъ и о малой интенсивности ихъ землёдѣлія“. Въ Рязанской губерніи мѣстами замѣчается избытокъ сельскаго рабочаго населенія. Въ Михайловскомъ уѣздѣ, при посѣвной площади у крестьянъ въ 89,5 тыс. десятинъ и у частныхъ владѣльцевъ въ 44,5 тыс. десятинъ, около 17 тыс. работниковъ обоего пола являются лишними, или, другими словами, удобныя земли уѣзда перенасыщены земледѣльческимъ населеніемъ. Въ доказательство мысли, что размѣры земельнато обезпеченія крестьянъ отнюдь не предрѣшаютъ вопроса о ихъ хозяйственномъ достаткѣ, однимъ изъ членовъ Новосильскаго уѣзднаго комитета приведенъ слѣдующій примѣръ. Въ Косаревской волости бывшихъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ существуютъ періодическіе передѣлы земли, на дворъ приходится 12 десятинъ, въ томъ числѣ распашной земли 9 десятинъ. Въ Суровской волости бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ передѣлы не производятся, на дворъ приходится всей земли 6,6 десят., въ томъ числѣ распашной около 5¾ десят. У косаревскихъ крестьянъ, такимъ образомъ, почти вдвое больше земли, но процентъ безлошадныхъ у нихъ достигаетъ 28%; въ Суровской же волости всего 22%; дворовъ, не имѣющихъ живого и мертваго инвентаря, по Косаревской волости 27,6%, по Суровской—20%; пріобрѣтеніе земли при содѣйствіи крестьянскаго земельнаго банка выражается по Косаревской волости 3%, по Суровской—22,4%. Такимъ образомъ, экономическое благосостояніе на сторонѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, съ меньшимъ количествомъ земли, а не бывшихъ государственныхъ крестьянъ, достаточно надѣленныхъ землею. Подобнаго рода примѣровъ очень много. „Малоземелья—замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ членовъ тульскаго губернскаго комитета—въ сущности нѣтъ. Если многіе бѣдствуютъ, то это происходитъ отъ множества соціальныхъ и экономическихъ причинъ. Многоземелье и малоземелье безразличны для крестьянина, который собственнаго надѣла не въ силахъ обработать“...

Приведенное мнѣніе о томъ, что центръ тяжести вопроса о нашемъ аграрномъ нестроеніи заключается не въ недостаткѣ имѣющейся у крестьянъ земли, а въ хищническомъ характерѣ крестьянскаго хозяйства, придерживающагося первобытныхъ пріемовъ сельскохозяйственной культуры, — это мнѣніе имѣло много поборниковъ въ средѣ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Но нѣкоторые изъ участниковъ тѣхъ комитетовъ, признавая принципіальную правильность изложеннаго взгляда

доказывали, однако, что малоземелье достигло мѣстами уже столь значительныхъ размѣровъ, что никакія мѣры къ культурному подъему крестьянскаго хозяйства немыслимы, да и ничего не помогутъ впредь до расширенія площади измельчавшихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Къ такому расширенію и должны быть направлены на первыхъ порахъ всѣ усилія законодательной и правительственной власти. Мѣра такая, хотя и временнаго характера, представляется тѣмъ болѣе необходимою, что переходъ къ интенсивному веденію хозяйства предполагаетъ облегченіе земельныхъ прирѣзокъ, безъ которыхъ, какъ это дознано опытомъ земскихъ агрономовъ, травопольный сѣвооборотъ натыкается у крестьянъ на непреодолимыя нерѣдко техническія затрудненія. Малоземелье составляетъ одно изъ главныхъ препятствій для правильной постановки крестьянскаго сельскаго хозяйства. Если подворный надѣлъ ниже извѣстной нормы, то трудъ земледѣльца, равно какъ и рабочаго скота остается неиспользованнымъ. Отъ размѣровъ подворнаго владѣнія зависитъ распредѣленіе земель на угодія. Чѣмъ меньше землевладѣніе, тѣмъ больше земли отводится на пашню, а въ пашнѣ—подъ продовольственные хлѣба; другими словами, чѣмъ мельче землевладѣніе, тѣмъ меньше кормовая площадь, тѣмъ меньше скота, а слѣдовательно и удобренія. При незначительныхъ размѣрахъ подворнаго владѣнія, содержаніе скота становится прямо-таки невозможнымъ и именно отъ недостаточности подворныхъ надѣловъ зависитъ переходъ крестьянскихъ дворовъ въ число безлошадныхъ, безкоровныхъ и, наконецъ, безскотныхъ. Недостаточностью же подворныхъ надѣловъ объясняется переходъ отъ самостоятельнаго хозяйства къ обработкѣ земли наймомъ, потомъ сдача ея въ аренду и, наконецъ, полное обезземеленіе.

Измельчаніе мѣстами въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи крестьянскихъ хозяйствъ представляется фактомъ, который не можетъ быть оспариваемъ. Средній крестьянинъ, получившій въ свое время надѣлъ въ 2¾ десятины на душу, нынѣ имѣетъ на душу не болѣе десятины; крестьянинъ же, получившій низшій и особенно даровой, такъ-называемый четвертной надѣлъ, теперь имѣетъ землю лишь для своего поселенія, но не имѣетъ земли для своего прокормленія и исполненія повинностей. Несомнѣнно, что всѣ такіе крестьяне, пока они остаются земледѣльцами, не знаютъ другого занятія, какъ сельскохозяйственный промыселъ, и не имѣютъ другого заработка, какъ доходъ отъ сельскаго хозяйства,—всѣ такіе крестьяне нуждаются въ увеличеніи своего землевладѣнія. Особенная нужда чувствуется въ сѣнокосахъ и пастбищахъ, отсутствіе которыхъ лишаетъ многихъ крестьянъ возможности содержать скотъ и этимъ путемъ хоть сколько-нибудь возмѣщать скудость хлѣбныхъ запасовъ, которыми они могутъ располагать. Въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, на 280 тыс. населенія приходится 270 тыс. десят., что составляетъ менѣе одной деся-

тины на душу или $^1/_3$ десят. въ клину на душу. Если принять во вниманіе, что половина крестьянъ владѣетъ достаточными надѣлами, то ясно, что остальной половинѣ сельскаго населенія приходится довольствоваться нищенскимъ надѣломъ, сплошь и рядомъ положительно непригоднымъ для обработки. Въ засѣданіи комиссіи по крестьянскому быту елецкаго, Орловской губерніи, уѣзднаго комитета, присутствовавшіе въ ней 30 крестьянъ единодушно признали малоземелье однимъ изъ главныхъ препятствій къ введенію какихъ бы то ни было улучшеній въ хозяйствѣ. Никакія показательныя и опытныя учрежденія, по мнѣнію этихъ крестьянъ, не принесутъ существенной пользы крестьянскому хозяйству за невозможностью примѣнять улучшенные способы полеводства при нынѣшней дробности надѣловъ, обусловленной отчасти формою землепользованія, и при хозяйственной истощенности сельскаго населенія. «Гдѣ унаваживать, когда протопиться нечѣмъ»; «гдѣ заводить травосѣяніе на полдесятинѣ въ трехъ клинахъ»... По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1893 году, надѣлами въ 2½ десят. владѣли въ Елецкомъ уѣздѣ 66,5% крестьянскаго населенія; нѣтъ сомнѣнія, что съ того времени величина надѣла существенно измѣнилась въ сторону пониженія. Въ Курскомъ уѣздѣ малоземелье ощущается въ сельскихъ обществахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ дарственный надѣлъ или ниже высшей нормы, а равно въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, получили надѣлъ ниже средняго размѣра. Въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, приходится земли, въ среднемъ, 5,81 десят. на одного домохозяина или 1,03 десят. на наличную душу; но около 28,6% всего числа домохозяевъ владѣютъ земельными участками менѣе трехъ десятинъ на дворъ. Въ Обоянскомъ уѣздѣ въ селѣ Красномъ, Краснянской волости, имѣются крестьянскіе дворы съ надѣломъ въ 600 квадр. саженей. Въ Тульской губерніи уже въ 1861 году на душу крестьянскаго населенія обоего пола приходилось всего 1,7 десят. удобной земли; благодаря приросту населенія въ 1900 году на ѣдока земли было всего 0,8 десят. Пахотныя земли составляютъ въ Тульской губерніи около 80% всѣхъ удобныхъ земель, а потому на ѣдока крестьянина приходится въ трехъ поляхъ надѣльной пашни 0,6 десят. Въ Скопинскомъ, Рязанской губерніи, уѣздномъ комитетѣ крестьянинъ Лоховъ, говоря о тѣхъ нуждахъ, «которыя для крестьянскаго населенія требуютъ неотложнаго удовлетворенія», отмѣтилъ малоземелье, какъ обычное явленіе,—«а отъ этого обычное недоѣданіе: нѣтъ хлѣба, негдѣ скотинку водить»... «При существующемъ надѣлѣ, мнѣ кажется, переходить къ болѣе культурному сѣвообороту отъ трехпольнаго хозяйства для многихъ обществъ будетъ напраснымъ трудомъ. Я знаю нѣсколько обществъ Князевской волости, гдѣ надѣльной пахотной земли приходится на наличную душу во всѣхъ трехъ поляхъ около десятины и съ такимъ надѣломъ не мало сельскихъ обществъ

въ Скопинскомъ уѣздѣ»... Въ Сапожковскомъ уѣздѣ той же губерніи даже тѣ сельскія общества, которыя раньше имѣли надѣлъ въ три и болѣе десятины на душу, теперь владѣютъ не болѣе одной съ половиною десятины, а то и менѣе. «Мнѣ часто приходилось наблюдать,— разсказываетъ одинъ изъ членовъ мѣстнаго уѣзднаго комитета,—какъ крестьянинъ, чтобы вспахать свой участокъ, долженъ былъ изворачиваться съ своей сохой на этомъ клокѣ. Издали положительно казалось, что онъ кружится на одномъ мѣстѣ»...

По мѣрѣ дробленія надѣльной земли и усиливающагося ощущенія малоземелья, въ темныхъ умахъ крестьянства начинаетъ смутно бродить завѣтная мысль о черномъ передѣлѣ. Мысль эта подчасъ проявляется въ очень своеобразныхъ формахъ.

Вотъ что по этому поводу разсказываетъ одинъ изъ землевладѣльцевъ Тульской губерніи, Богородскаго уѣзда. «Помѣщикъ 350 десятинъ, уставъ возиться съ рабочими, устраиваетъ у себя испольное хозяйство на тѣхъ основаніяхъ, что всѣ сѣмена и на крестьянъ половину даетъ онъ. Хлѣбъ дѣлится черезъ копну пополамъ; обработка и молотьба крестьянская. Такимъ образомъ, въ весеннюю пору одними сѣменами онъ платитъ около трехъ рублей за десятину и, кромѣ того, отдаетъ половину урожая, даже на навозныхъ земляхъ, тогда какъ по сосѣдству за такую обработку владѣльческой десятины безъ молотьбы платятъ по пяти и даже четыре рубля и ничего не дается крестьянамъ изъ урожая. Всѣ кричатъ, что онъ будетъ въ огромномъ убыткѣ и подрываетъ цѣны другихъ хозяевъ. А между тѣмъ крестьяне къ концу года крайне небрежно ведутъ работу, хотя половина урожая ихъ. Такъ какъ уговоръ былъ на три года, то помѣщикъ, ожидая, что они не откажутся отъ условія, просилъ ихъ работать лучше. Къ удивленію, они охотно уничтожили договоръ. Объясненіе, которое потомъ пришлось узнать, состояло въ томъ: если мы будемъ работать за плату, деньгами, или арендовать землю также за плату, то намъ впослѣдствіи будетъ отдана земля; если же мы будемъ работать испольно, то получимъ только половину земли. Другой случай. Извѣстный помѣщикъ Левицкій занялся посадкой лѣса въ степи, что составляетъ настоящее благодѣяніе для края. Въ нашей мѣстности явились цѣлые хвойные лѣса: ели, лиственницы и сосны. Такъ какъ онъ развелъ уже нѣсколько сотъ десятинъ лѣсу, то крестьяне усомнились, зачѣмъ онъ засаживаетъ даже распашенную землю. Объясненіе крестьянъ: дѣлаетъ онъ это потому, что вся лѣсная земля, имъ самимъ засаженная, останется въ его собственность, когда арендная отойдетъ къ намъ»...

Различіемъ во взглядахъ мѣстныхъ людей на причины современнаго сельскохозяйственнаго недуга, столь тяжело обрушившагося на сельское населеніе, обусловливается и неодинаковость мѣръ, предложенныхъ ими для излеченія или, по крайней мѣрѣ, для существеннаго ослабленія этого недуга.

Одни изъ мѣстныхъ дѣятелей, не усматривая въ увеличеніи земельной собственности крестьянъ разрѣшенія вопроса объ ихъ матеріальномъ благосостояніи и признавая, что это благосостояніе должно быть поднято лишь путемъ перехода къ интенсивнымъ формамъ хозяйства, думали, однако, что такой переходъ безусловно предполагаетъ наличность извѣстной подготовки. При тѣхъ ничтожныхъ размѣрахъ, до которыхъ дошли мѣстами крестьянскіе душевые надѣлы, заведеніе усовершенствованнаго полеводства, съ многопольнымъ сѣвооборотомъ, представляется совершенно недостижимою задачею. Необходимо поэтому въ первую очередь озаботиться тѣмъ, чтобы земледѣльческое населеніе, особенно нуждающееся въ землѣ, было бы обезпечено ею въ достаточномъ количествѣ. Достиженію такой цѣли могутъ содѣйствовать слѣдующія мѣры: упорядоченіе найма частновладѣльческихъ земель; облегченіе крестьянамъ выхода и увольненія изъ состава сельскихъ обществъ; упорядоченіе отхожихъ промысловъ; разселеніе крестьянъ въ предѣлахъ надѣла, а равно въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости на частновладѣльческихъ земляхъ, скупаемыхъ на этотъ предметъ при содѣйствіи крестьянскаго земельнаго банка; упорядоченіе переселенія крестьянъ въ дальнія губерніи и въ предѣлы Азіатской Россіи.

По мнѣнію другой группы мѣстныхъ дѣятелей, всѣ указанныя мѣры являются лишь палліативами, и, въ качествѣ таковыхъ, не имѣютъ существеннаго значенія. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія при содѣйствіи крестьянскаго земельнаго банка не разрѣшаетъ вопроса, а только отсрочиваетъ его. Не успѣетъ крестьянинъ расплатиться съ банковымъ долгомъ, какъ ему снова мало будетъ земли. Переселеніе устраняетъ малоземелье лишь на короткое время. Оставшіеся на мѣстахъ крестьяне, воспользовавшись надѣлами переселенцевъ, почувствуютъ себя просторнѣе; но пройдутъ годы — имъ вновь станетъ тѣсно. Крестьяне, вышедшіе на новыя мѣста, пользуются земельнымъ просторомъ лишь до поры, до времени: придетъ день, когда и на новыхъ мѣстахъ почувствуется тѣснота.

Еще менѣе разрѣшается вопросъ путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею, принадлежащею частнымъ владѣльцамъ, удѣламъ, монастырямъ и т. п.

Уже и въ настоящее время крестьянамъ принадлежитъ огромная часть обрабатываемой площади. Однѣ надѣльныя земли составляютъ, по обслѣдованію 1887 года: 62,4% всей площади Курской губерніи; 49,8%—Орловской губерніи; 50,3%—Тульской губерніи и 52%—Рязанской губерніи; изъ общей площади частновладѣльческой облагаемой земли на долю крестьянъ въ 1900 году приходилось въ тѣхъ же губерніяхъ: 22,5%—16,6%—14,6%—24,7%; наконецъ, количество арендованной крестьянами въ 1901 году земли выразилось въ тѣхъ же губерніяхъ по отношенію ко всей облагаемой надѣльной землѣ: 4,7%—3,4%—10,8%—4,6%.

Съ другой стороны, если бы къ крестьянскимъ надѣльнымъ землямъ прирѣзать, напр., въ Тульской губерніи, всю землю, находящуюся во владѣніи мѣстныхъ дворянъ, то и тогда количество земли, приходящееся на каждую наличную душу, составило бы менѣе двухъ десятинъ, что опять-таки недостаточно. При переходѣ всей площади Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи, въ руки крестьянъ, величина ихъ надѣловъ, вслѣдствіе естественнаго прироста, черезъ 35 лѣтъ равнялась бы нынѣшней. Если бы передать крестьянамъ всѣ годныя къ земледѣлію земли частныхъ владѣльцевъ, казны, удѣловъ и разныхъ учрежденій, всего въ Европейской Россіи 110 милл. десятинъ, то нынѣшній средній душевой надѣлъ въ 2,6 десятинъ увеличился бы, по разсчетамъ Крапивенскаго уѣзднаго комитета, до 4,8 десят., т. е. былъ бы почти въ томъ же размѣрѣ, какъ въ 1861 году, при надѣленіи крестьянъ землею; но черезъ 20—30 лѣтъ онъ вновь понизился бы до средней душевой нормы, которая въ настоящее время признается недостаточной и свидѣтельствующей о наступившемъ малоземельѣ.

Не достигая своей основной цѣли—длительнаго обезпеченія землей нуждающагося въ ней сельскаго населенія, разсматриваемая мѣра имѣетъ еще одну невыгодную сторону. Раздача помѣщичьихъ земель крестьянамъ повела бы за собою паденіе производительности русскаго сельскаго хозяйства вообще, такъ какъ урожайность и доходность крестьянскаго хозяйства ниже, по сравненію съ хозяйствомъ помѣщичьемъ. Въ данномъ случаѣ нанесенъ былъ бы ущербъ всей странѣ, заинтересованной въ ростѣ производительныхъ силъ, а не въ ихъ упадкѣ. Обоянскій, Курской губерніи, уѣздный комитетъ прямо высказывается поэтому противъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею. „Если допустить теоретически осуществленіе сокровенныхъ желаній крестьянства, т. е. увеличеніе ихъ надѣловъ за счетъ помѣщичьихъ земель, то земли такія, попадая въ крестьянскія руки, понизятъ свои урожаи и земледѣліе въ смыслѣ общегосударственномъ обнаружитъ паденіе....“.

Такъ какъ основная причина крестьянскаго малоземелья заключается въ господствующихъ у насъ аграрныхъ порядкахъ и вообще въ укладѣ нашей сельскохозяйственной жизни, то единственно надежнымъ средствомъ противъ малоземелья можетъ быть лишь коренное преобразованіе этихъ порядковъ, этого отжившаго свое время уклада. Правильность и доходность хозяйства зависятъ не только отъ количества или качества земли; равное значеніе имѣютъ организація хозяйства и порядокъ его веденія. Лишь съ переходомъ къ многополью, къ интенсивному полеводству можно ожидать, что у населенія, сидящаго на землѣ и занимающагося ея обработкой, разовьются всѣ отрасли сельскохозяйственной промышленности. Нужно только создать условія, при которыхъ крестьянинъ-земледѣлецъ имѣлъ бы полную возможность пріобрѣсти необходимыя ему сельскохозяйственныя знанія. Мощнымъ

средствомъ для достиженія такой цѣли являются сельскохозяйственныя школы, сельскохозяйственныя бесѣды, опытныя и показательныя поля, сельскохозяйственныя изданія, мѣстные инструкторы и агрономы, и вообще вся та агрономическая организація, которая выработана практикою земскихъ учрежденій. Къ сожалѣнію, земская агрономическая помощь сельскому населенію практикуется не повсемѣстно; средства на нее затрачиваются весьма недостаточныя; планъ земскихъ агрономическихъ мѣропріятій не всегда отличается должною послѣдовательностью и не проводится въ жизнь съ надлежащею рѣшительностью.

Наконецъ, были и такіе мѣстные дѣятели, по мнѣнію которыхъ малоземелье отнюдь не является болѣзнью, нуждающеюся въ специфическомъ леченіи. Какія бы мѣры внѣшняго воздѣйствія на общій экономическій строй крестьянской жизни ни принимались, онѣ не будутъ имѣть существеннаго значенія и не дадутъ положительныхъ результатовъ, если въ самомъ населеніи не разовьется духъ самодѣятельности и разумной предпріимчивости на прочныхъ началахъ поступательнаго роста и развитія нравственныхъ и умственныхъ силъ народа. Основнымъ средствомъ для этого можетъ быть лишь просвѣщеніе невѣжественныхъ и темныхъ до этихъ поръ народныхъ массъ не путемъ только развитія ихъ при посредствѣ школъ грамотности, но проведеніемъ въ народную среду просвѣтительныхъ и воспитательныхъ началъ при посредствѣ широко поставленной народной школы и цѣлой сѣти общеобразовательныхъ учрежденій, внѣдряющихъ уваженіе къ труду и къ достоинству человѣка. Но для культурнаго роста страны необходимо полное уравненіе крестьянъ съ другими сословіями въ государствѣ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой мѣры будетъ поднятіе достоинства личности крестьянина, безъ чего невозможна совмѣстная плодотворная работа всѣхъ группъ мѣстнаго населенія для достиженія культурныхъ цѣлей. Съ тѣмъ вмѣстѣ легко и безъ всякихъ потрясеній разрѣшится аграрный вопросъ. Подъемъ доходности крестьянской земли путемъ правильной соотвѣтствующей культуры возможенъ лишь тамъ, гдѣ народная масса стоитъ на должной высотѣ умственнаго развитія, гдѣ она пріобщена къ культурной работѣ другихъ группъ мѣстнаго населенія. Засимъ существенное значеніе въ данномъ вопросѣ имѣетъ и коренное переустройство нашей финансовой системы, благодаря которой платежныя силы мѣстнаго населенія оказываются использованными сполна на общегосударственныя нужды; мѣстныя же потребности, за недостаткомъ средствъ, остаются безъ надлежащаго удовлетворенія.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что сужденіями мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ выяснены нѣкоторыя существенныя стороны вопроса о малоземельѣ въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи. Представляется, повидимому, несомнѣннымъ, что случаи острой земельной тѣсноты здѣсь составляютъ исключеніе и что поэтому въ

какихъ-либо общихъ и рѣшительныхъ мѣрахъ для борьбы съ такою тѣснотою нѣтъ настоятельной необходимости. Выяснилось, далѣе, что какъ ни малъ средній размѣръ обезпеченія землею сельскаго населенія центральныхъ черноземныхъ губерній, онъ не служитъ, самъ по себѣ, препятствіемъ для веденія правильнаго мелкаго хозяйства; дѣйствительнымъ препятствіемъ къ тому являются хищническіе пріемы пользованія землею, усвоенные крестьянами въ эпоху земельнаго простора и упорно примѣняемые ими нынѣ, когда съ приростомъ населенія замѣтно уменьшилась площадь надѣльной земли, находящейся въ распоряженіи каждаго отдѣльнаго крестьянскаго двора. Наконецъ, заслуживаетъ вниманія утвержденіе многихъ мѣстныхъ людей, будто лучшимъ и наиболѣе надежнымъ средствомъ для борьбы съ малоземельемъ является самодѣятельность населенія, при содѣйствіи правительства и общества, на обязанности которыхъ лежитъ забота о поднятіи умственнаго и культурнаго развитія народной массы и о созданіи условій, благопріятствующихъ подъему въ странѣ сельскохозяйственнаго промысла.

Глава II.

Борьба крестьянскаго населенія съ малоземельемъ.

На самомъ дѣлѣ сельское населеніе земледѣльческаго центра Россіи и до настоящаго времени не оставалось безучастнымъ зрителемъ надвигающагося малоземелья. Оно боролось съ этимъ явленіемъ по своему. Крестьянская энергія въ данномъ случаѣ расходовалась, такъ сказать, вширь, а не вглубь. О томъ, чтобы съ уменьшившейся площади надѣла, путемъ болѣе усовершенствованныхъ пріемовъ сельскохозяйственной техники, собирать прежнее, если не большее, количество продуктовъ, не было рѣчи. Къ такому рѣшенію аграрнаго вопроса крестьянство было не подготовлено. Справедливость требуетъ сказать, что подобное рѣшеніе аграрнаго вопроса и не всегда было возможно, такъ какъ стремленіе крестьянъ улучшить технику своего хозяйства, если бы оно и существовало, очень часто натолкнулось бы на непреодолимыя препятствія, заключавшіяся въ крайней устарѣлости и неполнотѣ нашего аграрнаго законодательства, въ неудовлетворительной постановкѣ нашего межевого дѣла. Борьба населенія съ малоземельемъ пошла по другому пути. Усилія крестьянъ были направлены почти исключительно къ тому, чтобы, по возможности, возстановить все убывавшее съ теченіемъ времени количество принадлежавшей двору земли. Цѣль такая достигалась разными путями: распашкою земель, покупкою земель на сторонѣ, арендою. Кромѣ того, ослабленію земельной тѣсноты и примѣненію рабочей силы, избытокъ которой накоплялся въ крестьянскихъ дворахъ и превышалъ потребности даннаго хозяйства, способствовали: переселеніе въ Сибирь, уходъ въ городскіе и фабричные заработки, мѣстные кустарные промыслы и сельскохозяйственныя работы.

Въ районѣ центральныхъ черноземныхъ губерній составъ крестьянскихъ угодій за время, истекшее съ 1861 года, существенно измѣнился. О цѣлинѣ и степяхъ теперь нѣтъ и помину. Стремленіе увеличить площадь посѣвовъ повлекла за собою распашку обширныхъ лѣсныхъ площадей; повсемѣстно замѣчается исчезновеніе луговыхъ пространствъ, пастбищъ и выгоновъ; даже межи, и тѣ въ большинствѣ случаевъ крестьянами перепаханы и уничтожены. Мало того. Распашка коснулась склоновъ и крутостей не только по балкамъ и логамъ, но даже

по берегамъ рѣкъ. Вслѣдствіе этого весеннія воды смываютъ огромное количество разрыхленной земли съ крутизны и несутъ ее въ низкія мѣста, гдѣ она осаждается слоемъ большей или меньшей толщины, постепенно растягивая плотины грунтовыхъ водъ и самыя рѣки.

Распредѣленіе надѣльной земли по отдѣльнымъ видамъ угодій уже по даннымъ 1887 года представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Губерніи.	Изъ общей площади надѣльной земли состояло въ процентахъ:				
	пахотной.	сѣнокосной и пастбищной.	остальной удобной.	лѣсной.	неудобной.
Курская	76,3	7,8	7,3	5,4	3,2
Орловская	76,8	10,5	7,4	4,1	4,1
Тульская.	79,1	9,0	5,8	3,1	3,0
Рязанская	66,8	16,0	4,6	8,2	4,4

Соотвѣтствующихъ данныхъ для болѣе поздняго времени не имѣется. Однако дальнѣйшій ростъ пашни за счетъ другихъ угодій представляется несомнѣннымъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ одинъ голосъ мѣстные комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Съ 1887 года обращаются въ пашню, какъ и раньше, по преимуществу лѣсныя и луговыя пространства.

Увеличивая, такимъ образомъ, свою хлѣбную площадь, крестьяне лишаются послѣдней возможности пользоваться немногочисленными лѣсами, находящимися въ ихъ распоряженіи, и сокращаютъ запасы кормовыхъ средствъ, что неуклонно отражается на падающемъ изъ года въ годъ скотоводствѣ. Съ другой стороны, понижающаяся урожайность испаханныхъ крестьянскихъ полей, вызывая спросъ со стороны размножающагося земледѣльческаго населенія на новыя земли, способствуетъ повышенію арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на пахотную землю и заставляетъ частныхъ владѣльцевъ, въ свою очередь, заботиться о расширеніи площади пригодной подъ хлѣбныя культуры. Отсюда постепенный, безостановочный ростъ пашни за счетъ лѣсныхъ насажденій и луговъ. Но есть извѣстный предѣлъ, за которымъ подобное явленіе становится уже невозможнымъ. Весь лѣсъ не можетъ быть распаханъ, а сѣнокосныя угодья во многихъ случаяхъ не поддаются обращенію въ хлѣбныя площади по рельефу мѣстности, свойствамъ почвы, условіямъ орошенія и т. п. Тогда ростъ пашни останавливается. Между тѣмъ все увеличивающееся число крестьянскихъ семей требуютъ новыхъ мѣстъ для населенія; мѣстами является настоятельная потребность и въ расширеніи выгоновъ. Ростъ усадебной земли и выпасовъ совершается въ такихъ случаяхъ опять таки за счетъ сѣнокосовъ, но когда послѣдніе оказываются окончательно использованными, начинается медленное, но неуклонное сокращеніе пашни. Явленіе такое, повидимому, въ полномъ ходу въ районѣ центральныхъ черноземныхъ губерній.

Въ тѣсной связи съ распашкою надѣльныхъ земель находятся овраги, количество которыхъ увеличивается ежегодно на счетъ удобной земли. Главная причина образованія овраговъ—лѣсоистребленіе, а затѣмъ распашка изъ подъ лѣса. Какъ только лѣсъ срубленъ и выкорчеванъ, весеннія воды, а равно и воды послѣ сильныхъ ливней, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ преградъ, которыя задержали бы ихъ быстрый стокъ, несутся въ низменныя мѣста, унося съ собой сначала верхній плодородный слой почвы, а затѣмъ глину и песокъ. Такимъ образомъ, земля съ покатостей сползаетъ, размывается, образуются овраги, низменныя мѣста рѣки мелѣютъ, а сѣнокосы заносятся иломъ и превращаются въ неудобныя земли. Съ лѣсоистребленіемъ идетъ попутно пониженіе уровня грунтовыхъ водъ, а это послѣднее явленіе влечетъ за собою засухи.

Кромѣ того причиною образованія и разростанія овраговъ является распашка земель изъ подъ выгоновъ и цѣлины по склонамъ лощинъ. По словамъ одного изъ членовъ Орловскаго уѣзднаго комитета, „въ непомѣрномъ развитіи овраговъ въ значительной степени виновато само населеніе. Крестьяне, благодаря своей некультурности, а иногда и съ злымъ умысломъ употребляютъ пріемы пахоты, способствующіе размыванію овраговъ...“.

Въ 1860 году овраги занимали въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, 9,9% всей площади уѣзда; въ настоящее время процентъ этотъ достигаетъ не менѣе 20%. Отдѣльные овраги имѣютъ 18 и болѣе верстъ протяженія, при глубинѣ до 20 саж., и, развѣтвляясь подъ именемъ овражковъ, ложбинокъ, отрожковъ, ярковъ и т. п., образуютъ цѣлую дренажную сѣть, которая изсушаетъ почву. Многочисленные овраги и балки въ степныхъ пространствахъ области верхняго Дона, благодаря быстрому и безостановочному росту своихъ верховьевъ, уничтожаютъ значительную площадь культурной земли, увеличиваютъ площадь испареній атмосферныхъ осадковъ, дѣйствуютъ какъ открытый дренажъ и способствуютъ сильному изсушенію почвы, пониженію уровня грунтовыхъ водъ и легчайшему стоку ихъ въ рѣки. Кромѣ того минеральные продукты разрушенія овраговъ, вмѣстѣ съ плодородною почвою высокихъ степей, выносятся полой водой въ рѣки и засоряютъ ихъ. Разростаясь до такихъ громадныхъ размѣровъ, сѣть овраговъ способствуетъ быстрому стеченію весеннихъ водъ, что въ свою очередь ведетъ къ изсушенію почвы, такъ какъ вода не успѣваетъ впитаться въ землю.

Значительное изъ года въ годъ распространеніе овраговъ является чрезвычайно серьезнымъ вопросомъ для Раненбургскаго уѣзда той же Рязанской губерніи. Въ Корочанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, вслѣдствіе образованія овраговъ, культурная площадь уменьшается въ теченіе каждаго десятилѣтія приблизительно на 2%; въ нѣкоторыхъ волостяхъ подъ оврагами числится около $^2/_5$ всей площади данной

волости. Въ Путивльскомъ уѣздѣ Курской же губерніи имѣются двѣ волости, буквально поглощеныя оврагами. Въ одной изъ нихъ за послѣдніе 40 лѣтъ исчезла въ оврагахъ цѣлая треть надѣльной земли.

Вредъ причиняемый оврагами сельскому хозяйству, состоитъ прежде всего, въ послѣдовательномъ и безостановочномъ уменьшеніи площади культурной земли. Еще болѣе неблагопріятнымъ послѣдствіемъ овраговъ является высасываніе изъ почвы столь необходимой для нея влаги. Овраги являются какъ бы естественными трубами или губками, выбирающими въ себя всю осадочную влагу и направляющими ее въ нѣдра земли, гдѣ она, вслѣдствіе низкаго своего уровня, не оказызаетъ уже никакого вліянія на питаніе растеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ овраги способствуютъ пониженію и даже совершенному уничтоженію подпочвенныхъ водъ, т. е. водоносныхъ жилъ, питающихъ колодцы, родники и т. п. Уносимой землей овраги засоряютъ свободно текущія и стоячія воды (рѣчки, ручьи, пруды) и этимъ наносятъ ущербъ населенію въ санитарномъ и пожарномъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ овраги, постепенно сокращая площадь сельскохозяйственныхъ угодій, усиливаютъ вредное дѣйствіе засухи, уменьшаютъ доходность земли, понижаютъ ея цѣнность и, слѣдовательно, отражаются неблагопріятно на платежныхъ силахъ сельскаго населенія. Овраги приносятъ вредъ полевому хозяйству еще и тѣмъ, что, вызывая удлиненіе, нерѣдко весьма значительное, дорогъ, увеличиваютъ стоимость возки сноповъ на гумно, вывозки навоза и т. п. [1]).

Поступательнымъ успѣхамъ оврагообразованія соотвѣтствуетъ наблюдаемое повсемѣстно въ раіонѣ центральныхъ черноземныхъ губерній уменьшеніе количества водъ, замѣтно прогрессирующее и находящееся въ тѣсной связи съ истребленіемъ лѣсовъ и размываніемъ овраговъ. Явленіе такое обнаруживается главнымъ образомъ въ двухъ формахъ: въ обмеленіи рѣкъ и изсяканіи источниковъ и въ уничтоженіи большихъ водохранилищъ. Во многихъ мѣстностяхъ Данковскаго, напр., уѣзда, Рязанской губерніи, вдали отъ рѣкъ, вода получалась изъ прудовъ или колодцевъ. Съ 1901 года стало замѣчаться ихъ обмеленіе и высыханіе, такъ что сельскія общества обращались къ земству за помощью на очистку или вырытіе новыхъ прудовъ и колодцевъ, въ виду полнаго недостатка воды, которую приходилось возить издалека. Въ Новооскольскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, исчезла за послѣдніе годы значительная водная площадь. Владѣльцы многихъ прудовъ, изъ числа крестьянъ, находятъ болѣе прибыльнымъ уничтожать эти водохранилища и распахивать ихъ дно. Сокращеніе водной площади стало замѣтно отражаться на климатѣ. Количество атмосферныхъ осадковъ сократилось. Ночныя росы, столь благодѣтельно освѣ-

[1]) Кн. В. И. Массальскій. Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, развитіе и дѣятельность. С.-Петербургъ, 1897.

жающія растительность, почти не выпадаютъ. Постепенное высыханіе прудовъ, родниковъ и другихъ водныхъ хранилищъ ставитъ существенную преграду развитію скотоводства. И это бѣдствіе растетъ съ каждымъ днемъ, принимая все большіе размѣры.

Покупка крестьянами центральныхъ черноземныхъ губерній земли на сторонѣ не получила особеннаго развитія. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія этимъ путемъ совершается преимущественно при содѣйствіи Крестьянскаго Поземельнаго Банка. По имѣющимся свѣдѣніямъ, съ начала открытія этого учрежденія (т. е. съ 1883 года) по 1 января 1907 года, крестьянами пріобрѣтено: въ Тульской губерніи 106 тыс. десят., въ Курской—148 тыс. дес., въ Орловской—173 тыс. дес. и въ Рязанской—152 тыс. дес., а всего по четыремъ губерніямъ — около 579 тыс. десят., что по отношенію ко всей площади надѣльныхъ крестьянскихъ земель тѣхъ губерній (около 8 милл. десят.) составляетъ нѣсколько болѣе 7%.

Неизмѣримо большее значеніе въ сельскохозяйственномъ и бытовомъ отношеніяхъ, по сравненію съ покупкою земли, имѣетъ аренда.

Аренда земли занимаетъ видное мѣсто въ хозяйственной жизни крестьянскаго населенія центральныхъ черноземныхъ губерній. Число крестьянъ, прибѣгающихъ къ арендной формѣ землепользованія, колеблется въ Орловской, напр., губерніи, по даннымъ земской статистики, въ предѣлахъ отъ 45% до 75% всего надѣльнаго населенія. Предметомъ арендованія бываютъ какъ частновладѣльческія земли, такъ и крестьянскія надѣльныя.

На первый взглядъ можетъ казаться, будто арендныя отношенія между крестьяниномъ-арендаторомъ и землевладѣльцемъ возникаютъ лишь на почвѣ добровольнаго желанія сторонъ, которыя могутъ согласиться между собою или же не приходятъ къ соглашенію и въ этомъ послѣднемъ случаѣ вступаютъ въ сдѣлку съ другими лицами. Арендныя отношенія „по волѣ“, дѣйствительно, составляютъ у насъ общее правило. Однако, нашему сельскохозяйственному быту извѣстны также арендаторы „поневолѣ“ или „противъ воли“. Такого рода арендные договоры встрѣчаются, правда, не такъ часто. Сюда относятся, прежде всего, случаи, когда арендующій крестьянскій дворъ не можетъ обойтись безъ пользованія чужою землею. Послѣдняя ему настолько необходима, что, лишись онъ аренды, хозяйство станетъ невозможнымъ, такъ какъ изъ состава его выпадутъ совершенно необходимые элементы. Такова, именно, аренда угодій, недостающихъ мѣстами въ крестьянскомъ надѣлѣ—покосовъ и выгоновъ (попасъ—пастьба на пару, ржищью, овсянью). Другимъ случаемъ принудительной аренды является тотъ, когда крестьянамъ приходится снимать у частныхъ владѣльцевъ такъ называемыя „отрѣзки“, „отбои“ и тому подобные клочки земли, врѣзывающіеся въ надѣлъ или служащіе для крестьянъ проѣздомъ на ихъ собственныя угодья. Наконецъ, крестьяне вынуждены бываютъ арен-

довать тѣ или другія угодья просто во избѣжаніе потравы ихъ скотомъ, уплачивать штрафы за которыя имъ не подъ силу.

Но въ тѣхъ даже случаяхъ, когда крестьяне арендуютъ помѣщичью землю „по волѣ“, они часто не могутъ обойтись безъ аренды, не нанося существеннаго ущерба своему хозяйству. Разберемся, однако, ближайшимъ образомъ въ вопросахъ, характеризующихъ арендныя отношенія въ раіонѣ центральныхъ черноземныхъ губерній: кто является съемщикомъ помѣщичьихъ земель, на какой срокъ и по какой цѣнѣ тѣ земли снимаются, каково сельскохозяйственное и культурное значеніе такой аренды?

Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія аренда крестьянами помѣщичьей земли была весьма распространеннымъ явленіемъ. Снимали землю цѣлыя общества крестьянъ; земля арендовалась на нѣсколько лѣтъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ обѣднѣнія отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ, стала все чаще обнаруживаться неисправность сельскихъ обществъ во взносѣ срочныхъ платежей. Въ виду этого частные владѣльцы предпочли сдавать свою землю болѣе исправнымъ крестьянамъ, или же обращались къ посредникамъ. Эти послѣдніе, арендуя значительную площадь помѣщичьихъ угодій и притомъ по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ дали бы крестьяне, сдаютъ уже отъ себя крестьянамъ болѣе мелкіе участки на очень тяжелыхъ условіяхъ, наживая при этомъ до 45% на затраченный капиталъ. Въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, и въ другихъ мѣстностяхъ центральнаго черноземнаго раіона въ послѣдніе годы примѣняется новый способъ арендованія, къ которому одинаково обращаются какъ землевладѣльцы, такъ и съемщики-посредники. Земля сдается крестьянамъ не иначе, какъ съ обязательствомъ уплаты арендныхъ денегъ „до копенъ“; копны служатъ обезпеченіемъ исправности платежа, такъ какъ арендаторъ никакого другого обезпеченія представить не можетъ, да и взыскать съ него по суду нечего. Этотъ новый видъ арендныхъ отношеній, свидѣтельствующій о прогрессирующемъ упадкѣ платежеспособности съемщиковъ помѣщичьихъ земель, сопряженъ съ существенными неудобствами; въ случаѣ неблагопріятной для уборки погоды, копны хлѣба, стоя подолгу въ полѣ, портятся, обезцѣниваются, что одинаково невыгодно какъ для владѣльца земли или съемщика-посредника, такъ и для крестьянина-арендатора.

Къ арендѣ земельныхъ пахотныхъ участковъ прибѣгаютъ отдѣльные крестьяне; пастбища же на частновладѣльческой землѣ заарендовываются обыкновенно цѣлыми обществами.

Сдача частновладѣльческой земли въ аренду представляется наименѣе культурнымъ способомъ веденія хозяйства. У насъ не образовалось класса арендаторовъ, профессіонально занимающихся этимъ дѣломъ. Арендаторами бываютъ, по общему правилу, мѣстные кулаки,

снимающіе землю лишь при наличности исключительно выгодныхъ для нихъ условій; они стараются въ короткое время выжать изъ аренды все, что только возможно, а на вырученный капиталъ заняться торговымъ дѣломъ. Такіе арендаторы способны лишь къ хищническому, истощающему землю, хозяйствованію. Прошедшее черезъ аренду имѣніе становится неузнаваемымъ. Все, что можно срубить, срублено; что можно увезти, увезено; что требовало поддержки или ремонта, развалилось; инвентарь, если таковой сданъ былъ по описи, оказывается никуда негоднымъ хламомъ. Привести имѣніе, прошедшее черезъ руки арендаторовъ-кулаковъ, въ возможный для хозяйства видъ, стоитъ огромнаго труда, умѣнья и затратъ. Но главное, что владѣлецъ заарендованнаго такимъ образомъ имѣнія отнюдь не обезпеченъ въ исправномъ поступленіи арендной платы. Арендаторы-спекулянты свободными деньгами обыкновенно не располагаютъ, а изворачиваются, какъ могутъ, до урожая и его уборки. Въ хорошій годъ съ нихъ аренда поступитъ; въ неурожайный или хотя бы недородный годъ взыскать съ нихъ условленную плату очень трудно.

Наиболѣе распространеннымъ, однако, видомъ аренды является подесятинная на одинъ годъ отдача земли крестьянамъ. Краткосрочная аренда обходится въ общемъ дороже, заставляетъ съемщика довольствоваться худшими землями и не позволяетъ повышать урожаи затратами на удобреніе. Помѣщичьи земли „охотно" разбираются малоземельными крестьянами за высокую плату, превосходящую, случается, вдвое чистый доходъ отъ земли. Большею частью бываетъ, что крестьянинъ арендуетъ землю для своего личнаго прокормленія, условленную же плату старается заработать инымъ способомъ, а не продажею снятыхъ съ этой земли продуктовъ. При существующихъ высокихъ арендныхъ цѣнахъ (въ Курской, напр., губерніи въ среднемъ болѣе 14 руб. за десятину ярового посѣва и 20 руб. 52 коп. за десятину озимаго), такая аренда крайне невыгодна для арендатора: отъ десятины ярового посѣва онъ выручитъ, если не считать стоимости труда, свыше 6 руб. чистой прибыли; но съ зачетомъ стоимости обработки, получается чистый убытокъ на сумму свыше 4 руб. 50 коп. Аренда десятины озимаго посѣва, не считая стоимости труда, даетъ чистаго дохода 9 руб. 47 коп.; со включеніемъ же стоимости труда получается убытокъ въ 6 руб. 65 коп. Съ другой стороны, доходъ отъ аренды земли, сравнительно съ продажною ея стоимостью, понизился почти въ полтора раза. Въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, при подесятинной съемкѣ земли подъ одинъ посѣвъ крестьяне платятъ отъ 15 р. до 18 р. за десятину, смотря по качеству. Переводя эту цифру на всю площадь пахотной земли, получаемъ при трехпольѣ отъ 10 до 12 руб. на пахотную десятину. По отношенію къ цѣлому имѣнію цифра доходности земли будетъ, конечно, ниже, такъ какъ не найдется ни одного имѣнія, въ которомъ не числилось бы большее или меньшее количество не-

удобной земли. Частные предприниматели-арендаторы платятъ отъ 6 до 7 руб. за десятину всей площади имѣнія, принимая на себя обязательство держать скотъ и унаваживать опредѣленную площадь. Въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской же губерніи, средняя чистая доходность посѣвной десятины, по даннымъ земскаго статистическаго изслѣдованія, выразится 11 руб. 17 коп.; арендная же плата за посѣвную десятину, при самой выгодной для населенія формѣ аренды—долгосрочной и чисто денежной—равняется въ среднемъ 12 руб.

Вообще высота арендной платы колеблется въ зависимости отъ урожая; въ годы, слѣдующіе за неурожаями или даже недородами, она сильно понижается. При существующей у насъ сельскохозяйственной культурѣ, съ преобладаніемъ зерновыхъ посѣвовъ, при пахотѣ подъ посѣвы сохами и задники посѣвовъ боронами съ деревянными зубьями, крестьянинъ и на арендованныхъ участкахъ почти что ничего не зарабатываетъ, если только принять во вниманіе стоимость труда, затрачиваемаго имъ на обработку почвы, посѣвъ, уборку и молотьбу хлѣба. Этотъ выводъ подтверждается цѣлымъ рядомъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Съемныя цѣны по 28 руб. и 30 руб. за десятину озимаго и 12—18—20 руб. за десятину ярового, какія встрѣчаются, напр., въ Щигровскомъ, Суджанскомъ и въ другихъ уѣздахъ Курской губерніи, при далеко не важныхъ урожаяхъ послѣдняго времени и при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, не соотвѣтствуютъ ни доходности земли, ни ея цѣнности *). Такая аренда, невыгодная для съемщика, оказывается въ концѣ-концовъ разорительною и для сдатчика. Краткосрочность аренды и ея обременительность приводятъ къ тому, что арендаторы вынуждены вести хищническое хозяйство; о затратѣ труда и средствъ на улучшеніе и надлежащую обработку арендуемаго участка не можетъ быть рѣчи. Нѣкоторые изъ съемщиковъ, убѣдившись въ невозможности безубыточнаго найма частновладѣльческихъ земель, предпочитаютъ уйти на заработки или даже переселиться. Съ другой стороны, и у землевладѣльца нѣтъ прочной увѣренности въ исправномъ полученіи арендной платы. Такъ какъ наличныхъ денегъ у огромнаго большинства крестьянъ почти никогда не бываетъ, то установился слѣдующій порядокъ. Крестьянинъ, снимая по высокой цѣнѣ десятину земли, или не вноситъ владѣльцу никакого задатка, или даетъ таковой въ небольшой суммѣ, не болѣе 50 коп.—1 руб. съ десятины; окончательный же разсчетъ производится при свозѣ съ поля копенъ. Поэтому, въ случаѣ обильнаго урожая, помѣщикъ получаетъ условленную арендную плату полностью; при неурожаѣ онъ вынужденъ довольствоваться полученнымъ задаткомъ, отъ котораго крестьянинъ въ такомъ случаѣ отказывается, или же условленная арендная плата уменьшается въ

*) Въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, на каждый изъ арендуемыхъ дворовъ приходится въ двухъ поляхъ 3,2 десятины, за которыя уплачивается 40 руб.

соотвѣтствіи съ количествомъ родившагося хлѣба. Взыскать что-либо съ подобнаго неисправнаго арендатора не представляется возможнымъ, въ виду узаконеній, ограждающихъ усадьбу крестьянина и необходимый въ хозяйствѣ живой и мертвый инвентарь отъ продажи по долгамъ. Обстоятельство это отражается весьма неблагопріятно, между прочимъ, и на обработкѣ арендуемаго участка. Крестьяне-съемщики разсуждаютъ такимъ образомъ, что въ урожайный годъ хлѣбъ родится хорошо и на плохо обработанной десятинѣ; а въ недородное лѣто они все равно ничѣмъ не рискуютъ, такъ какъ съ нихъ нечего взять, и едва ли стоитъ затрачивать время и трудъ на работу, которая, быть можетъ, не окупится. Наблюдается обычное явленіе, что, арендуя чужую землю, крестьянинъ весь имѣющійся у него навозъ вывозитъ только на свои надѣльные участки. Высокая арендная плата, при наличности указанныхъ условій, имѣетъ свое особое значеніе: это высшій предѣлъ ренты, которую можетъ получить владѣлецъ земли лишь въ случаѣ наиболѣе благопріятнаго урожая.

Краткосрочная аренда такимъ образомъ препятствуетъ развитію сельскохозяйственной техники и побуждаетъ арендатора къ веденію хищническаго хозяйства. Она вредитъ владѣльцу земли, способствуя ухудшенію послѣдней и представляя для будущаго опасность полнаго истощенія почвы. Она наноситъ ущербъ и арендатору, который можетъ окупить свой трудъ лишь въ совершенно исключительные по урожайности годы и для котораго нѣтъ побудительныхъ причинъ заботиться о подъемѣ производительности арендуемаго участка.

Арендныя цѣны за земли, сдаваемыя съ разсрочкою платежа, почти въ полтора раза выше тѣхъ цѣнъ, по которымъ арендуютъ крестьяне, могущіе вносить арендную плату впередъ.

Въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, когда помѣщичьи хозяйства еще не наладились, не приспособились къ новымъ условіямъ хозяйственнаго быта, широкое примѣненіе имѣла аренда испольная. Неудовлетворительность крестьянской обработки земли заставила частныхъ владѣльцевъ отказаться отъ этого способа хозяйствованія. Правда, прежде, какъ и теперь, владѣльцы испольно сдаваемой земли требуютъ отъ крестьянъ удобренія таковой и обработки ея болѣе усовершенствованными сельскохозяйственными орудіями, принадлежащими владѣльцамъ же; однако, на такія условія крестьяне идутъ съ крайнею неохотою, предъявляютъ, въ свою очередь, непомѣрныя требованія относительно слѣдуемой имъ части урожая и при всемъ томъ поставленныя условія большею частью остаются мертвою буквою.

За послѣднее время, однако, испольная аренда получаетъ вновь болѣе широкое распространеніе. Обстоятельство это обусловливается разными причинами. Мѣстами, какъ напр., въ Веневскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, побудительною причиною къ переходу на испольное

хозяйство явилась неаккуратная уплата крестьянами-съемщиками слѣдуемой частнымъ владѣльцамъ арендной суммы, а равно обычное неисполненіе арендаторами условій договора. Въ другихъ мѣстностяхъ центральнаго земледѣльческаго раіона испольная система задерживаетъ отливъ рабочихъ рукъ въ отхожіе промыслы. Въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, наблюдается слѣдующее явленіе: „Крестьяне, не имѣя возможности прокормиться со своей нивы, начинаютъ уходить на посторонніе заработки, большею частью ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ неимѣющіе, и въ концѣ концовъ настолько поглощаются ими, что въ деревнѣ остаются только малоспособные къ работѣ члены семьи, работа которыхъ, понятно, не можетъ содѣйствовать улучшенію сельскохозяйственной культуры. Въ это же самое время и владѣльческія земли, не будучи обезпечены вѣрнымъ контингентомъ рабочей силы, не только не могутъ улучшаться въ культурѣ, а нужно сознаться, съ каждымъ годомъ понижаются, принося своимъ владѣльцамъ убытки и разочарованія. Землевладѣльцы сокращаютъ свои посѣвы до возможнаго минимума, оставляя пустовать такія земли, которыя, при болѣе нормальныхъ условіяхъ, могли бы принести обоюдную пользу“.

При наличности подобныхъ условій сама жизнь заставляетъ обратиться къ испольной системѣ землепользованія, такъ какъ она въ значительной мѣрѣ способна примирить интересы владѣльца земли и испольниковъ-крестьянъ. „Къ этой системѣ,—заявляетъ одинъ изъ членовъ Каширскаго уѣзднаго комитета,—насъ начинаетъ приводить не культурная миссія, не отвлеченныя разсужденія, а положительная невозможность вести свое хозяйство наемными рабочими, уходящими произвольно съ работъ въ самое горячее время, не смотря ни на какую плату и заключенныя условія. Съ другой стороны, и обработка и уборка полей, сдаваемыя за деньги мѣстнымъ крестьянамъ, никакъ не могутъ гарантировать хозяину, что у него будетъ все сдѣлано въ свое время. Нужда въ деньгахъ заставляетъ крестьянъ брать на себя такія работы, но когда начинается страдная пора, тутъ никакія принужденія не могутъ его заставить смотрѣть равнодушно на осыпавшееся зерно на своей нивѣ и идти убирать по первому требованію ниву владѣльца, такъ какъ эти заработки не настолько велики, чтобы могли окупить потери на своей нивѣ...“

При арендной сдачѣ крестьянамъ частновладѣльческихъ земель, весь урожай свозится на сторону и поля совершенно лишаются удобренія, да и полученіе аренды ничѣмъ не обезпечено, особенно въ неурожайные годы. При испольной системѣ рискъ отъ неурожая дѣлится на двоихъ—на владѣльца земли и на арендаторовъ. Но слабая сторона испольной системы заключается въ томъ, что поля получаютъ удобреніе только на половину, такъ какъ другая половина его увозится. Крестьяне вполнѣ сознаютъ выгоды испольнаго вида аренды,

но не всегда имѣютъ возможность приступить къ ней изъ-за значительныхъ на первое время затратъ на покупку рабочаго скота, орудій, сѣмянъ и т. п.

Земскими изслѣдованіями послѣдняго времени вообще обнаруженъ фактъ, что почти вся масса арендныхъ земель сосредоточивается въ рукахъ зажиточнаго или, по крайней мѣрѣ, достаточнаго крестьянства; наиболѣе же нуждающіеся въ землѣ слои населенія не находятъ себѣ мѣста среди арендаторовъ. Чѣмъ больше надѣльной земли имѣетъ данное крестьянское хозяйство, тѣмъ обширнѣе, по общему правилу, арендуемая имъ площадь.

Надѣльной земли оказывается слишкомъ мало для размножившагося населенія и возникаетъ настойчивая потребность въ расширеніи площади крестьянскаго землевладѣнія. А въ то же время все чаще повторяются случаи, когда надѣльные участки сдаются въ аренду. Въ Елецкомъ, напр., уѣздѣ, Орловской губ., аренда надѣльной земли составляетъ 56% всей арендуемой крестьянами площади. Въ общинныхъ селеніяхъ Новосильскаго уѣзда, Тульской губ., отъ $1/4$ до $1/2$ домохозяевъ сдаютъ свои надѣлы, иногда даже огороды, и такимъ образомъ превращаются на самомъ дѣлѣ въ безземельныхъ.

По дѣйствующему закону, крестьяне владѣютъ надѣльными землями на подворномъ или на общинномъ правѣ. Въ первомъ случаѣ усадебныя и полевыя земли, находящіяся во владѣніи отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ, составляя ихъ подворные участки, принадлежатъ не одному лицу, а всѣмъ въ совокупности членамъ семьи, какъ рабочаго союза, состоящаго въ одномъ дворѣ. Во второмъ случаѣ только усадебныя земли, составляя равнымъ образомъ собирательную собственность, принадлежатъ всей семьѣ двора; полевыя же земли отведенныя въ видѣ отдѣльныхъ участковъ во владѣніе отдѣльныхъ дворовъ, принадлежатъ крестьянскому обществу и находятся лишь во временномъ пользованіи двора. Исходя изъ этого положенія, исключающаго личную волю въ распоряженіи надѣльнымъ имуществомъ, необходимо придти къ заключенію, что аренда крестьянской надѣльной земли съ сельскохозяйственной точки зрѣнія представляется явленіемъ отрицательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, арендованіе надѣльныхъ участковъ на болѣе продолжительные сроки недопустимо безъ ущерба интересамъ сельскихъ обществъ или членовъ двора, вынужденнаго поступиться частью своего надѣла; арендованіе же на короткіе сроки неизбѣжно ведетъ къ истощенію земли и паденію ея производительности. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сдача душевыхъ надѣловъ представляется ничѣмъ инымъ, какъ особою формою доступнаго крестьянамъ кредита; она вызывается недостаткомъ въ нужное время средствъ на выполненіе принятыхъ на себя обязательствъ, на уплату податей, на покупку хлѣба, сѣмянъ, скота и т. п. Случаевъ, чтобы цѣлое сельское общество сдавало въ аренду свою надѣльную землю не бываетъ.

Обыкновенно отдѣльные крестьяне сдаютъ свою землю въ аренду нѣсколькимъ лицамъ, причемъ существующій порядокъ, требующій для такой передачи согласіе сельскаго общества, выраженное въ приговорѣ, постановленномъ двумя третями домохозяевъ, является крайне стѣснительнымъ, часто убыточнымъ и безполезнымъ, какъ для сдающихъ свою землю въ аренду, такъ и для снимающихъ ее. Стѣснителенъ такой порядокъ потому, что крестьянинъ, сдающій свою надѣльную землю, вполнѣ зависитъ отъ произвола сельскаго общества, руководимаго горлопанами и сельскимъ старостою; убыточенъ—такъ какъ бываютъ случаи, что общество отказывается составить приговоръ, требуя за составленіе таковаго угощенія; безполезенъ—такъ какъ этотъ видъ контроля за безнедоимочнымъ поступленіемъ податей и сборовъ за землю имѣетъ чисто формальный характеръ.

Арендная стоимость надѣльной земли очень низка. Въ Орловской губерніи предложеніе надѣловъ осенью, при уплатѣ податей, превышаетъ спросъ на нихъ со стороны «богатѣевъ», арендная плата вносится впередъ, но размѣръ ея, при наличности указанныхъ условій, весьма незначителенъ. Въ Рязанской губерніи наиболѣе благопріятнымъ случаемъ считается тотъ, когда надѣльные участки сдаются за уплату податей и повинностей, съ выдачею домохозяину въ среднемъ до двухъ рублей за пачиную душу. Нерѣдко бываетъ, что надѣльные участки сдаются лишь за уплату податей и сборовъ. Наконецъ извѣстны случаи, когда душевые надѣлы сдаются въ аренду за уплату податей и сборовъ, причемъ, однако, владѣльцы этихъ надѣловъ обязываются уплачивать арендатору до трехъ рублей въ годъ за однодушный надѣлъ. Въ Волчье-Дубровской волости Чернскаго уѣзда, Тульской губ., числится болѣе 20% безлошадныхъ дворовъ. Надѣлы этихъ безлошадниковъ находятся въ рукахъ состоятельныхъ домохозяевъ, которые за каждый надѣлъ уплачиваютъ его собственнику приблизительно рублей 8 и, сверхъ того, принимаютъ на себя всѣ денежныя и натуральныя повинности *). Если сдается также усадебная земля, то за огородъ приплачивается еще рубля 2 или 3. Такимъ образомъ, надѣлъ сдается бѣдняками богатымъ односельчанамъ за 18 руб., что при среднемъ надѣлѣ въ 2,61 десятины составляетъ 6 р. 90 к. за десятину. Арендуя землю у частныхъ землевладѣльцевъ, крестьяне охотно платятъ отъ 7 руб. 50 коп. до 8 руб. за десятину вкругъ. Такая разница въ цѣнахъ очень понятна, если принять во вниманіе, что бросаемые хозяевами надѣлы представляютъ собою клочки, разбросанные по всему мірскому полю, часто десятками лѣтъ неудобрявшіеся и истощенные хищнической культурою.

Низкій размѣръ арендной платы за надѣльную землю обусловливается многими причинами. Существенно важнымъ представляется то

*) На надѣлъ падаетъ денежныхъ повинностей 6 руб. 95 коп. и, кромѣ того, натуральныхъ повинностей приблизительно на одинъ рубль.

обстоятельство, что съемщиками является ограниченный кругъ лицъ— болѣе состоятельные члены того же сельскаго общества, къ которому принадлежитъ домохозяинъ, сдающій свою надѣльную землю; посторонніе крестьяне такой аренды избѣгаютъ. Засимъ на пониженіе арендной цѣны вліяетъ разбросанность надѣла и вообще неудобство его расположенія; наконецъ, едва ли не рѣшающее значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ крайняя истощенность надѣльныхъ участковъ. Въ Рязанскомъ, напр., уѣздѣ имѣется село Стафурлово, домохозяева котораго, числомъ до 50 человѣкъ, вмѣстѣ со своими семьями выселились въ разные города Имперіи; свои же выпаханные и доведенные до безродія надѣлы бросили на произволъ судьбы. Однако, у большинства стафурловскихъ домохозяевъ имѣются собственныя «купчія» земли, расположенныя по близости къ ихъ заброшеннымъ надѣламъ; эти купчія земли сдаются ими въ аренду своимъ же однообщественникамъ, по десяти рублей за десятину вкругъ. Такимъ образомъ, земля, расположенная въ одной и той же мѣстности, однохарактерная по составу почвы, но находящаяся въ разныхъ видахъ владѣнія, оцѣнивается разно: общинные надѣльные участки брошены на произволъ судьбы, лежатъ впустѣ и составляютъ для сельскаго общества тяготу; «купчая» земля, принадлежащая тѣмъ же общинникамъ, сдается ими въ аренду по самой высокой цѣнѣ, какая встрѣчается въ той мѣстности. Разгадка этого явленія понятна: надѣльная земля истощена, обезпложена; «купчая»—удобрена, оплодотворена.

Бываютъ случаи, когда подъ видомъ аренды надѣльной земли совершается продажа таковой. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ участниковъ Корочанскаго уѣзднаго комитета, крестьянинъ Кулабуховъ. Сдѣлка происходитъ такимъ образомъ. Крестьянинъ, нуждающійся въ деньгахъ, уступаетъ другому члену того же сельскаго общества свой участокъ надѣльной земли за самую ничтожную плату; контрагенты совершаютъ между собою, внѣ волостного правленія, договоръ объ арендѣ срокомъ на 12 лѣтъ и съ платежемъ въ годъ по 12 рублей, причемъ сдатчикъ надѣла получаетъ 50 руб. или 100 руб. впередъ за все время арендпаго договора, а отъ себя выдаетъ съемщику обязательство на 100, 200, 500 и болѣе рублей; копіи съ договора и обязательства первый контрагентъ не получаетъ. По прошествіи арендпаго срока, возникаетъ по иску прежняго владѣльца надѣльной земли судебное дѣло, по которому въ искѣ ему отказываютъ за земскою давностью; объ арендномъ договорѣ тутъ и рѣчи нѣтъ; кромѣ того, прежній же владѣлецъ присуждается къ уплатѣ по выданному имъ обязательству, вмѣстѣ съ судебными издержками; взысканіе производится черезъ продажу съ торговъ послѣдняго его достоянія.

Переселеніе въ Сибирь не играетъ особенно замѣтной роли въ жизни сельскаго населенія земледѣльческаго центра Россіи, за исключеніемъ, однако, Курской губерніи.

Для успѣшнаго развитія переселенческаго движенія необходимо, чтобы крестьяне, отправляющіеся на новыя мѣста, обладали нѣкоторыми денежными средствами, достаточными для покрытія путевыхъ расходовъ и для удовлетворенія потребностей семьи въ первое время проживательства на новомъ мѣстѣ. Значительную часть такихъ средствъ переселенцы добываютъ нынѣ отъ отчужденія своихъ надѣльныхъ участковъ. Подобное отчужденіе хотя и запрещено дѣйствующимъ закономъ, но, въ обходъ закона, совершаются разнаго рода сдѣлки какъ переселенцами, такъ и крестьянами, уходящими въ многолѣтніе заработки на заводы, шахты и т. п. Неузаконенность сдѣлокъ по отчужденію надѣльныхъ участковъ и порождаемые ими многочисленные процессы существенно понижаютъ продажную стоимость надѣльныхъ участковъ: случается, что надѣлъ стоимостью въ 600—700 руб. отчуждается за сумму въ 150 руб., въ виду связаннаго съ такою покупкою риска. Дѣйствительно, домашнія сдѣлки о продажѣ надѣла, по общему правилу, не оспариваются сельскимъ обществомъ, которое обыкновенно довольствуется ведромъ водки съ заинтересованнаго лица; но бываетъ, что такія сдѣлки обществомъ не признаются, а это влечетъ за собою для сторонъ крупные непріятности и убытки.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Курской губерніи существуетъ такой обычай. Когда крестьянинъ рѣшилъ переселиться, онъ самъ подыскиваетъ покупщика, которому и продаетъ свою надѣльную землю, смотря по количеству ея, за 250—300 руб. Письменнаго соглашенія не дѣлается, но продавецъ, явившись на сходъ, сообщаетъ ему о заключенной сдѣлкѣ. Общество, входя въ положеніе переселенца, у котораго другихъ средствъ нѣтъ, какъ то, что онъ можетъ получить за свой надѣлъ, постановляетъ приговоръ такого содержанія: землю, остающуюся за выбытіемъ такого-то на переселеніе, предоставить въ распоряженіе такого-то (т. е. лица, которому эта земля продана переселенцемъ). Въ другихъ мѣстностяхъ Курской губерніи поступаютъ иначе. Освобождаемый переселенцемъ земельный участокъ поступаетъ въ распоряженіе сельскаго общества, которое выплачиваетъ переселенцу соотвѣтствующую сумму, по разсчету не менѣе ста рублей за десятину; деньги эти берутся изъ общественныхъ суммъ или же собираются по раскладкѣ съ домохозяевъ. Засимъ участокъ или сдается обществомъ однодеревенцу по приговору, или же распредѣляется между членами общества поровну; сдача составляетъ общее правило, особенно часто практикуемое въ уѣздахъ Обоянскомъ и Тимскомъ; разверстка встрѣчается въ видѣ исключенія. Если же членъ сельскаго общества не переселяется, а лишь уходитъ на продолжительные заработки и повинности уплачиваетъ исправно, то онъ самъ сдаетъ свою надѣльную землю въ аренду, но только съ согласія общества, удостовѣреннаго мірскимъ приговоромъ.

Въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, сельскія общества охотно разрѣшаютъ переселяющимся домохозяевамъ сдачу ихъ надѣльной земли на сроки до 12 лѣтъ; взимаемая впередъ арендная плата служитъ для переселенца расходнымъ фондомъ.

Дѣйствующее законодательство, по которому домохозяинъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ уплачивавшій выкупные платежи и почти погасившій лежащій на его надѣльной землѣ выкупной долгъ, лишенъ, однако же, права продать эту землю по настоящей цѣнѣ, будучи по существу несправедливо, ведетъ на практикѣ къ немалымъ злоупотребленіямъ. Изъ Новоивановской волости Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи, выселились нѣкоторые крестьяне, продавъ свою землю и все свое имущество болѣе зажиточнымъ домохозяевамъ того же сельскаго общества. Продажа состоялась за безцѣнокъ. Надѣлъ изъ 2¾ десят. разныхъ угодій продавался по 150—200 руб.; постройки средняго домохозяина, заключавшіяся въ хорошей и крѣпкой избѣ, скотныхъ сараяхъ, амбарчикѣ, клунѣ, вмѣстѣ съ сельскохозяйственными орудіями и разными принадлежностями хозяйства,—все это шло оптомъ по цѣнѣ отъ 100 до 250 рублей. Разорительность подобныхъ продажъ обусловливается тѣмъ, что покупщиками могутъ быть лишь зажиточные, денежные крестьяне того сельскаго общества, къ которому принадлежитъ семья, рѣшившаяся переселиться; а такъ какъ такихъ богатыхъ и денежныхъ крестьянъ сравнительно немного, то они, не имѣя соперниковъ, скупаютъ землю и имущество переселенцевъ почти по той цѣнѣ, которую сами назначатъ.

Переселенцы, собравъ какіе-нибудь 400—600 рублей, съ семьею изъ 5—8 душъ, уходятъ за тысячи верстъ въ поискахъ за лучшею долею и уже въ дорогѣ расходуютъ большую часть своихъ денежныхъ средствъ. Явившись на новыя мѣста, они съ трудомъ начинаютъ поселяться и устраиваться, но лишь немногіе изъ нихъ удачно справляются съ препятствіями и невзгодами переселенія, успѣваютъ приноровиться къ особенностямъ данной мѣстности и сообразоваться съ мѣстными климатическими условіями. Очень часто случается, что, потрудившись нѣкоторое время въ потѣ лица надъ устройствомъ новаго своего поселенія, выбившись изъ силъ и израсходовавъ всѣ свои денежные запасы, переселенецъ приходитъ къ тому заключенію, что устроиться на новыхъ мѣстахъ онъ рѣшительно не въ состояніи. И вотъ слѣдуетъ обратное шествіе на родину уже совсѣмъ обнищавшихъ переселенцевъ, милостынею снискиваютъ они себѣ по пути пропитаніе; но и на родинѣ ихъ ждетъ непривѣтливая обстановка... При наличности указанныхъ условій становится понятнымъ, почему переселенческое движеніе въ раіонѣ центральныхъ черноземныхъ губерній не представляетъ сколько-нибудь замѣтнаго развитія, а мѣстами и падаетъ. Такъ, въ Тульской губерніи выдано проходныхъ свидѣтельствъ и свидѣтельствъ ходокамъ: въ 1898 году—2.747, въ 1899 году—554, а въ

1900 году—всего 100. На тысячу человѣкъ естественнаго прироста приходится переселившихся, въ среднемъ за 16 лѣтъ, съ 1885 г. по 1900 г.: въ Курской губерніи 268,1; въ Орловской—130,4; въ Тульской—93,3; въ Рязанской—75,5. Курская губернія даетъ наибольшее число крестьянъ, нуждавшихся въ переселеніи, что, повидимому, находится въ связи съ тѣми особо неблагопріятными условіями, въ которыя поставлены здѣсь владѣльцы четвертныхъ земель,—о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Посмотримъ теперь, какое значеніе въ хозяйственной жизни центральныхъ черноземныхъ губерній имѣютъ кустарные промыслы, мѣстныя сельскохозяйственныя работы и отхожіе заработки.

Кустарные промыслы въ губерніяхъ центральнаго черноземнаго раіона распространены, сравнительно, очень слабо. Общая сумма годового заработка кустарей для Курской, напр., губерніи не превышаетъ 2½ милл. руб. (въ 1902 г.—2,4 милл. р.). Какъ мало оплачивается трудъ крестьянина-кустаря, видно изъ слѣдующаго хотя бы примѣра. Производство въ Фатежскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, домашняго холста, при усидчивомъ ежедневномъ трудѣ въ 10—12 часовъ, даетъ заработокъ въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ зимняго времени всего 2—3 руб., за исключеніемъ матеріала. Крестьянскіе кустарные промыслы, какъ и крестьянское земледѣліе, нуждаются въ болѣе совершенной техникѣ, въ возможно большей доступности сырого матеріала, въ измѣненіи способовъ сбыта кустарныхъ произведеній, и наконецъ, главное, въ организаціи мелкаго кредита, доступнаго кустарю. Съ точки зрѣнія использованія излишковъ рабочей силы земледѣльческаго населенія въ періодъ времени, свободный отъ сельскохозяйственныхъ работъ, кустарные промыслы имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, фабрики и заводы все шире и шире поглощаютъ отрасли примѣненія ручного труда, а съ другой – кругъ потребителей кустарныхъ издѣлій не увеличивается, а сокращается.

Мѣстныя сельскохозяйственныя работы у частныхъ владѣльцевъ заключаются въ подесятинной обработкѣ земли, поденщинѣ и батрачествѣ.

Подесятинная обработка состоитъ въ томъ, что крестьянинъ обыкновенно зимою обязывается произвести полную обработку и уборку извѣстнаго количества десятинъ: онъ долженъ три раза вспахать, забороновать, засѣять, скосить, связать, иногда и свезти хлѣбъ на гумно, а иногда и сложить его въ скирды; словомъ—произвести всѣ сельскохозяйственныя операціи, кромѣ молотьбы. Обычная плата за такую работу въ Курской губерніи 5—6 руб. съ десятины. Будучи связанъ обязательствомъ производства работы по первому требованію экономіи, т. е. въ самый разгаръ и своихъ полевыхъ работъ, крестьянинъ тяготится подесятинными заработками; исполненіе взятыхъ работъ производится небрежно и несвоевременно; только крайняя нужда

въ деньгахъ или хозяйственная зависимость отъ экономіи заставляютъ крестьянина прибѣгать къ такому роду работы.

Къ этой же формѣ заработковъ тѣсно примыкаютъ работы крестьянъ за забираемую ими солому, за дрова, за поросятъ, а иногда и за хлѣбъ, когда крестьянинъ, получивъ отъ своего сосѣда или изъ экономіи необходимый продуктъ для своего прокормленія или для прокомленія скота обязуется за это исполнить извѣстнаго рода полевыя работы.

Указанный видъ заработковъ, особенно оплачиваемый натурою, отчасти сокращается и вмѣсто него начинаетъ чаще примѣняться подесятинная обработка, но съ вознагражденіемъ уже не до начала работъ, а послѣ ихъ исполненія.

Большое значеніе какъ по числу занятыхъ работами лицъ, такъ и по количеству зарабатываемыхъ денежныхъ средствъ имѣютъ сельскохозяйственныя работы, исполняемыя поденными рабочими. Лучшая сторона этой формы заработка заключается въ томъ, что рабочій предлагаетъ свой трудъ лишь въ свободное отъ собственныхъ работъ время, а владѣлецъ нанимаетъ рабочихъ лишь въ то время, когда они ему нужны. Мужчина получаетъ въ день отъ 45 коп. (въ зимнее и осеннее время) до 85 коп. и 1 руб. (въ лѣтнее), а женщина отъ 25 коп. (осенью) до 60 коп. (лѣтомъ), причемъ мужчины получаютъ продовольствіе отъ экономіи, а женщины содержатся своимъ иждивеніемъ—«на своихъ харчахъ».

Дешевизна женскаго труда и возможность замѣны этимъ трудомъ дорого оплачиваемаго труда мужчины въ большинствѣ домашнихъ сельскохозяйственныхъ работъ (молотьбѣ, полкѣ хлѣбовъ, уборкѣ сѣна и огородныхъ овощей) содѣйствуютъ паденію цѣны на мужской трудъ и заставляютъ мужчинъ искать другого рода заработковъ.

Невыгодныя стороны поденнаго труда, заключающіяся въ отсутствіи гарантіи для нанимателей въ полученіи нужнаго числа рабочихъ, а для наемщиковъ — въ возможности постояннаго примѣненія труда, обусловливаютъ примѣненіе срочнаго найма, помѣсячнаго или годового. Сроки найма годовыхъ рабочихъ обыкновенно пріурочивается къ глубокой осени (15 ноября), когда оканчиваются всѣ важнѣйшія сельскохозяйственныя работы; предложеніе рабочихъ рукъ бываетъ въ то время весьма значительное и наемныя цѣны поэтому не высоки. Обычная плата годовому рабочему на хозяйскомъ довольствіи 65—85 руб. Хотя рабочій нанимается осенью и за недорогую цѣну, но все же помѣсячная плата въ зимнее время при годовомъ наймѣ гораздо выше существующей въ то время года помѣсячной платы; помѣсячная плата въ зимнее время колеблется отъ 3 до 5 руб., а при средней годовой платѣ 75 руб., рабочему и въ зимнее время приходится свыше 6 руб. Поэтому зачастую случается, что годовой рабочій, нанявшись съ осени и проживъ зиму за хорошо оплаченное содержаніе, съ наступленіемъ весны, по выясненіи благопріятныхъ видовъ на урожай, дѣлается

небрежнымъ въ исполненіи работъ, строптивымъ, и либо самъ уходитъ отъ хозяина, либо послѣдній удаляетъ его въ виду полнѣйшей непригодности.

Самый распространенный способъ найма срочныхъ рабочихъ— это наемъ съ начала весеннихъ работъ до 15 ноября; плата такому „лѣтнику“ отъ 40 до 60 руб. для полнаго рабочаго и отъ 15 до 30 руб. для полуработника. По договорамъ этого рода найма, какъ заключеннымъ передъ самымъ началомъ работъ и, слѣдовательно, при болѣе нормальныхъ условіяхъ соотношенія спроса и предложенія, плата устанавливается болѣе высокая и, поэтому, случаи ухода рабочихъ при такомъ наймѣ рѣже. Многія экономіи нанимаютъ „лѣтницъ“ съ конца іюня до первыхъ чиселъ октября и платятъ отъ 8 до 10 руб. въ мѣсяцъ.

Въ Курской губерніи особое значеніе имѣютъ для сельскаго населенія работы на свекловичныхъ плантаціяхъ, занимающихъ въ губерніи площадь болѣе 50 тысячъ десятинъ. Средняя стоимость обработки и уборки десятины свекловицы достигаетъ 35 руб. и колеблется въ предѣлахъ отъ 30 до 50 руб. Свеклосахарные заводы и плантаторы въ Курской губерніи обходятся, преимущественно, рабочими мѣстными; на свекловичныя же плантаціи въ Харьковскую, Кіевскую и Полтавскую губерніи требуется много пришлыхъ рабочихъ и туда направляется значительное число крестьянъ Курской губерніи. Положеніе пришлыхъ рабочихъ, договаривающихся по большей части на извѣстный срокъ или сдѣльно, значительно хуже положенія мѣстныхъ крестьянъ, изъ сосѣднихъ плантаціямъ деревень. Пришлые рабочіе набираются заблаговременно изъ бѣднѣйшаго элемента деревни, обыкновенно прикащиками экономіи. Большинство крестьянъ Курской губерніи является на работы съ семействами и конными подводами; лошади, повозки, упряжь, одежда и проч. у работающихъ на плантаціяхъ крестьянъ очень плохи. Крестьяне, работая на свекловичныхъ плантаціяхъ, въ матеріальномъ отношеніи устраиваются лучше, нежели на другихъ сельскохозяйственныхъ работахъ, но въ то же время попадаютъ въ невозможныя санитарныя условія, которыя очень вредно отражаются на здоровьѣ населенія.

Распространеніе культуры свекловицы въ Курской губерніи, требуя все большаго количества рабочихъ рукъ, оказываетъ большое вліяніе на величину сельскохозяйственнаго заработка крестьянъ, подымая вообще цѣну на рабочія руки и давая самимъ производствомъ крупную сумму заработковъ.

Еще болѣе значительныя средства, сравнительно съ мѣстными сельскохозяйственными работами, получаетъ сельское населеніе земледѣльческаго центра Россіи отъ отхожихъ заработковъ.

Въ Тульской губерніи, по свѣдѣніямъ за 1900 годъ, выданы паспорты около 225 тыс. крестьянъ, что составляетъ 15,6% всего наличнаго

населенія. Въ общемъ, 37% взрослыхъ мужчинъ не находятъ въ Тульской губерніи приложенія своему труду и вынуждены искать работы на сторонѣ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этой губерніи абсентеизмъ мужского крестьянскаго населенія развитъ въ огромныхъ размѣрахъ; въ Каширскомъ, напр. уѣздѣ, по даннымъ за 1897 годъ, 31% всего населенія живетъ внѣ уѣзда и 37% всего взрослаго населенія обоего пола занимается отхожими промыслами. Это стремленіе оставить землю и найти заработки на сторонѣ развито въ значительной степени даже и въ самыхъ плодородныхъ черноземныхъ уѣздахъ. Въ Епифановскомъ, напр., уѣздѣ въ 1899 году 15% всѣхъ семей отсутствовало на мѣстахъ приписки, причемъ всѣ эти „неживущія семьи“ болѣе или менѣе порвали связь съ деревней; но даже остальныя наличныя семьи отпустили на сторону почти 30% мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ. Среди крестьянскаго населенія Рязанской губерніи въ большомъ ходу поговорка „насъ кормитъ не земля, а Москва“. По общимъ наблюденіямъ, дворы съ однимъ работникомъ, которымъ некого отпустить на сторону, все больше падаютъ и нищаютъ. Въ Курской губерніи общая сумма заработковъ отъ отхожихъ промысловъ составила въ 1902 году, по свѣдѣніямъ податныхъ инспекторовъ, сумму свыше 9 милл. руб.; число же лицъ рабочаго возраста, ушедшихъ на заработки, было около 260 т. чел., въ томъ числѣ 211 тыс. мужчинъ и 49 тыс. женщинъ. Большинство уходитъ на годъ, предлагая на рынкѣ труда исключительно свою мускульную силу, примѣняемую къ полевымъ работамъ. Въ теченіе ряда лѣтъ наблюдается по Курской губерніи постепенное уменьшеніе процента уходящихъ мужчинъ и увеличеніе процента женщинъ. Одна изъ причинъ указаннаго явленія—мѣстный урожай хлѣбовъ; отходъ мужского населенія находится въ сильной зависимости отъ колебаній урожая. Другой причиной уменьшенія отхода мужского населенія служитъ кризисъ въ металлургической и горнозаводской промышленности юга Россіи, начавшійся еще въ 1900 году.

Почти половина всѣхъ уходящихъ изъ Курской губерніи женщинъ занята бываетъ на сельскохозяйственныхъ работахъ; изъ остающейся половины большинство уходитъ въ города, въ качествѣ прислуги; часть уходитъ на фабрики и заводы, немногія изъ крестьянокъ ищутъ работы на угольныхъ копяхъ. Мужчины занимаются, кромѣ сельскохозяйственныхъ работъ, по большой части, въ разныхъ промышленныхъ заведеніяхъ.

Наряду съ отходомъ одиночекъ, совершается переѣздъ и цѣлыхъ семей въ другія мѣстности на болѣе или менѣе продолжительный заработокъ. Отдѣльные домохозяева, пріобрѣтя, по преимуществу въ городѣ, прочное мѣсто, обыкновенно берутъ съ собою и семью, невыходя, однако, изъ крестьянскаго общества и сохраняя право на землю.

Въ селеніяхъ, гдѣ отхожій промыселъ получаетъ особо широкое распространеніе, надѣльная земля постепенно, сначала путемъ кратко-

срочной, а затѣмъ долгосрочной аренды, переходитъ въ фактическое владѣніе немногихъ крестьянъ, которые, благодаря расширенію площади своихъ земельныхъ участковъ, образуютъ группу зажиточныхъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, а многіе нѣкогда самостоятельные домохозяева превращаются въ постоянныхъ отхожихъ рабочихъ, владѣющихъ въ своей деревнѣ на самомъ дѣлѣ только одной усадьбой.

Благодаря неурегулированію условій спроса и предложенія труда въ области отхожихъ промысловъ, потери крестьянскаго населенія обнаруживаются въ очень значительныхъ суммахъ, если принять во вниманіе всѣ тѣ расходы, неудобства, лишенія и трату времени, какіе приходится нести рабочимъ по пути пріисканія работы.

Отхожіе промыслы, какъ и всякое другое крупное явленіе въ народной жизни, имѣютъ свою хорошую сторону, хотя бы потому, что они облегчаютъ крестьянину тяжелую для него борьбу за существованіе, но не лишены и темныхъ сторонъ, отмѣченныхъ, между прочимъ, раненбургскимъ, Рязанской губерніи, уѣзднымъ комитетомъ. По словамъ этого комитета, „съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и введеніемъ дешевыхъ пассажирскихъ тарифовъ, всякій желающій имѣетъ возможность уѣхать куда угодно въ поискахъ за средствами существованія. Этою возможностью крестьяне злоупотребляютъ, безъ всякой нерѣдко надобности. Покинувъ жену и дѣтей на произволъ судьбы, предоставляя имъ нищенствомъ снискивать себѣ пропитаніе, они ѣдутъ на сторону, на заработки. Надѣльная земля при этомъ сдается въ аренду, нерѣдко на нѣсколько лѣтъ, чтобы доставить уходящему средства на пропитаніе впредь до пріисканія занятій. Нерѣдко таковыхъ, однако, не находится и отправившійся въ отхожіе промыслы крестьянинъ, пробѣдствовавъ, кое-какъ перебываясь болѣе иxъ менѣе продолжительное время въ городѣ, возвращается въ деревню ни съ чѣмъ, кромѣ всевозможныхъ дурныхъ привычекъ и пороковъ, пріобрѣтенныхъ за время своихъ скитаній, въ теченіе коихъ ему, конечно, трудно было не попасть подъ самыя тлетворныя вліянія. За время этихъ скитаній нерѣдко хорошій рабочій обращается въ непригоднаго ни для какого труда человѣка. Изъ деревни уходитъ крестьянинъ, въ деревню возвращается босякъ“....

Любопытно, однако, выяснить, какое же значеніе въ экономической жизни крестьянскаго населенія отдѣльныхъ уѣздовъ имѣютъ заработки отъ кустарныхъ, сельскохозяйственныхъ, фабрично-заводскихъ и отхожихъ промысловъ? Задача эта для Курской губерніи и ея уѣздовъ выполнена мѣстною казенною палатою при посредствѣ податныхъ инспекторовъ. Свѣдѣнія объ общей суммѣ разнаго рода крестьянскихъ заработковъ, въ сопоставленіи съ общею же суммою крестьянскихъ платежей, за 1902 годъ для Курской губерніи представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Заработки отъ промысловъ:	На душу крестьянскаго населенія приходится въ рубляхъ:
кустарнаго	1,2
сельскохозяйственнаго	1,9
фабрично-заводскаго	0,8
отхожихъ	4,5
всего заработковъ	8,4
платежей: казенныхъ, земскихъ, мірскихъ и страховыхъ	3,5

По своей доходности для крестьянскаго населенія стоятъ на первомъ мѣстѣ отхожіе промыслы, затѣмъ сельскохозяйственные; существенно меньшее значеніе имѣютъ кустарные промыслы и фабрично-заводскіе. Для всей Курской губерніи доля платежей, падающая на душу крестьянскаго населенія, составляетъ, въ среднемъ, около 42% заработковъ, т. е. за покрытіемъ всѣхъ платежей у населенія остается отъ заработковъ нѣсколько болѣе половины.

Глава III.

Некультурность сельскаго населенія и его неподготовленность къ новымъ условіямъ хозяйственнаго быта.

Естественно-историческія условія губерній центральнаго черноземнаго раіона вполнѣ соотвѣтствуютъ потребностямъ земледѣльческаго промысла. Богатая по естественнымъ своимъ свойствамъ почва, благопріятный въ общемъ для земледѣлія климатъ, незначительное развитіе мѣстной фабричной и кустарной промышленности,—таковы обстоятельства, предопредѣляющія занятія мѣстнаго населенія. Главнымъ такимъ занятіемъ, очевидно, долженъ быть сельскохозяйственный промыселъ; отъ той или другой постановки этого промысла, отъ его выгодности или убыточности, зависитъ въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи достатокъ сельскаго населенія или его убожество.

Надо однако же, полагать, судя по бѣдности крестьянскаго населенія въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, что здѣсь имѣются какія-то особыя причины, благодаря которымъ мѣстное крестьянское сельское хозяйство находится въ состояніи упадка и застоя,—причины, сводящія на-нѣтъ все благопріятное для земледѣлія дѣйствіе мѣстныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій.

Такою причиною, какъ мы уже видѣли, не можетъ быть малоземелье. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земледѣльческаго центра Россіи дробленіе надѣльной земли достигло предѣловъ, при которыхъ крестьянское хозяйство становится уже неспособнымъ къ поступательному движенію. Но эти мѣстности составляютъ пока исключеніе, а не общее правило. Существующій нынѣ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ Россіи средній размѣръ земельнаго обезпеченія крестьянскихъ дворовъ оказывается значительно выше таковаго же размѣра во Франціи, Австріи, Италіи, Бельгіи,—въ странахъ, гдѣ земледѣльческое населеніе стоитъ однакоже на высокомъ уровнѣ достатка. Тѣ шесть—семь десятинъ, которыми владѣетъ крестьянскій дворъ въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи, у насъ признаются земельною скудостью, а въ западной Европѣ, да и въ губерніяхъ Царства Польскаго такое земельное обезпеченіе считалось бы завиднымъ богатствомъ.

Ясно, такимъ образомъ, что когда у насъ говорятъ о малоземельѣ, какъ о причинѣ бѣдности крестьянскаго населенія въ земледѣльческомъ центрѣ России, то вкладываютъ въ понятіе малоземелья несвойственное ему содержаніе. Какъ ни малы нынѣшніе размѣры земельнаго владѣнія крестьянскихъ дворовъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, они, однако же, и теперь, не смотря на совершившійся приростъ земледѣльческаго населенія, сами по себѣ еще не служатъ преградой для прибыльнаго веденія сельскаго хозяйства, а, слѣдовательно, и для достиженія сельскимъ населеніемъ извѣстнаго достатка. Но эти размѣры оказываются недостаточными лишь въ виду того, что существующіе у насъ пріемы крестьянскаго сельскохозяйственнаго промысла и вся его обстановка разсчитаны на гораздо большую земельную площадь, чѣмъ та, которою нынѣ располагаетъ крестьянскій дворъ. Такимъ образомъ, вопросъ о малоземельѣ, какъ основномъ будто бы виновникѣ оскудѣнія крестьянскаго населенія центра Россіи, на самомъ дѣлѣ сводится къ вопросу о тѣхъ причинахъ, благодаря которымъ сельскохозяйственный промыселъ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ сдѣлался убыточнымъ и не обезпечиваетъ въ должной мѣрѣ мѣстнаго сельскаго населенія.

Причины эти, не смотря на все ихъ разнообразіе, могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ группамъ. Къ первой группѣ надлежитъ отнести все то, что характеризуетъ нашего современнаго крестьянина—хлѣбороба: его некультурность; неспособность его отрѣшиться отъ пріемовъ хищническаго хозяйства, унаслѣдованныхъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ; совершенная неподготовленность его къ новымъ условіямъ хозяйственнаго быта сельскаго населенія. Во вторую группу войдутъ вопросы о существующихъ формахъ крестьянскаго землевладѣнія и о вліяніи этихъ формъ на общую постановку крестьянскаго сельскохозяйственнаго промысла.

Остановимся пока на разсмотрѣніи первой группы причинъ, обусловливающихъ низкій уровень современнаго крестьянскаго сельскаго хозяйства, а соотвѣтственно съ этимъ—и низкій уровень хозяйственной обезпеченности сельскаго населенія въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи.

Сельское населеніе центральныхъ черноземныхъ губерній некультурно и это обстоятельство является одною изъ существеннѣйшихъ причинъ, тормозящихъ развитіе народнаго благосостоянія. Правительственная работа по распространенію образованія до самаго послѣдняго времени шла поверху народа, служила почти исключительно удовлетворенію образовательныхъ потребностей среднихъ и высшихъ сословій. Образованіе народной массы, распространеніе первоначальной грамоты въ средѣ крестьянства лежало главнѣйше на обязанности земства, но далеко не всѣ земства отнеслись съ должной отзывчивостью и заботливостью къ выполненію столь важной задачи, да и дѣятель-

ность земскихъ учрежденій въ этомъ направленіи постоянно натыкалась на противодѣйствіе мѣстной администраціи. Успѣхи народнаго образованія въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи, какъ, впрочемъ, и въ другихъ мѣстностяхъ государства, до самаго послѣдняго времени представляются ничтожными. Между тѣмъ лишенный знанія первоначальной даже грамоты, не говоря уже о болѣе спеціальной сельскохозяйственной подготовкѣ, крестьянинъ-земледѣлецъ представлялъ собою хозяйственную единицу съ крайне малымъ запасомъ силъ и кругомъ потребностей. Чѣмъ болѣе осложнялась окружающая жизнь, чѣмъ стремительнѣе совершался переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, чѣмъ быстрѣе размножалось населеніе и усиливалась земельная тѣснота, тѣмъ труднѣе становилось крестьянину при его безграмотствѣ и полномъ неумѣніи приноровиться къ новымъ запросамъ хозяйственной жизни, тѣмъ тяжелѣе складывалась для него борьба за существованіе. Съ другой стороны, своеобразная обстановка общественнаго деревенскаго быта, гдѣ личность крестьянина принесена была въ жертву общественному началу, въ связи съ усиливавшимся гнетомъ административной опеки и деревенскаго многоначалія, не могла не наложить особаго отпечатка и на хозяйственную дѣятельность сельскаго населенія. Она притупила въ крестьянинѣ энергію, предпріимчивость; уравнивала всѣхъ къ одному знаменателю; заставляла наиболѣе жизнеспособные, наиболѣе самодѣятельные элементы уходить изъ деревенской среды, отыскивать лучшую долю вдали отъ родного гнѣзда. Городъ и фабрика оторвали отъ земли лучшія ея силы—наиболѣе молодыхъ, сильныхъ, работоспособныхъ и дѣльныхъ работниковъ. Желѣзныя дороги дѣйствовали въ томъ же направленіи. Въ деревнѣ оставались лишь тѣ, кому не было другого выхода, кто не сумѣлъ и не смогъ пристроиться лучше; остались крестьяне въ большинствѣ малоспособные, неразвитые, лѣнивые. Деревенская среда оказывалась не въ состояніи выдѣлить изъ себя даже надлежащій составъ толковыхъ сельскохозяйственныхъ работниковъ. Одинъ изъ участниковъ Богородицкаго, Тульской губерніи, уѣзднаго комитета разсказываетъ, между прочимъ, о томъ, какъ многіе изъ землевладѣльцевъ этой губерніи одно время бросились пріобрѣтать сноповязалки, но послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ опытовъ, убрали таковыя въ сараи, за невозможностью имѣть рабочихъ, способныхъ обращаться съ этими усовершенствованными орудіями, не ломая и не портя ихъ. «Махать косой съ утра до вечера очень тяжело, но при этомъ можно не думать. Сноповязалки же требуютъ постояннаго вниманія: въ зависимости отъ густоты, высоты, полеглости или стоянія хлѣба нужно то опускать, то поднимать платформу и мотовило, нужно увеличивать или уменьшать объемъ сноповъ; связывать ихъ то ближе къ гузу, то ближе къ волоти; нужно въ сотнѣ мѣстъ смазывать сноповязалку, не пропуская должнаго момента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не

теряя на это болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, времени. *Нуженъ, однимъ словомъ, такой рабочій, какой еще не существуетъ.* И если за одной сноповязалкой еще можетъ усмотрѣть самъ хозяинъ, то тамъ, гдѣ ихъ много, услѣдить за ними невозможно. А при несоблюденіи указанныхъ выше условій, получается масса поломокъ, происходятъ безпрестанныя остановки, работа выходитъ плохая и уборка обходится несоразмѣрно дорого»...

Отсутствіе дѣльныхъ развитыхъ работниковъ тяжело отражается на интересахъ частновладѣльческаго хозяйства и задерживаетъ поступательное движеніе его; но это обстоятельство сказывается неблагопріятнымъ образомъ и на всемъ ходѣ самого же крестьянскаго хозяйства. Еще очень недавно пшеница и рожь въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи повсемѣстно жались серпами, а теперь нѣтъ и рѣчи о такой уборкѣ, весь хлѣбъ косится косами, хотя при этомъ, конечно, теряется много больше колосьевъ. Но если жнитво мѣстами отошло въ область преданій и крестьяне ни за какую цѣну не соглашаются жать для помѣщика, какъ не жнутъ и на своихъ надѣлахъ, то и косьба уже далеко не та, что была прежде. Такихъ косцовъ, какими бывали старики, среди молодыхъ крестьянъ не замѣтно.

Въ трудной борьбѣ за существованіе крестьянинъ предоставленъ былъ исключительно самому себѣ, своимъ собственнымъ слабымъ силамъ. Притокъ въ сельскую среду культурныхъ силъ извнѣ, со стороны помѣстнаго сословія, былъ прегражденъ всѣмъ строемъ узкосословныхъ узаконеній 19 февраля 1861 года, воздвигнувшихъ китайскую стѣну между двумя коренными земледѣльческими группами населенія—дворянствомъ и крестьянствомъ. Ненормальность взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, связанныхъ общностью сельскохозяйственныхъ интересовъ и бытовыхъ условій, но разъединенныхъ на почвѣ судебно-административныхъ учрежденій и гражданскаго права, становилась все болѣе ощутительною. Отъ этой разъединенности страдали одинаково интересы обоихъ сословій. Крестьяне исподоволь попадали въ тяжелыя руки Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, наживавшихся, въ качествѣ сельскихъ властей, безпрепятственно на счетъ «міра»; помѣщики, вынужденные, за отсутствіемъ въ деревнѣ органовъ общаго управленія, опираться на тѣхъ же міроѣдовъ, утратили нравственное обаяніе въ глазахъ народа и не могли использовать свою культурную силу для устраненія темныхъ сторонъ крестьянскаго управленія и общиннаго быта. Правда, именно изъ среды помѣстнаго дворянства выходили тѣ земскіе дѣятели, которые всю свою жизнь, всѣ свои силы отдавали служенію культурнымъ и хозяйственнымъ интересамъ крестьянства, но работа эта была работою для народа, а не съ народомъ; она не приводила къ сближенію сословій.

Напротивъ того, разъединеніе крестьянъ и помѣстнаго дворянства съ теченіемъ времени росло и взаимныя отношенія ихъ мѣстами очень

обострялись. Это сказывалось, главнымъ образомъ, въ положенiи рабочаго вопроса. Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу одинъ изъ участниковъ раненбургскаго, Рязанской губернiи, уѣзднаго комитета. «Хлѣбъ поспѣваетъ; его надо скорѣе убрать, а то начнетъ сыпаться на корню; между тѣмъ рабочихъ рукъ ни за какую цѣну найти нельзя. Крестьяне не отказываются вовсе, но выжидаютъ цѣны, боясь какъ-нибудь продешевить свой трудъ и, конечно, во время этого ожиданiя теряютъ болѣе, нежели могутъ выждать отъ подъема платимыхъ за уборку цѣнъ. Первые дни уборки крестьяне не идутъ на работы ни за какую цѣну, будучи твердо увѣрены, что какова бы она ни была, она непремѣнно должна еще увеличиться. Они отлично сознаютъ всю безвыходность положенiя землевладѣльцевъ и отлично пользуются ею. Хлѣбъ поспѣлъ, его необходимо убрать, не то останется на корню пустая солома, и потому приходится поневолѣ соглашаться на всѣ требованiя крестьянъ. На безвыходность положенiя землевладѣльцевъ указываютъ хотя бы все чаще повторяющiеся за послѣднiе годы случаи выписки рабочихъ рукъ изъ другихъ мѣстностей, что, конечно, обходится весьма не дешево... А что дѣйствiе крестьянъ въ этомъ отношенiи является вполнѣ сознательнымъ, доказывается хотя бы систематическимъ нежеланiемъ ихъ вязать скошенный жатвенными машинами хлѣбъ, ибо невыгодность для нихъ распространенiя сего вида орудiй имъ вполнѣ понятна»...

Тяжелы были условiя, въ которыхъ протекала жизнь крестьянства послѣ реформы 1861 года. Съ тощимъ запасомъ силъ духовныхъ и матерiальныхъ оно вышло «на волю»; силъ этихъ, за истекшее почти полвѣка, не прибавилось. Подвинулось впередъ лишь имущественное неравенство въ сельской средѣ, да усугубилось въ крестьянствѣ недовольство существующимъ порядкомъ, принявшее въ послѣднее время форму уже открытаго буйнаго протеста.

А между тѣмъ событiя пореформеннаго перiода были таковы, что они требовали отъ крестьянства особеннаго напряженiя всѣхъ его духовныхъ силъ, требовали огромной творческой работы народа. Отличительная особенность этого перiода состояла въ томъ, что Россiя, путемъ желѣзнодорожной сѣти, была прiобщена къ культурной и хозяйственной жизни западной Европы. Быстро стали расти ея государственныя потребности; обильною рѣкою потекли въ Россiю иностранные капиталы; накоплялся огромный заграничный долгъ, за который приходилось расплачиваться лишь сельскохозяйственными произведенiями; явилась необходимость въ полномъ преобразованiи военныхъ силъ государства и въ увеличенiи податной тяготы, обрушившейся всею своею тяжестью все на то же сельское населенiе.

Подъ влiянiемъ всѣхъ такихъ событiй, которыми ознаменовалось нарожденiе новой Россiи, пошатнулись и стали разваливаться устои стараго хозяйственнаго уклада страны. Медленному разложенiю не-

могла не поддаться и деревенская жизнь, сложившаяся при дѣйствіи крѣпостныхъ порядковъ. Новыя хозяйственныя теченія оказались непримиримыми врагами изстариннаго натуральнаго уклада, когда крестьянинъ всѣ свои потребности удовлетворялъ преимущественно продуктами собственнаго же труда. Съ постепенною замѣною натуральнаго хозяйства денежнымъ, крестьянинъ сталъ работать не для себя, не для данной мѣстности, но для міровото рынка. Эта новая роль была русскому крестьянину не по силамъ. На международномъ рынкѣ побѣждаетъ лишь тотъ, кто всего лучше вооруженъ знаніями; кто въ состояніи правильно учесть выгоды предпріятія, избравъ наиболѣе прибыльную систему хозяйства; побѣждаетъ тотъ, кто производитъ всего лучше, и всего дешевле. Условіямъ этимъ наше сельское населеніе не удовлетворяло. Нисколько не считаясь съ потребностями рынка и сосредоточившись исключительно на производствѣ зерновыхъ продуктовъ, оно упорно держалось первобытныхъ техническихъ пріемовъ, хищнически эксплоатировало землю и обнаружило полную неспособность примѣниться къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ; крестьянинъ черноземнаго центра Россіи изъ производителя хлѣба постепенно преобразовывался въ его потребителя. Такая система хозяйничанья, осложненная неудовлетворительнымъ строемъ всей нашей хлѣбной торговли, съ теченіемъ времени, при увеличивавшейся численности земледѣльческаго населенія, неизбѣжно вела къ кризису, къ полному народному оскудѣнію. И если начальные моменты этого затяжного кризиса были не такъ замѣтны, то лишь потому, что они замаскированы были тѣмъ огромнымъ запасомъ земель, которыя находились въ распоряженіи крестьянъ, и распашка которыхъ позволяла, до поры до времени, увеличивать производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ, несмотря на низкій уровень и отсталость русскаго сельскаго хозяйства. Настало, однако, время, когда эти запасы свободныхъ земель истощились. Все, что годилось для распашки, было распахано. Надвигалась вновь земельная тѣснота и ясно было, чѣмъ грозила она сельскому населенію. Переходъ къ новымъ хозяйственнымъ формамъ, обезпечивающимъ производительное использованіе почвы, былъ для нашего крестьянина, при его культурномъ и матеріальномъ убожествѣ, совершенно недоступенъ; такому переходу къ тому же препятствовали устарѣлость и неполнота нашего аграрнаго законодательства и недостатки крестьянскаго землеустройства. Избытокъ сельскаго населенія не могъ быть использованъ ни фабрично-заводскою промышленностью, ни окраинами государства. Ростъ обрабатывающей промышленности задерживался отчасти слабою покупною силою нашего же земледѣльческаго населенія, отчасти недостаткомъ капиталовъ, такъ какъ въ концѣ истекшаго десятилѣтія всѣ свободныя средства страны были искусственно направляемы на дальній востокъ и тамъ растрачивались, съ огромнымъ ущербомъ для интересовъ метрополіи. Въ то же время

наша дальневосточная окраина, какъ и другія мѣстности Сибири, была слишкомъ недостаточно использована для переселенческаго движенія, такъ какъ переселенческое дѣло страдало и отъ недостатка средствъ, и отъ бюрократической рутины, которою оно было проникнуто. Сельское населеніе, такимъ образомъ, продолжало сидѣть на истощенной землѣ, на измельченныхъ надѣлахъ, и, затрачивая прежнее количество труда, собирало съ земли все меньшіе урожаи, получало все меньшіе доходы и бѣднѣло. Чувствовался какой-то изъянъ въ народной жизни; сознавалась настоятельная потребность выхода изъ тягостной обстановки современнаго деревенскаго уклада. Но передъ сложными вопросами современности, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ все будущее страны, крестьянство стоитъ безпомощнымъ, лелѣя одну лишь мечту, одно завѣтное желаніе: «кабы землицы»...

Но что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ современное крестьянское хозяйство въ черноземномъ центрѣ Россіи? Наблюдаются ли въ немъ прогрессивныя теченія; имѣются ли условія, благопріятствующія его росту и успѣшному развитію? Есть ли основаніе полагать, будто однимъ лишь расширеніемъ площади крестьянскаго землевладѣнія устранятся всѣ недочеты современнаго деревенскаго уклада и аграрный вопросъ перестанетъ быть больнымъ вопросомъ русской жизни?

Уже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на крестьянское хозяйство въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи, оно обнаруживаетъ явственные признаки некультурности и отсталости. По словамъ одного изъ землевладѣльцевъ, члена Щигровскаго, Курской губерніи, уѣзднаго комитета, „обращаетъ на себя вниманіе небрежное отношеніе крестьянъ къ своему хозяйству, вынужденное отчасти обстоятельствами, но болѣе всего традиціонными обычаями и неимѣніемъ передъ глазами убѣдительныхъ, основанныхъ на очевидныхъ данныхъ доказательствахъ, убѣждающихъ каждаго крестьянина въ томъ, что иной порядокъ веденія хозяйства приносилъ бы значительно большій доходъ.....“. „Крестьяне—замѣчаетъ, въ свою очередь, одинъ изъ членовъ Михайловскаго, Рязанской губерніи, уѣзднаго комитета, — крѣпко держатся пріемовъ, выработанныхъ сотни лѣтъ тому назадъ, и, враждебно относясь ко всякимъ новшествамъ, съ легкимъ сердцемъ портятъ у сосѣдей нововведенія....“.

Приверженность къ старымъ способамъ производства, полное неумѣніе усвоить новое и провести это новое въ жизнь, — вотъ что, по отзыву мѣстныхъ людей, характеризуетъ крестьянина-земледѣльца. Всякія улучшенія въ сельскохозяйственной области требуютъ для своего осуществленія широкой ихъ пропаганды, которая совершенно невозможна помимо распространенія въ народной массѣ соотвѣтствующихъ печатныхъ произведеній. Между тѣмъ крестьяне, за поголовнымъ почти безграмотствомъ, лишены возможности почерпнуть полезныя

для нихъ указанія изъ сельскохозяйственной литературы, изъ общедоступныхъ брошюръ и изданій по сельскому хозяйству, распространяемыхъ въ изобиліи нѣкоторыми земствами. Съ другой стороны, даже и грамотные крестьяне сплошь и рядомъ не обладаютъ умѣніемъ усвоивать прочитанное и примѣнять таковое на практикѣ. Поразительно низкій уровень сельскохозяйственныхъ знаній въ нашей сельской средѣ обрекаетъ крестьянское хозяйство на неподвижность и дѣлаетъ крестьянъ неспособными использовать въ должной мѣрѣ ни агрономическую помощь земства, ни примѣръ болѣе совершенныхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ. Настоитъ крайняя необходимость, по мнѣнію крестьянина же Козырева, въ томъ, чтобы познакомить сельское населеніе съ улучшенными пріемами полеводства и садоводства; „но, къ сожалѣнію, сдѣлать это не легко, потому что крестьяне считаютъ себя природными хлѣбопашцами и упорно отстаиваютъ свои знанія и свои правила по земледѣлію и скотоводству....“.

Наше крестьянское хозяйство, по свидѣтельству Обоянскаго, Курской губерніи, уѣзднаго комитета, обнаруживаетъ поразительный примѣръ косности. Усилія правительства, дѣятельность земства и примѣръ благоустроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ мало подвинули дѣло впередъ: прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ если и наблюдаются, то лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ; они во всякомъ случаѣ составляютъ рѣдкое исключеніе. „Крестьянское владѣніе со временъ Св. Владиміра осталось въ томъ же видѣ и съ тѣми же пріемами обработки, какъ и въ тѣ отдаленныя времена; измѣнилась только площадь посѣвовъ...“. „Деревня, замѣчаетъ, между прочимъ, одинъ изъ участниковъ Курскаго уѣзднаго комитета, слишкомъ долго спала мертвымъ сномъ и подвинуть ее на путь предпріимчивости, вдохнуть въ нее смѣлую хозяйственную инициативу не легко, даже освободивъ ее отъ лишнихъ путъ и стѣсненій. Призывъ къ дѣятельности, да еще съ оговорками и ограниченіями, будетъ безсиленъ тамъ, гдѣ нужна труба архангела....“.

Первобытныя земледѣльческія орудія и столь же первобытная техника обработки полей служатъ характерною особенностью крестьянскаго хозяйства. Сохой и бороной, отчасти деревянной, отчасти съ желѣзными зубьями, исчерпывается весь инвентарь, предназначенный въ массѣ крестьянскихъ хозяйствъ для обработки пашни. Несмотря на то, что естественныя условія почвы, а именно значительная мощь чернозема, доходящая мѣстами до 16—17 вершковъ, позволяетъ углубленіе истощеннаго двухвершковаго пахатнаго слоя, онъ не углубляется, да и не можетъ углубиться за отсутствіемъ необходимаго плужнаго инвентаря и самыхъ элементарныхъ знаній, которыя могли бы натолкнуть крестьянина на соображенія о болѣе раціональныхъ пріемахъ обработки. Цифры распространенія улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій среди крестьянскаго населенія центральнаго черноземнаго раіона сви-

дѣтельствуютъ о ничтожномъ, можно сказать, спросѣ на эти орудія. Всего чаще встрѣчаются въ крестьянскихъ хозяйствахъ молотилки и вѣялки; орудія эти пріобрѣтаются обычно нѣсколькими семьями и составляютъ ихъ собирательную собственность. Молотилка и вѣялка обслуживаютъ за плату цѣлый рядъ крестьянскихъ хозяйствъ; во многихъ селеніяхъ ручная молотьба практикуется только на сѣмена. Такое сравнительно значительное примѣненіе молотилокъ обусловливается, съ одной стороны, тѣмъ, что молотьба является довольно выгоднымъ промысломъ: въ два года передвижная молотилка и вѣялка окупаются цѣликомъ и затѣмъ уже служатъ прямымъ средствомъ добыванія столь необходимыхъ крестьянину денегъ; съ другой стороны, нѣкоторое значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ дешевизна этихъ орудій и близость ихъ кустарнаго производства, съиздавна существующаго въ Рязанской губерніи, перенесеннаго въ настоящее время и въ предѣлы Епифанскаго уѣзда Тульской губерніи, гдѣ мѣстные плотники трехъ селеній занимаются изготовленіемъ молотилокъ и вѣялокъ. Совершающаяся замѣна ручной молотьбы машинной врядъ ли представляетъ, по существу, замѣтное прогрессивное явленіе въ области крестьянскаго хозяйства: она, въ конечномъ итогѣ, не понижаетъ стоимости производства продукта, а лишь сокращаетъ работу и время, котораго и безъ того много у крестьянина.

Плуги стоятъ гораздо дешевле молотилокъ и вѣялокъ, но они встрѣчаются гораздо рѣже по сравненію съ этими послѣдними орудіями *). Въ ближайшіе осязательные, денежные результаты пользованія плугомъ крестьянинъ не вѣритъ, ожидая отъ него лишь медленнаго и постепеннаго улучшенія хозяйства, а потому весьма туго поддается соблазну завести плугъ. По даннымъ земскаго статистическаго изслѣдованія 1889 года, изъ всей массы 18.088 наличныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, располагали плугами только 126 домохозяйствъ, принадлежащихъ по преимуществу къ болѣе состоятельнымъ группамъ мѣстнаго населенія.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія распространенности улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій крестьянское хозяйство сдѣлало пока лишь самые ничтожные шаги, и техника производства остается на томъ же уровнѣ, на которомъ она стояла сотни лѣтъ тому назадъ.

Стоитъ только взглянуть, насколько обезпечено крестьянское хозяйство даже тѣми первобытными орудіями, какія примѣняются въ немъ для обработки земли, и не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что оно такъ неподатливо въ дѣлѣ примѣненія орудій усовершенствованныхъ. Въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, изъ 18.288 наличныхъ хозяйствъ 6.098, т. е. цѣлая треть не имѣла совер-

*) Такъ, напр., въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія зарегистрировано было 684 молотилки, 2,236 вѣялокъ и всего 154 плуга.

шенно никакого инвентаря. Цифра эта говоритъ уже не о застоѣ и рутинѣ крестьянскаго хозяйства, а указываетъ на полный упадокъ, доходящій нерѣдко до совершенной разоренности.

Системы полеводства, находясь въ зависимости отъ естественноисторическихъ особенностей мѣстности и общихъ экономическихъ условій, являются главнымъ основаніемъ всего остального строя хозяйства. Картина этой системы, какъ на надѣльныхъ, такъ и на купленныхъ и арендуемыхъ земляхъ, представляется по всей территоріи земледѣльческаго центра Россіи совершенно однообразной. Трехполье съ зерновыми хлѣбами и зеленымъ паромъ, служащимъ до послѣднихъ чиселъ іюня пастбищемъ скоту, составляетъ общее явленіе для всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Казалось бы, при наличности существующихъ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ естественноисторическихъ и экономическихъ условій трехпольная система должна бы была давно уступить мѣсто болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства,—въ дѣйствительности, однако, въ направленіи перехода къ нимъ не дѣлается даже попытокъ. Богатый по своимъ естественнымъ свойствамъ черноземъ обусловливаетъ возможность болѣе широкаго выбора культуръ, чѣмъ кругъ практикуемыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; по отношенію же къ совокупности условій экономическихъ, трехпольная система, оставляющая третью часть земель хозяйства безъ всякой эксплоатаціи, стоитъ уже въ безусловномъ несоотвѣтствіи. Наличность этой трети незанятыхъ никакими культурами земель можетъ находить себѣ оправданіе въ пользованіи ею, какъ пастбищемъ, такъ какъ скотъ въ годы, не изобилующіе исключительнымъ количествомъ осадковъ, подкармливаться дома, не находя себѣ въ достаточномъ количествѣ кормовъ на уплотненномъ и покрытомъ грубой растительностью парѣ. А между тѣмъ земля для населенія, достигшаго значительной плотности и почти не находящаго на мѣстахъ приложенія своему труду въ другихъ областяхъ, кромѣ земледѣлія, играетъ роль главнаго и основного источника удовлетворенія его матеріальныхъ нуждъ.

Въ соотвѣтствіи съ трехпольной зерновой системой и культуры растеній, практикуемыя въ крестьянскомъ хозяйствѣ земледѣльческаго центра Россіи, представляютъ крайнее однообразіе по территоріи губерній и немногочисленность по видамъ. Процентное отношеніе различныхъ культуръ по занятой ими площади по даннымъ за 1899 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи.	Рожь.	Пшеница.	Овесъ.	Ячмень.	Картофель.	Прочія культуры.
	Процентъ всей посѣвной площади.					
Курская	43	6	25	1	3	20
Орловская	45	2	29	1	6	17
Тульская.	47	1	36	—	6	10
Рязанская	49	—	29	—	7	15

Рожь и овесъ играютъ главную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ, занимая отъ 68% до 83% всей посѣвной площади; на всѣ остальныя культуры приходится отъ 17% до 32%. Въ цѣляхъ извлеченія денежнаго дохода большею массою крестьянскихъ хозяйствъ воздѣлывается только овесъ, который почти совершенно не потребляется въ собственномъ хозяйствѣ. Рожь, греча, просо и другіе хлѣба, хотя поступаютъ на рынокъ, но въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Средній урожай перечисленныхъ культуръ на надѣльныхъ земляхъ значительно ниже урожая тѣхъ же культуръ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, состоящихъ въ ихъ собственной эксплоатаціи.

Сравнительныя погубернскія данныя урожаевъ, въ пудахъ съ одной казенной десятины, по среднимъ даннымъ за 18 лѣтъ съ 1883 по 1900 годъ сведены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

	Курская губ.		Орловская губ.		Тульская губ.		Рязанская губ.	
	Частн. влад.	Крестьяне.	Частн. влад.	Крестьяне.	Частн. влад.	Крестьяне.	Частн. влад.	Крестьяне.
Рожь озимая	59,4	47,9	53,4	41,8	53,4	46,7	60,1	48,4
Пшеница озимая	60,6	49,9	66,2	56,4	61,3	58,8	60,6	55,8
Овесъ	50,8	39,2	47,2	35,6	51,5	43,5	48,5	38,5
Ячмень	51,4	44,3	38,6	32,3	39,4	38,3	39,9	—
Гречиха	29,2	25,6	26,8	20,4	30,4	30,0	24,4	21,4
Горохъ	46,5	40,4	43,5	38,4	51,7	41,2	46,6	38,8
Просо	50,4	42,5	48,5	45,6	45,1	49,4	50,4	40,0
Ленъ	37,0	31,0	30,0	27,0	35,0	27,0	27,0	23,0
Конопля	33,0	30,0	38,0	33,0	32,0	30,0	27,0	23,0
Картофель	53,5	45,5	51,25	43,0	50,0	45,0	43,0	38,25

Крестьянинъ-земледѣлецъ въ отношеніи издержекъ производства зерна находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, по сравненію съ частнымъ владѣльцемъ. Онъ не несетъ расходовъ на амбары, машины, риги и т. п.; всѣ работы производятся трудовыми усиліями его семьи; нѣтъ расходовъ и на администрацію; урожай не страхуется, а рента обходится крестьянину дешевле благодаря низкой оцѣнкѣ надѣльной земли при выкупѣ.

И тѣмъ не менѣе урожаи на крестьянскихъ земляхъ много ниже по сравненію съ урожаями частныхъ владѣльцевъ, да и базарная расцѣнка крестьянскаго хлѣба ниже расцѣнки частновладѣльческаго хлѣба.

Чѣмъ объясняется разница въ урожаѣ хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ и у частныхъ владѣльцевъ? Она является слѣдствіемъ всей постановки крестьянскаго хозяйства. При отсутствіи луговъ и пастбищъ, крестьяне, чтобы продержать подольше скотину на подножномъ корму въ паровомъ клину, начинаютъ пашню пара сохами, не выжидая спѣлости пашни, а возможно позже (около 29 іюня), иногда передъ рабочею порою, часто безъ двойки, а лишь поскородивъ. Взмета обы-

кновенно не пашутъ осенью, а весною разсѣваютъ овесъ и запахиваютъ его по невспаханной осенью землѣ, чѣмъ выигрываютъ, правда, одну работу, да и ранній посѣвъ овса легко запахивать по непаханной съ осени землѣ, а между тѣмъ этимъ лишаютъ землю осенней и земней влаги, столь важной для произрастанія овса. Частные владѣльцы, наоборотъ, пашутъ паръ возможно раньше, пользуясь спѣлостью почвы, и, въ большинствѣ случаевъ, плугами, слѣдовательно глубже; если же сохами, то обязательно двоятъ. Для содержанія скота частные владѣльцы присѣваютъ траву, чаще вику. Осенняя пашня для яровыхъ принята во всѣхъ экономіяхъ. За этою основною въ земледѣліи работою слѣдуетъ не менѣе важная—сѣвъ. Крестьяне съ сѣвомъ не спѣшатъ и всегда обсемѣняютъ землю позднѣе частныхъ владѣльцевъ. Между тѣмъ овесъ—этотъ излюбленный хлѣбъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ—требуетъ влажную землю и промедленіе въ посѣвѣ на одинъ день дастъ худшіе результаты въ урожай, въ виду быстраго высыханія почвы весною при постоянныхъ сухихъ вѣтрахъ.

Удобреніе навозомъ полей, да и то съ недавняго лишь времени, дѣлаютъ только домовитые крестьяне; большинство же вывозитъ навозъ на огороды и конопляники, а случается, и продаютъ копѣекъ по пяти за возъ. При полномъ отсутствіи мѣстами лѣсовъ, крестьянское населеніе употребляетъ массу соломы, часть которой расходуется ими на топливо; этимъ наносится существенной ущербъ урожайности полей, лишенныхъ удобренія; уменьшаются кормовыя средства для скота, и безъ того уже очень скудныя, вслѣдствіе трехполья и отсутствія луговъ и выгоновъ. Между тѣмъ, обезпеченность хозяйства удобреніемъ, интенсивность удобренія и относительная площадь удобряемой пашни являются существеннымъ показателемъ культурности даннаго хозяйства.

При наличности въ Михайловскомъ, напр., уѣздѣ, Рязанской губерніи, 75 тыс. головъ крупнаго скота навоза можетъ получиться отъ 18 до 26 милл. пудовъ, что достаточно для удобренія площади въ 8—11 тыс. десятинъ. Если предположить, что половина усадебныхъ земель занята подъ огороды, а третья часть ихъ ежегодно удобряется, т. е. приблизительно 1.500 десятинъ, и если крестьяне удобряютъ половину пара на своей купчей землѣ, т. е. около 3.500 десят., то на надѣльную и арендованную землю навоза остается только при самомъ широкомъ разсчетѣ на 6 тыс. десят. пара. Одного же надѣльнаго пара имѣется 43 тыс. десят. Стало быть, если бы крестьяне совершенно не удобряли арендованную землю, то у нихъ хватило бы навоза лишь на седьмую часть надѣльнаго пара. По даннымъ департамента земледѣлія, крестьяне удобряютъ $^1/_{10}$—$^1/_8$ пара. Но такое количество удобренія крайне недостаточно и земля должна постепенно истощаться, слабѣть, а потому и отказывать въ дачѣ урожая при сколько нибудь неблагопріятныхъ условіяхъ.

Изъ общаго количества надѣльной пашни въ Рязанскомъ уѣздѣ ежегодно удобряется, въ среднемъ, 14,6% всей площади пашни: въ заокской чачти удобряется четвертая часть пашни, а въ предокской—нѣсколько менѣе $^1/_{11}$ части. Что касается интенсивности удобренія, то густота увала навоза на одной десятинѣ весьма различна въ обѣихъ половинахъ уѣзда. Такъ, для удобренія одной десятины надѣльной пашни вывозится, въ среднемъ, навоза: въ предъ-окской части 2.108 пуд., въ за-окской—1.350 пуд., а во всему Рязанскому уѣзду—1.652 пуда.

Урожайность въ предъ-окской части Рязанскаго уѣзда, преимущественно земледѣльческой, низка не вслѣдствіе плохого качества почвы, а именно въ силу недостаточнаго удобренія, потому что тамъ, гдѣ оно нѣскольно сильнѣе, урожайность выше даже на почвахъ худшаго качества.

Въ предъ-окской земледѣльческой части Рязанскаго уѣзда на надѣльную пашню вывозится $^2/_3$ всего производимаго въ крестьянскихъ хозяйствахъ навоза, а на купчую землю—$^1/_6$ часть. Въ за-окской части уѣзда на надѣльную землю вывозится $^4/_5$, а на купчую—только $^3/_{100}$. Такъ какъ купчая пашня составляетъ въ предъ-окской половинѣ 23%, а въ за-окской—6% надѣльной пашни, то, очевидно, что купчая земля въ предъ-окской половинѣ удобряется нѣсколько интенсивнѣе надѣльной.

Земли, купленныя крестьянами, удобряются ими нѣсколько сильнѣе надѣльныхъ, и притомъ земли, состоящія въ единоличномъ пользованіи, сильнѣе по сравненію съ землями, купленными товариществами; но для оцѣнки этого явленія съ точки зрѣнія общаго уровня крестьянскаго хозяйства надлежитъ имѣть въ виду, что количество купчихъ пахотныхъ земель въ единоличномъ владѣніи крестьянъ составляетъ $3^3/_4$% для всего уѣзда. Сравнительно лучше удобряются, при общинномъ владѣніи, пріусадебныя земли, такъ какъ онѣ, по общему правилу, не подвергаются передѣламъ и служатъ для культуры болѣе цѣнныхъ растеній: конопли, подсолнуха и т. п. Площадь такихъ пріусадебныхъ земель въ общемъ весьма невелика.

Относительная площадь удабриваемой пашни находится въ зависимости и отъ размѣровъ частнаго владѣнія. Площадь удобриваемой земли тѣмъ больше, чѣмъ меньше владѣніе. Сравненіе интенсивности удобренія на земляхъ частнаго владѣнія крестьянъ и не-крестьянъ показываетъ, что въ хозяйствахъ частнаго владѣнія пашня крестьянъ, при равныхъ размѣрахъ пахатной площади, въ большинствѣ случаевъ удобряется слабѣе, чѣмъ экономическая пашня частныхъ владѣльцевъ не-крестьянъ.

Въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, 20,3% надѣльныхъ земель совершенно не удобряется, а на остальную площадь пашни навозъ вывозится только 79,9% хозяйствъ, обработывающихъ свой

надѣлъ. Необезпеченность хозяйства подстилкой и кормовыми средствами влечетъ за собой крайне низкія нормы навоза, получаемаго отъ скота. Ржаная солома при безлѣсьѣ уѣзда и дороговизнѣ лѣсныхъ матеріаловъ идетъ въ топливо, а сѣнокосныхъ угодій на голову скота приходится только 0,15 десят. Въ результатѣ такихъ условій годовой скопъ навоза отъ штуки крупнаго скота равенъ 13 возамъ, а на десятину удобряемаго надѣльнаго пара падаетъ только 20,87 воза. Такимъ образомъ, при средней густотѣ увала въ 101,5 воза на десятину, удобреніе возвращается на то же мѣсто черезъ 13,4 года. При такомъ продолжительномъ періодѣ возвращенія, производительныя силы земли безусловно не могутъ быть возстановлены массой вносимаго въ нее удобренія, и урожаи хлѣбовъ, заимствуя для себя питательный матеріалъ изъ естественныхъ запасовъ почвы, должны неизбѣжно понижаться. Это оскудѣніе запасовъ производительной силы земель сказывается въ повторяющихся все чаще недородахъ хлѣбовъ, такъ какъ растеніе, не обезпеченное въ достаточной мѣрѣ питательнымъ матеріаломъ, оказывается неспособнымъ противостоять даже незначительнымъ измѣненіямъ условій произрастанія въ неблагопріятную сторону.

По мнѣнію большинства членовъ Раненбургскаго, Рязанской губерніи, уѣзднаго комитета, „не малоземелье гонитъ крестьянъ изъ деревни, ибо, въ случаѣ недостатка земли, они, конечно, постарались бы, насколько возможно, поднять ея производительность, а между тѣмъ большинство крестьянъ совсѣмъ не удобряетъ свои поля и до сихъ поръ, несмотря на очевидный примѣръ частновладѣльческихъ хозяйствъ, не даетъ себѣ даже труда мало-мальски порядочно вспахать его; во многихъ селеніяхъ двойка пара почти не практикуется.“

Независимо отъ удобренія, въ качествѣ и даже количествѣ урожая видную роль играютъ сѣмена посѣвного хлѣба. Всѣ владѣльцы имѣютъ для очистки сѣмянъ цѣнныя сортировки; какъ великъ спросъ со стороны частныхъ владѣльцевъ на улучшенныя сѣмена, можно судить по увеличивающемуся ежегодно количеству сѣменныхъ хозяйствъ, а въ городахъ—сѣменоторговцевъ, складовъ сѣмянъ и т. п. Но крестьяне стоятъ въ сторонѣ отъ этого движенья. Они сѣютъ своими сѣменами обыкновенно послѣ провѣванья зерна на вѣтрѣ лопатою; правда, въ послѣднее время по деревнямъ развелось много вѣялокъ-рѣзанокъ, но такія вѣялки не могутъ отсортировать куколь и другія зерна травъ, вслѣдствіе чего всѣ крестьянскіе посѣвы овса переполнены куколемъ. Сплошная засоренность крестьянскихъ полей, понижающая урожаи и особенно рѣзко сказывающаяся на яровыхъ посѣвахъ, представляетъ собою явленіе повсемѣстное. Она влечетъ за собою мѣстами безполезную затрату женскаго труда на ручную полку сорныхъ растеній.

Послѣ посѣва, какъ скоро озимые взошли, а тѣмъ болѣе закрыли землю, на озимые посѣвы крестьяне выгоняютъ скотъ, который ко-

*

нечно переходитъ и на владѣльческій клинъ, если таковой случится по сосѣдству. Владѣльцы охраняютъ свои земли, насколько возможно, и съ этою цѣлью нанимаютъ полевыхъ сторожей; но всё же на владѣльческой земли появляются нерѣдко по ночамъ цѣлые табуны лошадей. Косьбу на арендованныхъ или на собственныхъ земляхъ крестьяне производятъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы воспользоваться возможно большимъ количествомъ соломы. Владѣльцы же мирятся съ высокимъ жневьемъ на своихъ земляхъ, такъ какъ плохо подобранный колосъ сгребается конными граблями, а большое жневье служитъ въ зимнее время средствомъ задержать на поляхъ снѣгъ, ради увлаженья земли. На молотьбу крестьяне и владѣльцы равнымъ образомъ смотрятъ неодинаково. Крестьяне не спѣшатъ съ молотьбою, оставляя иногда до слѣдующаго года не обмолоченныя скирды, и чѣмъ болѣе на гумнѣ какого-либо крестьянина остается необмолоченныхъ отъ прошлаго урожая скирдъ, тѣмъ зажиточнѣе и домовитѣе слыветъ такой домохозяинъ. Крестьяне, собравъ хлѣбъ, обмолачиваютъ осенью столько, сколько нужно на семѣна, продовольствіе семьѣ и продажу для удовлетворенія неотложныхъ расходовъ; на остающійся затѣмъ хлѣбъ смотрятъ, какъ на капиталъ, которымъ можно пользоваться въ любое время; скирды оставляются «про черный день». Если хлѣбъ лежитъ долго немолоченнымъ и отсырѣетъ, крестянинъ подсушитъ его на печи въ своихъ избахъ. Помѣщеній для зерна крестьянинъ не имѣетъ въ достаточномъ количествѣ. Владѣльцы же, коль скоро соберутъ хлѣбъ, пользуются каждымъ хорошимъ днемъ, чтобы обмолотить его сполна до зимы за сухую погоду, такъ какъ такой хлѣбъ не подвергается мышеѣди, онъ цвѣтистѣе и вѣсистѣе на пудъ, а потому цѣннѣе. Крестьяне молотятъ цѣпями, въ рѣдкихъ случаяхъ на молотилкахъ типа рязанокъ, копенъ по 25—30; владѣльцы стараются обзавестись молотилками съ сильными приводами или локомобилями. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ раньше работали топчаки Михеля, на двѣ лошади, теперь дѣйствуютъ молотилки 4—6 конныя, а послѣднія замѣняются локомобилями. Въ деревнѣ такимъ образомъ пропадаетъ масса времени на молотьбу цѣпами — за неимѣніемъ молотилокъ; на уборку — за отсутствіемъ жатвенныхъ машинъ; на косовицу – за недостаткомъ сѣнокосилокъ.

Участникъ Елецкаго, Орловской губерніи, уѣзднаго Комитета крестьянинъ Козыревъ слѣдующимъ образомъ оцѣнилъ разницу въ веденіи хозяйства владѣльцами и крестьянами. «Осенью, послѣ уборки хлѣбовъ, крестьяне видя, что землевладѣльцы—помѣщики давно уже начали метать ржище для ярового посѣва слѣдующаго года, тогда крестьяне, хотя съ неохотою принимаются и себѣ за пахоту взмета и пахота эта, подъ предлогомъ отдыха послѣ рабочей поры и по причинѣ базарныхъ поѣздокъ, а всего болѣе подъ вліяніемъ мѣстныхъ праздниковъ, какъ своихъ, такъ и сосѣднихъ приходовъ, продолжается

очень медленно до поздней осени, и пахота эта производится большею частью въ сырую погоду мелко и съ огрѣхомъ (неподнятою между бороздъ полоскою); послѣднему крестьяне не придаютъ никакого плохого значенія; они утверждаютъ, что огрѣхъ оплодотворяетъ землю».

«Когда откроется весна крестьяне приступаютъ къ посѣву; вывозятъ на поле сѣмянъ овса не менѣе двухъ четвертей на десятину и при разсѣвѣ сѣмянъ по рѣдкимъ бороздамъ, очень мало обращаютъ вниманіе на равномѣрность распредѣленія сѣмянъ, говоря, что соха и борона все разволокутъ и выровняютъ, поэтому посѣвъ овса всегда бываетъ рядами, т. е. полоса густая и полоса рѣдкая. Посѣянный овесъ крестьяне запахиваютъ сохою и скородятъ деревянною бороною. ничего не торопя себя высыханіемъ земли».

«Затѣмъ наступаетъ ломка овса, т. е. послѣдняя перепашка, и при этомъ многіе изъ крестьянъ считаютъ лучшимъ временемъ ломать овесъ тогда, когда изъ зерна овса покажется ростокъ, и вся пахота при ломкѣ овса производится глубоко, во всякомъ случаѣ глубже предшествующихъ вспашекъ, чѣмъ и объясняется комковатость пашни и изъ густого посѣва рѣдкій всходъ овса».

«Послѣднею работою овсяного поля бываетъ закатываніе овса деревяннымъ каткомъ, и закатываніе это почти всегда производится при самомъ всходѣ овса или уже по всходѣ его; въ первомъ случаѣ сломаются ростки, а въ послѣднемъ затеряются листки; распредѣленіе сѣмянъ, глубокая запашка сѣмянъ, ломаніе ростковъ и затеря листковъ каткомъ ведетъ къ значительному недороду посѣва».

«Что же касается до крестьянскаго посѣва ржи, то тутъ бываетъ менѣе ошибокъ въ сравненіи съ посѣвомъ овса; хотя крестьяне не во время пашутъ свой паръ для посѣва озимаго, но это происходитъ потому, что крестьянамъ, за неимѣніемъ для скота пастбища, рано пахать паръ нельзя. Но все таки и въ посѣвѣ, и въ обработки озимаго можно видѣть недостатки, какъ-то: глубокую запашку сѣмянъ, вытравленіе скотомъ зеленей, переспѣлую уборку съ корня урожая и невнимательность къ потерѣ зерна при косьбѣ и вязкѣ въ сухое время».

Переходъ къ воздѣлыванію болѣе цѣнныхъ растеній и вообще къ интенсивному хозяйству встрѣчаетъ существенныя затрудненія въ бытовыхъ условіяхъ нашего сельскаго населенія. Для того, чтобы обратить часть земли, хотя бы усадебной, подъ садъ или огородныя насажденія, при существующемъ обычаѣ селиться непремѣнно селами, дворъ ко двору, нужно чтобы къ занятію садоводствомъ или огородничествомъ обратилось все село. Иначе не дадутъ выростить плодовъ или овощей и одни ребятишки все истребятъ еще задолго до вызрѣванія насаженнаго. Собственность въ этомъ случаѣ не уважается. По этой то причинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и принято разводить такія растенія, какъ табакъ или овощи на съемныхъ земляхъ. Но

какъ бы то ни было, рѣпа или морковь за столомъ крестьянина продолжаютъ быть рѣдкимъ лакомствомъ.

Въ Михайловскомъ, напр., уѣздѣ, Рязанской губерніи, да и въ другихъ мѣстностяхъ центральнаго черноземнаго раіона садъ при крестьянской усадьбѣ составляетъ рѣдчайшее явленіе. Многіе изъ крестьянъ пытались и пытаются сажать у себя въ усадбахъ фруктовыя деревья, но въ большинствѣ случаевъ всѣ эти попытки оканчиваются неудачей. Причины неудачи заключаются въ полномъ незнаніи крестьянъ, какъ обращаться съ фруктовыми деревьями; они не умѣютъ ни посадить, ни во время полить растеніе, ни ходить за нимъ въ случаѣ, если оно примется. Наряду съ незнакомствомъ сельскаго населенія съ основными требованіями садоводства, успѣхамъ послѣдняго сильно вредитъ «дикій» взглядъ крестьянъ, что всѣ плодоносящія деревья хотя бы выхоленныя и выращенныя трудомъ человѣка, составляютъ не частную, а общественную собственность; пользованіе плодами съ чужихъ деревъ, по понятіямъ крестьянъ, не составляетъ кражи. Поэтому, какъ частные владѣльцы, такъ и крестьяне, имѣющіе сады, должны постоянно вести упорную борьбу не только съ отдѣльными лицами или сосѣдями, но нерѣдко съ цѣлыми сельскими обществами; ежегодно осенью происходятъ во многихъ мѣстахъ разгромы садовъ, съ поломкою деревьевъ и избіеніемъ владѣльцевъ или сторожей садовъ цѣлыми толпами мужиковъ, бабъ и ребятишекъ.

Огородъ и садъ не только необходимы крестьянину, но могутъ, при умѣломъ веденіи дѣла, составить значительную статью дохода въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Однако, усадебная планировка, тѣснота при усадебныхъ земляхъ и дикость деревенскихъ обитателей ставятъ крестьянскому огородничеству и садоводству почти непреодолимыя препятствія. Согласно отзыву Ливенскаго, Орловской губерніи, уѣзднаго комитета, «стоитъ кому-либо изъ крестьянъ завести себѣ огородъ или садъ, какъ туча маленькихъ бандитовъ, царствующихъ безъ надзора въ деревнѣ, налетитъ и моментально уничтожитъ его посадки. Такое положеніе при скученности усадебъ устранить очень трудно...»

Во всемъ раіонѣ центральныхъ черноземныхъ губерній перепашки смежныхъ земель, потравы хлѣбовъ, травъ, а въ лѣсахъ порослей—явленіе повседневное. Въ деревняхъ крестьянскія постройки въ большинствѣ случаевъ выстроены скученно, дворъ около двора; покрыты соломою; по улицамъ или между дворами не обсажены деревьями; поэтому пожары уничтожаютъ каждый разъ множество дворовъ. Если и встрѣчаются изрѣдка деревья, то лишь ракитникъ—по нераспаханнымъ912 русламъ рѣкъ или владѣльческимъ болотамъ. Но такого рода древесныя насажденія, по отзыву Щигровскаго, Курской губерніи, уѣзднаго комитета, «не служитъ доказательствомъ любви крестьянина къ древонасажденію, а дѣлаются чаще всего для того,

чтобы завладѣть этою землею въ собственность на правахъ «фактическаго владѣльца».

Охрана сельскохозяйственной собственности представляется однимъ изъ необходимѣйшихъ условій для успѣшнаго веденія интенсивнаго хозяйства, а она въ настоящее время почти что отсутствуетъ въ русской деревнѣ. Постоянные захваты земли, потравы, порубки, конокрадство и всѣ виды воровства—явленія въ деревнѣ самыя обыденныя и борьба съ ними становится для населенія все болѣе непосильной. Какъ крестьянину завести хорошихъ лошадей, когда онъ напередъ увѣренъ, что ихъ у него сведутъ; какъ ему разводить плодовый садъ, когда несозрѣвшіе еще плоды несомнѣнно будутъ у него похищены? Какой ожидать доходъ отъ садоводства, когда торговецъ, снимающій даже небольшихъ размѣровъ садъ, долженъ держать для его охраны нѣсколько человѣкъ сторожей? Какъ заняться искусственнымъ лѣсонасажденіемъ на неудобной землѣ, когда и существующія деревья вырубаются чуть ли не на глазахъ хозяина? Какъ завести породистую птицу, когда яйца отъ нея будутъ подмѣнены обыкновенными и проданы скупщикамъ? Какъ, наконецъ, вести хозяйство, когда ежегодно значительное количество копенъ хлѣба воровски увозится съ поля крестьянами?

«Охрана сельскохозяйственной собственности—докладывалъ Обоянскому, Курской губерніи, уѣздному комитету одинъ изъ мѣстныхъ волостныхъ старшинъ—далеко крестьянамъ не привита. Они травятъ свои поля, не щадя и чужихъ; они рубятъ лѣсъ хищническимъ образомъ и не жалѣютъ и владѣльческаго; ужасаться надо ихъ дикости. Крестьянинъ не считаетъ общественную собственность своей; онъ ее рубитъ и травитъ, а владѣльческую—тѣмъ паче...»

Животноводство въ центральномъ раіонѣ Россіи имѣетъ двоякое значеніе: какъ необходимый источникъ къ поддержанію и улучшенію плодородія земли и въ качествѣ средства къ использованію зерновыхъ продуктовъ и масличныхъ отбросовъ у себя дома черезъ откормъ скота. Отощаніе земли, а вслѣдствіе этого неустойчивость ея противъ неблагопріятныхъ атмосферическихъ явленій и паденіе урожайности полей ставятъ вопросъ объ удобреніи черноземной пашни на первый планъ. Такъ какъ искусственные туки на повышеніе урожаевъ чернозема оказываютъ слабое вліяніе, да и экономически невыгодны, то удобреніе навозомъ для черноземныхъ земель является единственнымъ средствомъ, благодаря которому можетъ быть повышена производительность крестьянскихъ земель.

При трехпольной системѣ скудны и лѣтнія пастбища, и зимнее кормленіе. Хозяинъ вынужденъ, чтобы не оставить скотъ безъ пастбища, поднимать паръ очень поздно, что, несомнѣнно, понижаетъ урожайность почвы и ведетъ къ уменьшенію зимнихъ кормовъ. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ, какъ уже отмѣчено выше, метка

пара производится въ началѣ іюля. Поздняя метка пара дѣлается въ тѣхъ видахъ, чтобы не лишать скотъ единственнаго пастбища, но что представляетъ собою это пастбище? Къ тому времени, особенно въ сухіе годы, на парахъ остается одна смятая полынь; голодная скотина вырываетъ корни травъ и глотаетъ ихъ вмѣстѣ съ землей и пылью. Но какъ ни оттягиваютъ крестьяне метку пара, все же наступаетъ время, когда паръ подметанъ, а луга, особенно если дожди мѣшаютъ уборкѣ, еще не убраны, и скотъ пасется или, правильнѣе, скитается по вытоптаннымъ выгонамъ, по оврагамъ, даже по дорогамъ; онъ буквально голодаетъ. Пройдутъ лѣтнее скитаніе и осеннія прогулки,—крестьянскій скотъ обрекается на новое голоданіе. За распашкою луговъ, за неимѣніемъ у крестьянъ сѣна, скотъ, съ наступленіемъ зимняго времени, ставится на соломенный кормъ. Въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ скотъ всю зиму кормится соломой, не только яровой, но частью и ржаной. Солома, какъ ржаная, такъ и яровая, необходима при кормленіи животныхъ, но лишь при условіи смѣшенія ржаной соломы съ болѣе питательными кормами—мукой, жмыхами и отрубями. Но о такомъ кормленіи въ крестьянскомъ хозяйствѣ по общему правилу нѣтъ рѣчи; и только лошадь пользуется преимуществомъ получать при зимнемъ извозѣ овесъ, а весной муку въ видѣ мѣсива. Между тѣмъ при кормленіи скота одной соломой, животныя къ веснѣ представляются въ ужасномъ видѣ и если не падаютъ массами, то лишь благодаря своей совершенно невѣроятной выносливости.

Въ прежнее время, лѣтъ двадцать тому назадъ, скотоводство давало крестьянину довольно значительный доходъ; теперь оно находится въ самомъ плачевномъ и безвыходномъ состояніи. Если держатся еще лошади и коровы, первыя, какъ источникъ рабочей силы, а коровы—въ качествѣ кормилицъ семьи, въ особенности дѣтей, то разведеніе этого скота идетъ на убыль.

Такое кормленіе и содержаніе скота, какое практикуется обыкновенно въ крестьянскихъ хозяйствахъ, не можетъ удовлетворить даже и метисовъ культурныхъ породъ. Роль основного фонда въ пастбищномъ содержаніи принадлежитъ пожневымъ остаткамъ; значеніе спеціальныхъ выпасовъ въ кормовомъ отношеніи ничтожно *). Крупный скотъ, поколѣніями воспитанный на потребностяхъ животнаго въ 6—9 пудовъ, самъ собою выродился въ состояніе, когда эти 6—9 пудовъ являются уже для него нормою. «Каждый изъ насъ хорошо знаетъ,— замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ участниковъ Тульскаго губернскаго комитета,—что, именно, представляетъ изъ себя обезпеченіе

*) Въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, на голову крупнаго скота приходится сѣнокосныхъ угодій всего 0,15 десятинъ и обезпеченность каждой головы сѣномъ, при среднемъ урожаѣ, равна всего 9,2 пуда въ годъ.

зимними кормами нашей деревни, въ особенности къ концу зимы, когда зачастую на водопой нашъ крестьянинъ свою скотину вынужденъ бываетъ не гонять, а таскать».

Упадокъ крестьянскаго животноводства является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ послѣдовавшей съ теченіемъ времени убыли сѣнокосныхъ и пастбищныхъ угодій, что вызвало ощутительный недостатокъ въ деревнѣ кормовыхъ средствъ. Средства эти, само собою разумѣется, могли бы быть замѣтно увеличены введеніемъ въ полеводство корнеплодовъ, люцерны, улучшеніемъ луговъ и т. п., если бы тому не препятствовали общія условія крестьянскаго хозяйства, отсутствіе денежныхъ средствъ у населенія, недостатокъ у него надлежащихъ сельскохозяйственныхъ знаній. Ржаной соломы, яровой соломы, мякины почти ежегодно бываетъ въ достаточномъ количествѣ, но откармливать скотъ этими кормовыми средствами наиболѣе выгоднымъ и производительнымъ способомъ крестьянское населеніе не умѣетъ; лѣтомъ и особенно осенью напрасно пропадаютъ разныя сорныя травы: ботва картофеля и огородныхъ растеній, опавшій листъ, тростникъ и осока; между тѣмъ травы эти, приготовленныя соотвѣтственнымъ образомъ, явились бы подсобнымъ кормомъ, замѣняющимъ, особенно для коровъ и овецъ, сѣно и яровую солому.

Любопытно, что испытывая нужду въ кормовыхъ средствахъ, губерніи центральнаго черноземнаго раіона въ тоже время сами являются поставщиками жмыховъ и отрубей на германскомъ рынкѣ; Германія сильно развиваетъ свое животноводство благодаря дешевымъ кормовымъ средствамъ, получаемымъ ею изъ Россіи.

Упадокъ крестьянскаго животноводства въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ обусловливается, впрочемъ, и нѣкоторыми другими причинами. Сюда относится, между прочимъ, отсутствіе хорошихъ производителей въ крестьянскихъ стадахъ, въ которыхъ заводчиками являются обыкновенно небольшіе безпородные бычки, рожденные отъ мѣстныхъ же захудалыхъ коровъ; вслѣдствіе этого и болѣе достаточные крестьяне не имѣютъ возможности поднять качество скота, который продолжаетъ сохранять всѣ недостатки производителей. Не лишено значенія также обычное отсутствіе теплыхъ помѣщеній для скота зимою, въ связи съ недостаткомъ корма къ концу зимы и раннею весною, что въ особенности тяжело переносится молодыми животными, которыя не успѣли еще хорошо сложиться. Благодаря голодовкамъ и суровому содержанію, ростъ молодого скота рано пріостанавливается и въ результатѣ получается хорошо всѣмъ извѣстный типъ крестьянской коровы. Наконецъ недостаточною и малодоступною для сельскаго населенія оказывается и ветеринарная помощь. Крестьянину въ поискахъ за ветеринарнымъ фельдшеромъ приходится совершать поѣздку нерѣдко верстъ въ 20—30 и, устрашенный даль-

ностью разстоянія, онъ предпочитаетъ обратиться къ услугамъ мѣстнаго коновала.

При трехпольномъ хозяйствѣ, когда зерно сѣется по зерну, когда въ теченіе одного года подъ паромъ земля не успѣваетъ отдохнуть, когда за отсутствіемъ достаточнаго корма для скота, животноводство ограничивается содержаніемъ лишь необходимаго рабочаго скота, причемъ навоза накопляется слишкомъ мало, чтобы онъ могъ вернуть почвѣ удобреніе, равное снятому урожаю,—истощеніе земли представляется неминуемымъ. И дѣйствительно, крестьянская земля въ губерніяхъ разсматриваемаго раіона носитъ явственные признаки истощенія.

«Зло современнаго русскаго хозяйства, — справедливо замѣчаетъ раненбургскій уѣздный комитетъ,—заключается въ хищническомъ хозяйствѣ, выражающемся прежде всего въ постоянномъ изъ года въ годъ выпахиваніи земли вслѣдствіе общераспространеннаго первобытнаго трехпольнаго сѣвооборота. Земля есть капиталъ, который при нерасчетливомъ его расходованіи непремѣнно долженъ изсякнуть. Прежде, пока было просторнѣе и земля не была выпахана, никакого упадка сельскаго хозяйства не замѣчалось; нынѣ земля истощена и все пришло въ упадокъ... Нѣтъ ни хорошаго рабочаго скота, ни лошадей, которыхъ прежде было въ изобиліи. Обѣднѣвшая земля не производитъ даже корма...».

Глава IV.

Особенности крестьянскаго землевладѣнія.

Изслѣдуя различныя стороны современнаго крестьянскаго хозяйства въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ Россіи, мы имѣли въ виду до настоящаго времени лишь явленія, стоящія въ непосредственной или въ самой близкой связи съ некультурностью крестьянина, положившею яркій свой отпечатокъ на всемъ строѣ его хозяйства. Однако, этою группою явленій, несмотря на всю ихъ важность, еще не исчерпывается содержаніе аграрнаго вопроса въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи. Есть еще другая группа явленій, стоящихъ нѣкоторымъ образомъ внѣ воздѣйствія крестьянина, но имѣющихъ рѣшительное вліяніе на постановку крестьянскаго сельскохозяйственнаго промысла и на его результаты. Сюда относятся главнымъ образомъ вопросы, связанные съ существующими формами крестьянскаго землевладѣнія.

Крестьянское надѣльное землевладѣніе центральныхъ черноземныхъ губерній сводится къ двумъ типамъ: общинному и подворному. Процентное соотношеніе численности населенія, пользующагося надѣльною землею общинно и подворно, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи:	Процентъ крестьянскаго населенія, пользующагося надѣльною землею: Общинно.	Подворно.
Курская	59,6	40,4
Орловская	82,0	18,0
Тульская	88,4	11,6
Рязанская	93,2	6,8

Такимъ образомъ, болѣе замѣтное развитіе подворнаго крестьянскаго землевладѣнія замѣчается лишь въ Курской губерніи и отчасти въ Орловской; Тульская же и, особенно, Рязанская губерніи представляются мѣстностями почти сплошного общиннаго владѣнія. Въ этихъ двухъ послѣднихъ губерніяхъ, какъ видно изъ нижеслѣдующей таб-

лицы, процентъ безземельныхъ дворовъ выше, обезпеченность же крестьянскихъ дворовъ пахотною землею меньше, по сравненію съ двумя остальными губерніями изслѣдуемаго раіона:

Губерніи:	Обезпеченность пахотною землею. Процентъ безземельныхъ дворовъ.	На одинъ земельный дворъ приходится, въ среднемъ, десятинъ пахотной земли.
Курская	2,1	7,3
Орловская	3,4	7,0
Тульская	3,9	6,4
Рязанская	3,5	5,8

Основные недостатки крестьянскаго земельнаго устройства въ губерніяхъ центральнаго черноземнаго раіона заключаются въ слѣдующемъ. По многимъ, преимущественно большимъ сельскимъ обществамъ наблюдается длинноземеліе и дальность разстоянія полевыхъ угодій отъ усадебъ. Весьма распространена чрезполосица какъ надѣльныхъ дачъ, такъ и надѣловъ, находящихся въ пользованіи и распоряженіи отдѣльныхъ крестьянъ и домохозяевъ; надѣльные участки весьма раздроблены. Въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьинъ, получившихъ дарственные надѣлы или надѣлы ниже установленной нормы, дробленіе надѣльной земли достигло крайнихъ предѣловъ. Отношенія между членами сельскихъ обществъ по владѣнію, пользованію и распоряженію надѣльною землею не урегулированы дѣйствующимъ закономъ. Всѣ указанные недостатки современнаго крестьянскаго землевладѣнія создаютъ крайне неблагопріятную обстановку для сельскохозяйственнаго промысла; трудъ земледѣльца сплошь и рядомъ затрачивается совершенно непроизводительнымъ образомъ; пользованіе надѣльною землею становится экономически невыгоднымъ.

Низкій уровень крестьянскаго сельскаго хозяйства обусловливается въ значительной степени недостатками надѣленія крестьянъ землею и неудобствами расположенія надѣльной земли. Недостатки эти могутъ быть сведены къ двумъ главнѣйшимъ группамъ: длинноземелію, т. е. крайней удаленности полей отъ усадебной осѣдлости, и чрезполосности, подъ которою разумѣется тотъ случай, когда въ спеціально отмежеванный нарѣзокъ входятъ загоны постороннихъ лицъ, владѣющихъ землею по другому акту владѣнія.

Изъ числа 4.030 общинъ въ 13 уѣздахъ Курской губерніи всего лишь около половины общинъ (54,1%) имѣютъ свою надѣльную землю въ разстояніи не болѣе 3 верстъ отъ усадьбы и не испытываютъ въ этомъ отношеніи особыхъ хозяйственныхъ неудобствъ; затѣмъ 753 общины (18,7%), имѣя нѣкоторую часть своихъ надѣловъ на разстояніи отъ 3 до 5 верстъ отъ усадьбы встрѣчаютъ, конечно, болѣе ихъ менѣе значительныя хозяйственныя затрудненія; наконецъ, 1098 общинъ (27,2%),

большая или меньшая часть надѣловъ которыхъ находится на разстоянiи отъ 5 до 10 верстъ отъ усадьбы, совершенно лишены возможности вести на этихъ надѣлахъ сколько-нибудь правильное хозяйство и терпятъ огромныя потери на непроизводительно затрачиваемомъ трудѣ и на скудныхъ урожаяхъ. Въ Корочанскомъ уѣздѣ 51 община имѣетъ участки земли на разстоянiи 15—40 верстъ отъ усадебной осѣдлости. Въ Новооскольскомъ уѣздѣ двѣ общины имѣютъ отдѣльные особняки въ Воронежской губернiи, на разстоянiи 40—60 верстъ отъ усадебъ; число общинъ, имѣщихъ участки земли за 20—50 верстъ, достигаетъ въ этомъ уѣздѣ 11. Въ Путивльскомъ уѣздѣ въ двухъ общинахъ на свое поле большой объѣздъ; въ 20 общинахъ покосъ нарѣзанъ за 7, 10, 15, 20 и, въ одномъ случаѣ, даже за 50 верстъ отъ усадебной осѣдлости; въ 8 общинахъ надѣлъ тянется узкою полосою отъ 15 до 200 саж. ширины и клины поэтому поперечны. Надѣльныя земли слободъ Казацкой и Пѣны Обоянскаго уѣзда расположены въ 15 верстахъ отъ усадебной осѣдлости. Въ Орловской губернiи, въ Трубчевскомъ уѣздѣ около 50 сельскихъ обществъ имѣютъ надѣльную землю и притомъ не только сѣнокосную, но и пахатную, въ разстоянiи 10 верстъ и болѣе отъ усадебной осѣдлости; нѣсколькимъ же обществамъ часть надѣла отведена за 25 и даже за 40 верстъ. Благодаря такой удаленности, владѣльцы не могутъ обработывать эту часть своего надѣла и, по необходимости, сдаютъ ее за самую ничтожную плату, вносимую нерѣдко водкою, а не деньгами. Селенiя, расположенныя въ Трубчевскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Деснѣ и ея притокамъ, а также вблизи этихъ рѣкъ, получили въ надѣлъ почти исключительно луга и обладаютъ ничтожнымъ количествомъ пахотной земли; напротивъ того, въ другихъ мѣстностяхъ того же уѣзда, напримѣръ въ предѣлахъ Юровской волости, нѣтъ почти ни одного селенiя, которое имѣло бы свой сѣнокосъ. Въ Малоархангельскомъ уѣздѣ не мало сельскихъ обществъ, крайнiе участки надѣльной земли которыхъ отстоятъ отъ селенiй на разстоянiи 10 верстъ. Въ разныхъ уѣздахъ Рязанской губернiи имѣется нѣсколько сельскихъ обществъ, владѣнiя которыхъ отстоятъ отъ главнаго села на столь далекомъ разстоянiи, что ни о какомъ правильномъ хозяйствѣ и думать нечего. Въ Ряжскомъ уѣздѣ въ такомъ положенiи находятся: общество села Петрова; общества деревни Захуптной и Ямской слободы, села Акаемова и др. Крестьяне села Семiонъ свою отдаленную землю сдаютъ за дешевую цѣну, а сами арендуютъ близъ своего села. Общество села Ямской слободы сдаетъ отстоящую отъ него верстъ за сто надѣльную землю въ аренду рубля по два за десятину, а сами, живя въ селѣ, бѣдствуютъ и въ землѣ очень нуждаются. Арендаторы этихъ крестьянъ разбиваютъ весь большой участокъ въ 3 тыс. десятинъ на двѣ или три части и сдаютъ уже отъ себя другимъ арендаторамъ, а тѣ, въ свою очередь, еще разъ дѣлятъ землю на мелкiе участки и

150 верстъ туда въ телѣгѣ и столько же обратно пѣшкомъ за возомъ! Это ли не трудъ въ страдную лѣтнюю пору?

Длинноземеліе составляетъ истинное экономическое бѣдствіе крестьянскаго хозяйства. Оно является слѣдствіемъ или слишкомъ большого размѣра отдѣльныхъ поземельныхъ общинъ, или слишкомъ вытянутой формы полученнаго общиною въ надѣлъ участка, или, наконецъ, результатомъ дробности и разбросанности земельныхъ участковъ, составляющихъ надѣлъ данной общины.

Существующая связь между размѣромъ поземельной общины и расположеніемъ надѣла совершенно понятна. Чѣмъ больше община, тѣмъ больше поводовъ къ тому, что надѣлъ будетъ растянутъ на чрезмѣрно далекое разстояніе отъ усадьбы и что онъ будетъ заключаться не въ одномъ особнякѣ, а въ нѣсколькихъ участкахъ. Затѣмъ въ мелкихъ поземельныхъ общинахъ, при незначительной площади общаго надѣла, больше вѣроятія, что послѣдній будетъ болѣе или менѣе однороднымъ по качеству почвы, а потому, при разверстаніи земли, крестьянамъ незачѣмъ дѣлить надѣлъ на нѣсколько разнокачественныхъ ярусовъ; отдѣльные домохозяева получаютъ въ такомъ случаѣ свою долю въ каждомъ клину въ каждомъ мѣстѣ, и душевой надѣлъ не дробится на нѣсколько мелкихъ загоновъ, какъ это дѣлается въ большихъ общинахъ. Самое разверстаніе земли между отдѣльными домохозяевами совершается несравненно проще въ мелкихъ общинахъ, а потому оно можетъ быть уравнительнѣе. Всѣ эти преимущества мелкихъ общинъ въ связи съ нѣкоторыми другими, менѣе существенными, весьма ясно отражаются въ цифрахъ, выражающихъ экономическое благосостояніе населенія. Такъ, въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губ. подсчетъ крупныхъ и мелкихъ общинъ далъ слѣдующую разницу въ цифрахъ:

	Общины: Крупныя.	Мелкія.
Средній надѣлъ на дворъ (десятины)	11,4	6,0
Дворовъ безхозяйныхъ (проценты)	8,9	1,6
» безлошадныхъ »	23,7	5,6
» арендующихъ землю »	23,1	48,3
» выселившихся »	10,0	2,8

Въ Новооскольскомъ уѣздѣ, несмотря на то, что мелкія общины, въ среднемъ 35 дворовъ, получили въ надѣлъ всего лишь 6,4 дес. пахотной земли, экономическое положеніе ихъ несравненно лучше, чѣмъ въ остальныхъ группахъ,—что, по мнѣнію П. Н. Соковнина, можетъ быть объяснено лишь удобствомъ расположенія надѣловъ. Это удобство даетъ возможность лучше, съ меньшими затратами силъ и времени, использовать свою землю и даже арендовать внѣнадѣльныя земли. При томъ же количествѣ земли на дворъ въ крупныхъ общинахъ половина населенія бросила земледѣліе и лишь 6% всѣхъ домо-

хозяевъ прибѣгаютъ къ арендѣ земель. Въ среднемъ по Курской губерніи на одну общину приходится 62 двора; особенно крупныхъ общинъ, съ числомъ дворовъ свыше 500, въ которыхъ наиболѣе рѣзко должны проявляться всѣ дурныя вліянія большого скопленія населенія и большой площади надѣла, въ Курской губеніи насчитывается всего 34; число же общинъ, имѣющихъ свыше 100 дворовъ, достигаетъ 838.

Слѣдствіемъ отдаленности надѣльныхъ земель отъ усадьбы является, между прочимъ, образованіе такъ-называемаго заполья. Запольныя земли вовсе не удобряются и даютъ урожай, пониженный по сравненію съ другими землями почти на 30%. Явленіе это ощутительно лишь въ общинахъ, особенно крупныхъ по размѣрамъ или получившихъ въ надѣлъ земли съ вытянутою конфигураціей. Вообще заполье растетъ съ увеличеніемъ площади надѣла. Такъ, въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ общинахъ, имѣющихъ до 100 дес. пашни, процентное отношеніе запольныхъ земель къ общей площади равняется 10,5%; въ общинахъ, получившихъ 101—300 десят. пашни, оно повышается до 11,9%; общины съ 301—500 десят. имѣютъ запольныхъ земель 31,8% и, наконецъ, въ общинахъ съ надѣломъ свыше 500 десят. процентъ заполья—38,6%. Общее благосостояніе общины обусловливается въ значительной степени количествомъ запольныхъ земель и, по мѣрѣ умноженія послѣднихъ, замѣтно падаютъ признаки, свидѣтельствующіе о сравнительномъ достаткѣ.

Слишкомъ удаленныя отъ селеній крестьянскія надѣльныя земли составляютъ громадное неудобство въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Такія земли, если онѣ не сдаются въ аренду, обработываются очень небрежно, въ два и даже въ одну пашку подъ посѣвъ; навозъ туда никогда не возится; урожай на такихъ земляхъ, само собою разумѣется, очень плохъ даже и въ хорошіе по урожайности годы. Уборка хлѣба представляетъ существенныя затрудненія; въ особенности тяжела перевозка на гумно крестьянина, такъ какъ, при разстояніи въ 20—25 верстъ, перевозка каждой копны, по полуторы—двѣ копны въ день, путемъ найма обходится въ 75 коп. до 1 руб.; перевозка же своими средствами для средней крестьянской семьи должна растянуться на 30—40 дней. Поэтому копны часто и подолгу застаиваются въ полѣ и портятся отъ непогоды. Насколько велики бываютъ потери крестьянъ, видно изъ того, что, напримѣръ, въ урожайный 1894 годъ Захупотское общество (около трехъ тысячъ душъ) на своемъ засамаринскомъ участкѣ (около 800 десят.) оставило несвезенными болѣе трехъ тысячъ копенъ, которыя такъ окончательно и сопрѣли, причинивъ крестьянамъ убытокъ, по тогдашнимъ дешевымъ цѣнамъ, около десяти тысячъ рублей. Понятно само собою, что дальнія земли крайне неудобно, а иногда совсѣмъ невозможно использовать въ качествѣ пастбищъ. Вотъ почему крестьяне, владѣющіе такими землями, даже при вполнѣ достаточномъ общемъ количествѣ надѣла, сильно

страдаютъ отъ недостатка пастбищъ, такъ какъ пастбищами на дальнихъ земляхъ не могутъ пользоваться сами, а сдаютъ ихъ большею частью за безцѣнокъ сосѣдямъ этихъ дальнихъ земель.

Конечно, разсуждая теоретически, длинноземеліе могло бы быть устранено путемъ болѣе правильнаго размежеванія земли и нарѣзки надѣла вокругъ селеній, такъ какъ площадь земли, имѣющая три версты въ радіусѣ, включаетъ около 3 тыс. десятинъ, т. е. больше того, сколько имѣютъ сравнительно крупныя общины Курской губерніи. На практикѣ, однако, далеко не всегда возможно придать выдѣляемому участку желаемое очертаніе и направленіе, а потому единственнымъ способомъ для уничтоженія длинноземелія, поскольку оно зависитъ отъ большого размѣра поземельныхъ общинъ, является разселеніе общинъ хуторами по ихъ полевой землѣ. Способъ этотъ можетъ оказаться примѣнимымъ также во многихъ общинахъ, длинноземеліе которыхъ зависитъ отъ растянутой формы надѣла и чрезполосности пахотныхъ земель.

Сознавая уже во многихъ случаяхъ необходимость разселенія. курскіе крестьяне сравнительно весьма рѣдко рѣшаются на такую мѣру. Правда, въ настоящее время есть не мало случаевъ выселенія изъ коренныхъ поселковъ въ такихъ обществахъ, въ которыхъ, благодаря увеличенію населенія и семейнымъ раздѣламъ, подъ усадьбы заняты уже всѣ свободныя мѣста и потому вновь образующіеся дворы волей-неволей должны строиться въ полѣ. Есть также случаи выселенія, вызванные чрезмѣрною отдаленностью пахотнаго поля отъ усадьбы. Но случаи эти пока единичны и совершенно не отвѣчаютъ существующей потребности въ разселеніяхъ.

Такое положеніе дѣла можно объяснить лишь тѣмъ, что мѣра эта далеко не изъ легкихъ и встрѣчаетъ на своемъ пути непосильныя для крестьянъ препятствія. Дѣйствительно, неизбѣжность извѣстныхъ затратъ на перенесеніе и устройства усадьбы на новомъ мѣстѣ, расходы на устройство колодцевъ и водоемовъ для вновь образуемыхъ поселковъ, потери выселяющихся дворовъ въ оставляемыхъ ими, въ пользу коренного населенія, коноплянниковъ, наконецъ, необходимость предварительной общей переверстки земли,—всѣ эти препятствія являются въ большинствѣ случаевъ совершенно непреодолимыми для наличныхъ силъ крестьянскаго хозяйства и способны остановить выселеніе даже тогда, когда крестьяне охотно рѣшились бы оставить насиженныя мѣста.

Разселенію крестьянъ препятствуютъ и нѣкоторыя другія обстоятельства. Преградою служитъ укоренившаяся въ крестьянскомъ населеніи привычка жить въ обществѣ своихъ, тѣмъ болѣе, что такая совмѣстная жизнь въ большихъ селеніяхъ представляетъ, наряду съ неудобствами, и нѣкоторыя выгоды—общій выгонъ, водопой, а главное—церковь и школа, близость къ которымъ для многихъ имѣетъ суще-

ственное значеніе. Далѣе, представляется затруднительнымъ, особенно въ многолюдныхъ селахъ, составить законный приговоръ, отъ лица двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, объ отводѣ изъ состава мірской земли площади для возведенія новыхъ усадебъ и хозяйственныхъ построекъ. Попытки добиться составленія такого приговора обыкновенно оканчиваются полною неудачею, несмотря даже на крайнюю скученность мѣстами дворовыхъ строеній и полную основательность другихъ причинъ разселенія. Такъ, напр., не осуществилось, между прочимъ, выселеніе на особый поселокъ части крестьянъ села Бурминки Ряжскаго уѣзда, Рязанской губерніи, вынужденныхъ къ тому недостаткомъ воды; всѣ повторныя попытки Бурминскихъ крестьянъ не привели ни къ чему; имъ не удалось склонить въ свою пользу требуемое по закону число членовъ сельскаго общества. Не слѣдуетъ, однако, думать, будто законные приговоры объ отводѣ мірской земли для разселенія и образованія новыхъ поселковъ на дальнихъ концахъ надѣла не могутъ быть составлены исключительно изъ-за формальной трудности собрать сходъ въ законномъ составѣ участниковъ. Трудность такая существуетъ, но не она имѣетъ въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе. Едва ли не главная причина отрицательнаго отношенія сходовъ къ выдѣленію новыхъ поселковыхъ мѣстъ заключается въ томъ, что существующіе нынѣ порядки представляются выгодными для нѣкоторой части сельскаго общества—для кулаковъ и міроѣдовъ, имѣющихъ нерѣдко огромное вліяніе на общее направленіе мірскихъ дѣлъ. Дѣйствительно, длинноземеліе, въ связи съ чрезполосностью надѣловъ, создаетъ условія, крайне обременительныя для слабосильнаго домохозяина. Такому домохозяину не справиться съ дальнею возкою копенъ, съ огромною потерею времени при проѣздѣ на работу въ дальніе клинья, съ неудобствами прогона своего скота на отдаленные участки, такъ какъ при этомъ скотъ долженъ проходить большія пространства по избитымъ, истолченнымъ въ пыль мѣстамъ, пока доберется до кормовъ, а добравшись, уже раннимъ вечеромъ, въ лучшее время для корма, въ виду дальности разстоянія, долженъ подниматься и опять брести по тѣмъ же избитымъ мѣстамъ. Слабосильному домохозяину не справиться со всѣми этими мелочами, которыя, повторяясь изъ года въ годъ, изо дня въ день, разрушаютъ его благосостояніе и превращаютъ его въ концѣ концовъ въ безхозяйственнаго крестьянина, сдающаго свои надѣлы своему болѣе удачливому въ жизни однообщественнику. Процентъ такихъ безхозяйственныхъ мужиковъ въ большихъ общинахъ, длинноземельныхъ и чрезполосныхъ, особенно великъ, какъ велико здѣсь и имущественное неравенство между членами общины.

Немаловажнымъ препятствіемъ къ разселенію крестьянъ является, наконецъ, неопредѣленность и неполнота узаконеній, опредѣляющихъ права на надѣльную землю, съ одной стороны, сельскаго общества,

съ другой—каждаго изъ ея членовъ. Въ настоящее время, при развитіи дѣятельности крестьянскаго земельнаго банка, все чаще и чаще встрѣчаются случаи покупки крестьянами земли въ ближайшемъ сосѣдствѣ къ ихъ селеніямъ. Казалось бы, лучшимъ разрѣшеніемъ вопроса было бы разселеніе такихъ крестьянъ на вновь пріобрѣтенные ими участки. Однако, большинство изъ нихъ продолжаетъ жить въ своихъ скученныхъ селахъ; тѣ же, которые выселились на вновь пріобрѣтенные участки, вынуждены или ежегодно задобривать общество, или раскаиваться въ принятомъ рѣшеніи. Въ Карачевскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, былъ такой случай. Крестьянинъ, купившій небольшой клочокъ земли въ 3—4 верстахъ отъ своего селенія, перенесъ туда свою усадьбу, но немедленно лишился, по приговору общества, сорока десятинъ имѣвшейся у него надѣльной земли. Приговоръ былъ обжалованъ, дѣло восходило на разсмотрѣніе административнаго присутствія уѣзднаго съѣзда, однако къ отмѣнѣ приговора, несмотря на явную его несправедливость, не найдено достаточныхъ основаній.

При наличности указанныхъ условій, разселеніе крестьянъ не можетъ въ настоящее время принять сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ. Нужно, чтобы все сельское населеніе проникнулось сознаніемъ пользы и необходимости для хозяйства особняка, и только тогда, благодаря соотвѣтственнымъ законодательнымъ мѣропріятіямъ и поощрительнымъ мѣрамъ со стороны правительства и земства, можетъ быть существенно ослаблено, а мѣстами и уничтожено длинноземеліе, наносящее столь существенный ущербъ сельскохозяйственному промыслу.

Чрезполосность крестьянскихъ надѣловъ представляется явленіемъ, широко распространеннымъ въ предѣлахъ центральныхъ черноземныхъ губерній.

Въ Орловской губерніи въ Кромскомъ уѣздѣ у каждаго изъ домохозяевъ земля находится не менѣе, чѣмъ въ 10—12 кускахъ; здѣсь извѣстны факты, когда дробленіе небольшихъ участковъ земли на мелкія полосы привело къ обращенію плодородной пашни въ неудобную. Въ Михайловскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи насчитывается 71 община съ надѣломъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ особняковъ, и 23 общины съ полной чрезполосицей. Половина всѣхъ общинъ Курской губерніи терпитъ, въ большей или меньшей степени, различныя неудобства въ расположеніи земельныхъ надѣловъ. Въ Дмитріевскомъ уѣздѣ въ 21 общинѣ пашня въ 5—40 отдѣльныхъ мѣстахъ; въ 19 общинахъ проѣздъ на поле черезъ чужую землю; въ 32 общинахъ прогонъ скота частью стѣсненъ, частью совсѣмъ прекращенъ; въ 10 общинахъ за прогонъ отрабатываютъ; въ Льговскомъ уѣздѣ въ 14 общинахъ полевая земля раскинута въ 5—23 отдѣльныхъ участкахъ, отстоящихъ къ тому же на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Въ Суджанскомъ уѣздѣ 20 случаевъ, гдѣ земля разбросана въ 5—20 отдѣльныхъ

мѣстахъ, въ 15 случаяхъ прогонъ скота на отдѣльные участки прекращенъ, въ 6 случаяхъ за прогонъ отрабатываютъ; въ одномъ случаѣ усадьба окружена и окопана со всѣхъ сторонъ землею владѣльца; въ въ одномъ случаѣ надѣлъ тянется холстомъ шириною въ 30 саженъ, въ 6 случаяхъ усадьба отведена въ 3—10 отдѣльныхъ мѣстахъ. Въ Рыльскомъ уѣздѣ 33 общины, въ которыхъ земля разбросана въ нѣсколькихъ мѣстахъ; въ нѣкоторыхъ общинахъ такая дробная чрезполосность, что міръ нарѣзываетъ своимъ членамъ въ 47, 52, 77 и даже 102 отдѣльныхъ мѣстахъ; въ 38 общинахъ крестьяне не пользуются для выпаса частью своей земли, за отсутствіемъ прогона: въ 9 общинахъ за прогонъ отрабатываютъ; въ 12 общинахъ надѣлъ нарѣзанъ узкою полосою; клины поперечные, прогонъ на нихъ крайне неудобенъ; въ одной изъ этихъ общинъ ширина холста не превышаетъ 20 аршинъ. Въ Фатежскомъ уѣздѣ 14 общинъ, въ которыхъ пахотная земля въ 13 особнякахъ; въ одной общинѣ — въ 70 отдѣльныхъ клочкахъ; въ 24 общинахъ крестьяне не могутъ пользоваться для пастьбы скота частью своихъ угодій, такъ какъ на нихъ прогона нѣтъ; въ 8 общинахъ за прогонъ отрабатываютъ. Въ Ливенскомъ уѣздѣ половина земледѣльческаго населенія пользуется полосками шириною до двухъ саженей, по которымъ едва въ силахъ пройти борона. Въ Путивльскомъ уѣздѣ въ 118 общинахъ болѣе или менѣе дробная чрезполосность съ крестьянскими же обществами и съ частными владѣльцами; чрезполосность эта, помимо неудобства распредѣленія земли и способа ея обработки, служитъ источникомъ нескончаемыхъ пререканій о захватѣ и запашкѣ чужой земли; въ 28 общинахъ прогона нѣтъ на нѣкоторые особняки; въ 11 общинахъ за прогонъ отрабатываютъ.

Въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, чрезполосныхъ земель зарегистровано въ 1899 году 11.756 десятинъ, причемъ всѣ онѣ сосредоточены въ трехъ мѣстахъ уѣзда: слободахъ Рождественой и Алешиной и при сельцѣ Бабанинѣ. Характернымъ примѣромъ чрезполосныхъ владѣній можетъ служить Рождествена слобода. Она представляетъ площадь въ 4.828 десятинъ, раздѣленную на 2.110 участковъ, такъ что средній участокъ равняется 2,3 десятины. Въ Рождественой слободѣ числится 13 общинъ и 141 владѣлецъ, причемъ у отдѣльныхъ общинъ число участковъ колеблется между 1 и 141. Число участковъ у отдѣльныхъ помѣщиковъ достигаетъ 134. Размѣръ отдѣльныхъ чрезполосныхъ участковъ весьма различенъ: опускаясь до 0,6 десят., онъ поднимался въ отдѣльныхъ случаяхъ до 37,2 десят. Въ среднемъ, по всѣмъ общинамъ Епифанскаго уѣзда одному домохозяину достается земля въ 15 мѣстахъ, причемъ число это въ отдѣльныхъ случаяхъ колеблется между 3 и 41.

Трудно даже представить себѣ, какую путаницу вноситъ въ земельныя отношенія подобная чрезполосица: она фактически нерѣдко лишаетъ владѣльцевъ возможности пользоваться принадлежащею имъ

землею; во всѣхъ случаяхъ она удорожаетъ обработку и задерживаетъ унаваживаніе отдѣльныхъ участковъ. Такъ, однодворцы Рождественой слободы, о которой рѣчь была выше, пользуясь своимъ пригороднымъ положеніемъ, развили ежегодныя огородныя культуры на сильно удобренныхъ пріусадебныхъ участкахъ; на полевой же землѣ, неудобряемой вовсе, въ отдѣльныхъ случаяхъ ведутъ чисто хищническое хозяйство: засѣваютъ ее сплошь ежегодно и часто при маломъ урожаѣ не косятъ хлѣбъ, а бросаютъ его на произволъ земли. У нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ нѣтъ никакихъ средствъ пользоваться отдѣльными участками принадлежащей имъ земли, и полученіе арендной за нихъ платы вполнѣ зависитъ отъ доброй воли засѣвающихъ эти участки крестьянъ. Такія условія хозяйства требуютъ немедленнаго размежеванія, а между тѣмъ дѣло это поставлено у насъ такимъ образомъ, что собственники Рождественой слободы, напримѣръ, въ теченіе 50 лѣтъ не имѣютъ никакой возможности придти къ полюбовному соглашенію; судебное же разслѣдованіе обставлено такими формальностями, которыя почти 30 лѣтъ, съ 1878 года, удерживаютъ отдѣльныхъ владѣльцевъ отъ вчинанія соотвѣтственнаго иска.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ центральнаго черноземнаго района, какъ, напр., въ Курской губерніи, до настоящаго времени остается не мало земель въ неразмежеванныхъ дачахъ, т. е. въ общемъ и чрезполосномъ владѣніи между частными владѣльцами и общинами бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Частный владѣлецъ въ неразмежеванной дачѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ крестьянской землей, вынужденъ держаться принудительной системы полеводства, т. е. долженъ вести на своихъ поляхъ туже культуру, какъ и его сосѣди-крестьяне. Если бы частный владѣлецъ не слѣдовалъ примѣру своихъ сосѣдей и вздумалъ перейти къ посѣву травъ и корнеплодовъ,—онъ обрекъ бы свои чрезполосные участки съ улучшеннымъ сѣвооборотомъ на гибель. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только сосѣдямъ-крестьянамъ убрать свои участки раньше созрѣванія хлѣбовъ на участкахъ частнаго владѣльца, эти послѣдніе будутъ вытоптаны крестьянскимъ скотомъ; если частновладѣльческіе посѣвы созрѣютъ раньше крестьянскихъ, владѣлецъ лишенъ будетъ возможности проѣхать къ нимъ чрезъ занятые посѣвами участки своихъ сосѣдей; наконецъ, если на крестьянскихъ участкахъ паръ, то пасущійся на нихъ скотъ и вовсе не дастъ выроси частновладѣльческимъ посѣвамъ. При такомъ порядкѣ землепользованія не только нѣтъ возможности частному владѣльцу улучшить и измѣнить систему сельскаго хозяйства,—онъ не можетъ примѣнить и болѣе раціональные пріемы даже изстариннаго трехполья, разъ пріемы эти будутъ расходиться во времени съ пріемами обработки земли массою совладѣльцевъ дачи. На такое ненормальное и печальное положеніе вещей обращало не разъ вниманіе земство, но всѣ

ходатайства о скорѣйшемъ размежеваніи чрезполосныхъ дачъ не имѣли рѣшительно никакихъ результатовъ.

Крестьяне, съ землей которыхъ чрезполосна помѣщичья земля, ежегодно производятъ потравы, побои хлѣбовъ и покосовъ, и припахиваютъ землю. Возникающее изъ-за этого судебное разбирательство портитъ взаимныя отношенія; охрана имѣній обходится дорого, хозяйство дѣлается малодоходнымъ. Размежеваніе чрезполосныхъ участковъ необходимо, между тѣмъ судебно-межевое производство такъ сложно и длинно, что у рѣдкаго владѣльца хватаетъ мужества предъявить иски о размежеваніи. Для крестьянъ размежеваніе въ большинствѣ случаевъ нежелательно. Они подъ предлогомъ прогона скота пользуются пастьбой на помѣщичьей землѣ и, кромѣ того, у нихъ часто, благодаря захватамъ, больше земли, чѣмъ слѣдуетъ по документамъ. Легкость захватовъ обусловливается тѣмъ, что при чрезполосномъ владѣніи (а иногда и безъ него) и при маломъ размѣрѣ земельныхъ участковъ весьма трудно установить границы владѣнія каждаго. Если же по суду право собственника-истца и возстановится, то отвѣтчикъ обязанъ возмѣстить только одни убытки и, послѣ состоявшагося приведенія судебнаго приговора въ исполненіе, можетъ немедленно произвести опять тотъ же захватъ земли; истцу остается начинать вновь то же дѣло и проводить его черезъ всѣ инстанціи.

Въ какихъ размѣрахъ возможны запашки чужой земли, видно изъ слѣдующаго. Въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, при селѣ Троицкомъ, что на Красномъ, дворянкѣ Анненковой принадлежало имѣніе (977 десят.), которое въ 1872 году владѣлицей было заложено въ Харьковскомъ земельномъ банкѣ; часть этого имѣнія—357 десят. была Анненковой продана, другая—620 десят., оставшаяся въ залогѣ у банка, за неплатежъ срочныхъ взносовъ, была назначена въ продажу. Торговый листъ былъ составленъ банкомъ всего на 414 десят., такъ какъ, еще до производства торговъ, было установлено, что 206 десят. запаханы сосѣдними владѣльцами, земли которыхъ находились въ чрезполосномъ владѣніи съ имѣніемъ Анненковой. Послѣ продажи, при измѣреніи покупщикомъ земли, оказалось не 414 десят., а лишь 298 десят.; такимъ образомъ изъ 620 десят. 322 десят. въ натурѣ не обнаружено.

Съ другой стороны, и сельское населеніе терпитъ не мало бѣдъ отъ чрезполосности земельныхъ надѣловъ. Нерѣдки случаи, что на сравнительно недалеко отстоящее поле крестьянамъ приходится на большомъ разстояніи объѣзжать чужія поля. За право проѣзда на свои поля и прогона скота по чужой землѣ крестьяне бываютъ вынуждены обязываться отработками. Чрезполосность увеличиваетъ случаи потравъ и поврежденій полей, нарушая добрыя отношенія крестьянъ къ сосѣднимъ владѣльцамъ, порождая одинаково невыгодную и непріятную для обѣихъ сторонъ рознь и даже вражду. Доведенная до

сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, чрезполосность препятствуетъ введенію болѣе интенсивныхъ культуръ и вообще не допускаетъ сколько нибудь правильной постановки сельскаго хозяйства.

Выгодное земельное хозяйство возможно лишь при удобномъ и близкомъ расположеніи полевой земли отъ усадьбы домохозяина. Русская деревенская жизнь многими своими дурными сторонами въ значительной степени обязана чрезполосности земель, ихъ крайней разбросанности и отдаленности отъ мѣстъ населенія. Чрезполосность понижаетъ уровень сельскаго хозяйства, вызываетъ множество судебныхъ дѣлъ, споровъ и пререканій и пріучаетъ населеніе къ неуваженію чужой собственности. Благодаря чрезполосности и отдаленности отъ усадебъ крестьянская земля существенно обезцѣнивается. Такъ, напр. участокъ земли въ Ижевскомъ сельскомъ обществѣ, — одномъ изъ самыхъ большихъ обществъ въ Спасскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи,— состоящій всего изъ 5¾ десятинъ, въ числѣ которыхъ 2½ десят. заливныхъ луговъ и выгона, купленный у помѣщика за 400 съ небольшимъ рублей ассигнаціями, въ продолженіе 70 лѣтъ не увеличился въ стоимости. Всѣ пять десятинъ удобной земли въ участкѣ (остальная земля ¾ десят. неудобна), имѣющія стоимость по мѣстнымъ цѣнамъ на частновладѣльческую землю до 600 руб., продаются и теперь по прежней цѣнѣ, въ среднемъ за 130 рублей.

Основнымъ типомъ крестьянскаго землевладѣнія въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи является общинное землевладѣніе. Въ общинѣ каждый изъ ея членовъ имѣетъ право на землю и право это осуществляется при посредствѣ передѣловъ. Посмотримъ, по какимъ основаніямъ разверстывается надѣльная земля въ обслѣдуемомъ раіонѣ; какія измѣненія въ этомъ отношеніи послѣдовали за послѣднее время, когда стала особенно чувствоваться земельная тѣснота; какое вліяніе имѣетъ общинный земельный укладъ и неопредѣленность взаимныхъ правоотношеній членовъ общины по владѣнію, пользованію и распоряженію надѣльной землей на положеніе крестьянскаго сельскаго хозяйства?

По свѣдѣніямъ, относящимся къ началу девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, вопросъ о передѣлахъ надѣльной земли въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ. Преобладающимъ типомъ разверстки являлась повсемѣстно разверстка по ревизскимъ душамъ; но со времени отмѣны подушной подати крестьяне мѣстами стали переходить къ разверсткѣ земли по числу мужчинъ во дворѣ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ Курской губерніи нѣкоторыя селенія дѣлятъ общинную землю по ревизскимъ душамъ, другія— по наличнымъ мужчинамъ. Любопытная особенность въ порядкѣ разверстки общинной земли замѣчается въ уѣздахъ Льговскомъ и Дмитріевскомъ: есть общества, гдѣ луговая земля дѣлится поровну на каждый дворъ; въ другихъ—она распредѣляется только между тѣми

домохозяевами, у которыхъ есть рабочій скотъ: или по количеству скота, или поровну на каждый дворъ; въ третьихъ—луговая земля дѣлится пропорціонально количеству пахатной земли въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ. Въ Малоархангельскомъ уѣздѣ Орловской губерніи было не мало попытокъ передѣлить землю „на живыя души", но, вслѣдствіе частнаго отсутствія многихъ членовъ общества на отхожихъ заработкахъ, рѣдко образуется требуемое закономъ большинство противъ тѣхъ домохозяевъ, кому выгодна существующая ревизская разверстка. Въ Болховскомъ уѣздѣ, напротивъ того, вернулись къ прежней ревизской разверсткѣ земли даже тѣ немногія сельскія общества, которыя приступили было къ распредѣленію земли по наличному мужскому населенію. Въ Карачевскомъ уѣздѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне дѣлятъ землю по ревизскимъ душамъ, а бывшіе государственные крестьяне—по наличному числу мужчинъ (взрослыхъ и малолѣтнихъ). Въ Тульской губерніи во многихъ общинахъ не было нередѣловъ со времени выдачи уставныхъ грамотъ; здѣсь удержалась разверстка по ревизскимъ душамъ. Но постепенно крестьяне переходятъ къ другимъ основаніямъ разверстки, преимущественно по числу наличныхъ мужчинъ всѣхъ возрастовъ; сравнительно рѣже встрѣчается разверстка по числу мужчинъ отъ одного, трехъ или пяти лѣтъ и по ѣдокамъ. Въ Рязанской губерніи къ разверсткамъ по наличнымъ душамъ мужского пола переходятъ съ ревизскаго счета, не соотвѣтствующаго наличному составу семей въ настоящее время. Во многихъ селеніяхъ Мещерскаго края и мѣстами въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ крестьне живутъ болѣе сторонними промыслами, земля разверстывается преимущественно по рабочей силѣ дворовъ—по тягламъ, причемъ считаются и подростки, привлекаемые къ полевымъ работамъ.

По свѣдѣніямъ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, разверстка мірской земли за послѣдніе годы производится всего чаще по наличнымъ душамъ мужского пола. Но бываютъ и такого рода случаи. Въ Новооскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи сходъ перваго Яковлевскаго общества Пригородней волости передѣлилъ землю на наличныя души мужского пола. Вслѣдъ засимъ возникли, однако, въ обществѣ недоразумѣнія изъ-за домохозяевъ, получившихъ надѣлъ на общее число душъ, преимущественно дѣтей, но оказавшихся не въ состояніи, за отсутствіемъ работниковъ, отбывать натуральныя повинности и нести общественныя службы, въ особенности въ должностяхъ сотскихъ и десятскихъ. Поэтому при слѣдующемъ срочномъ передѣлѣ сходъ произвелъ раздѣлъ уже на наличное число домохозяевъ поровну, сдѣлавъ дополнительное постановленіе объ обязательномъ веденіи трехпольнаго хозяйства и объ отводѣ выгона для пастьбы скота изъ распашной земли, несмотря на все ограниченное количество послѣдней. Въ пользу принятія подобной мѣры было приведено то соображеніе, что для посѣва имѣется возможность, хотя и подальше, пріискать и

нанять землю, тогда какъ для скота этого нельзя сдѣлать. Въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, изслѣдованіемъ 1899 года точно установлена система разверстки пашни въ 340 общинахъ, составляющихъ 93% всѣхъ общинъ уѣзда. Изъ этого числа 61% общинъ передѣляетъ пашню по наличнымъ душамъ мужского пола, за рѣдкими исключеніями, безъ различія возраста, т. е. въ передѣлъ попадаютъ всѣ дѣти мужского пола, родившіяся къ моменту передѣла. По старымъ ревизскимъ душамъ земля раздѣлена въ 27% общинъ и, наконецъ, смѣшанныя системы разверстки практикуетъ 4% общинъ. Всего передѣловъ зарегистрировано въ 27 общинахъ 416, въ томъ числѣ по отношенію къ 320 установленъ годъ передѣла. Если взять послѣднюю цифру и разбить ее по десятилѣтіямъ, оказывается, что на 1861—1870 г. г. падаетъ 11,9% всѣхъ передѣловъ; на 1881—1890 г.г.—26,8% и на 1891—1899 г.г.—25,9%. Такимъ образомъ, волна передѣловъ, поднявшись въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія до значительной высоты, сравнительно незамѣтно упала въ 80-хъ годахъ и держится почти на одномъ уровнѣ вплоть до послѣдняго времени. Параллельно съ этимъ число новыхъ общинъ, перешедшихъ отъ ревизской разверстки къ наличной, сразу упало въ 80-хъ годахъ. Такъ, процентъ общинъ, перешедшихъ къ наличной разверсткѣ въ 60-хъ годахъ, равенъ 13,5% и въ 70-хъ годахъ—39%; въ 80-хъ годахъ процентъ этотъ падаетъ до 18,7%, но въ 90-хъ годахъ снова повышается до 28,8%. Довольно сильное увеличеніе числа общинъ, перешедшихъ къ общему передѣлу въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ значительной степени должно быть отнесено къ вліянію голодныхъ лѣтъ, побудившихъ земельную мелкоту болѣе энергично добиваться земельной разверстки. Дѣйствительно, процентъ общинъ, произведшихъ передѣлъ съ 1891 по 1893 г., равенъ 10,1%, а съ 1893 по 1899 г.—18,7%, хотя послѣдняя цифра должна бы равняться 20,2%, если бы вопросъ о передѣлѣ шелъ тѣмъ же темпомъ, какъ и въ началѣ десятилѣтія.

Что касается срока передѣловъ, то необходимо замѣтить, что двѣнадцатилѣтній промежутокъ между передѣлами установился лишь у 11,8% общинъ. Наиболѣе распространеннымъ является срокъ отъ 6 до 10 лѣтъ, каковой установленъ у 2/3 общинъ (68,3%). Передѣлы черезъ большій, чѣмъ двѣнадцатилѣтній промежутокъ, производятся у 11,2%, а наименѣе употребительнымъ оказывается періодъ шестилѣтній. Такимъ образомъ, значительная часть крестьянъ Епифанскаго уѣзда держится передѣльнаго порядка, при наличности котораго вліяніе закона 8 іюня 1893 года въ положительную сторону едва ли можетъ сказаться замѣтнымъ образомъ.

Въ періодъ между общими передѣлами производятся частные количественные передѣлы, извѣстные подъ общераспространеннымъ названіемъ „свалокъ-навалокъ“ и имѣющіе цѣлью внести нѣкоторую поправку въ ту неравномѣрность, которая происходитъ по временамъ,

въ силу случайнаго перераспредѣленія рабочаго и потребительнаго состава семей. Наиболѣе распространенной системой „свалки-навалки“ въ Епифанскомъ уѣздѣ является свалка умершихъ и навалка на старшихъ безнадѣльныхъ; встрѣчаются и нѣкоторыя отступленія отъ этого правила. Такъ, напр., деревня Муравлянка, при частномъ передѣлѣ въ 1883 году наваливала землю „по семейству глядя“; въ селѣ Краснопольѣ „обмершая“ душа передается только въ томъ случаѣ, если дворъ совершенно „выпадаетъ“, т. е. до передѣла земли оставляетъ и бабъ; съ другой стороны, какъ, напр., въ деревнѣ Колесовкѣ, свалка производится даже съ недоимщиковъ, но временная, впредь до уплаты недоимки и т. п. Въ общемъ по уѣзду свалка-навалка и при общихъ передѣлахъ оказывается сильно распространенной; только 30% общинъ къ ней не прибѣгали.

Въ общинахъ съ разверсткою надѣльной земли по старымъ ревизскимъ душамъ, система свалокъ-навалокъ оказывается очень развитою, какъ по числу прибѣгавшихъ къ нимъ общинъ, такъ и по разнообразію формъ. Насколько „ревизскія души“ держатся за надѣлъ указываетъ, напр., слѣдующая характерная запись изслѣдователя (деревня Лупишки): „одно время бѣднѣйшая часть населенія требовала подѣлить землю по числу наличныхъ душъ мужского пола, но старики одолѣли; пріѣзжалъ земскій, собиралъ сходъ, но такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ. Старики говорятъ: теперь-то я кормлюсь землей, а раздѣли ее на всѣхъ, мнѣ и достанется клокъ...“. Эта же дорожба землей заставляетъ общину оставлять надѣлъ на вдовахъ до смерти, при свалкѣ-навалкѣ считаться съ потребительнымъ составомъ семьи, такъ какъ „и дѣвка пить, ѣсть хочетъ“ и т. д.

Въ видахъ равномѣрнаго пользованія землею обществамъ приходится дѣлить полевую землю на участки по дальности разстоянія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—на участки по достоинству земли. Отсюда происходитъ крайне мелкое дѣленіе на нивы; получаются клочки, на которыхъ рѣшительно негдѣ стать съ сохою и размахнуться косою; бываютъ полоски, вовсе не обрабатываемыя изъ-за ничтожности ихъ размѣровъ: урожая съ такой нивы будетъ далеко не полный возъ. Благодаря подобному распредѣленію мірской земли, создается крайняя чрезполосность и обостряется малоземелье. Сплошь и рядомъ встрѣчаются двухъ-трехдесятинные надѣлы, разбитые на десять и болѣе клочковъ, разбросанныхъ на огромномъ, случается десятиверстномъ разстояніи. Земельные клочки, доступъ къ которымъ для ихъ владѣльца особенно затруднителенъ, сдаются обыкновенно въ аренду за что ни попало. При естественномъ желаніи каждаго домохозяина получить землю поближе къ усадьбѣ, дробность ближайшихъ къ селенію надѣльныхъ участковъ превосходитъ предѣлы самыхъ скромныхъ хозяйственныхъ требованій.

Причиною, вызвавшею огромное развитіе мѣстами чрезполосности, является расположеніе крестьянскихъ селеній обыкновенно на берегу рѣкъ или ручьевъ, или же въ мѣстности съ высокимъ стояніемъ (близкимъ къ поверхности) подпочвенной воды. Мѣстностей такихъ въ Курской, напр., губерніи очень мало; губернія эта не изобилуетъ ручьями и рѣками, почему крестьянское населеніе группировалось въ крупные поселки, владѣнія которыхъ распространялось на далекое разстояніе. Выгодность обладанія и обработки ближайшихъ къ поселку земель именно и служитъ основаніемъ для возникновенія чрезполосицы. Къ такому же результату приводитъ нужда въ выпасахъ для скота; въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ луговъ (какъ, напр., въ Курской губерніи), выпасомъ обычно служитъ паровой клинъ, о воспрещеніи ранней вспашки котораго встрѣчаются нерѣдко общественные приговоры.

Крестьянскіе старшины, участвуя въ трудахъ Кромскаго, Орловской губерніи, уѣзднаго комитета, утверждали, что въ виду разнообразнаго качества надѣльной земли не только въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, но и въ каждомъ изъ нихъ, а равно вслѣдствіе значительной отдаленности надѣльныхъ участковъ отъ селеній, отводъ домохозяину въ каждомъ клину отдѣльнаго участка, приходящагося ему по числу душъ его двора, вызвалъ бы существенныя затрудненія и нарушилъ бы равнокачественность, а слѣдовательно и справедливость въ раздѣленіи земель и угодій по ихъ качеству каждому домохозяину. При существующемъ въ настоящее время порядкѣ, равненіе земли производится тщательно и осмотрительно, и каждому домохозяину достается въ пользованіе земля хорошая и дурная въ опредѣленномъ количествѣ сравнительно съ участками другихъ домохозяевъ; на мелкія полосы дѣлится исключительно земля хорошая, чтобъ каждому домохозяину достался клочокъ земли плодородной, обезпечивающей его хозяйство, а остальная средняя и дурная земля дѣлится по числу душъ, не дробясь уже на мелкія полосы.

Передѣлы надѣльной земли, производимые сельскими обществами въ губерніяхъ центральнаго черноземнаго раіона, имѣютъ неблагопріятное вліяніе на ходъ сельскаго хозяйства и являются поводомъ для сельскихъ сходовъ, какъ и для должностныхъ лицъ сельскаго управленія и даже для земскихъ начальниковъ ко многимъ злоупотребленіямъ, обрушивающимся всею своею тяжестью на бѣднѣйшихъ членахъ сельскаго общества. Достойно вниманія, что представители отъ крестьянскаго населенія, приглашенные въ Новосильскій уѣздный комитетъ, высказались за сохраненіе общиннаго владѣнія землею, но безъ права передѣловъ.

Неблагопріятное вліяніе передѣловъ на ходъ сельскаго хозяйства общинниковъ отмѣчено повсемѣстно въ предѣлахъ разсматриваемаго раіона. По словамъ одного изъ участниковъ Новосильскаго, Тульской

губерніи, уѣзднаго комитета, благодаря передѣламъ надѣльная земля бывшихъ государственныхъ крестьянъ остается безъ удобренія. „Мнѣ приходилось наблюдать такое явленіе, что крестьяне за послѣдніе три года до передѣла земли свозили навозъ со дворовъ въ овраги, чтобы не унаваживать землю, какъ они говорили, для другого....“. Однородное заявленіе сдѣлано однимъ изъ участниковъ Обоянскаго, Курской губерніи, уѣзднаго комитета: „много разъ приходилось спрашивать крестьянъ, почему они не свалятъ навозъ съ своихъ дворовъ на поля, а сваливаютъ его въ овраги, засаривая тѣмъ рѣки; они ссылаются на то, что если кто изъ нихъ и свезетъ на свою полосу навозъ, то на будущій годъ эта полоса достанется другому и его трудъ пропалъ“. Въ Рязанской губерніи „каждый изъ крестьянъ смотритъ на свою полосу, какъ на чужую, и за два-три года до передѣла перестаетъ ухаживать за нею надлежащимъ образомъ. Положеніе становится еще хуже, когда, по истеченіи срока передѣла, общество, т. е. двѣ трети домохозяевъ, не соглашается на новый передѣлъ и всѣ члены общества, ожидая въ каждомъ будущемъ году возможности передѣла, оставляютъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свою землю безъ удобренія. Совершенно другое отношеніе крестьянъ мы видимъ къ усадебнымъ наслѣдственнымъ землямъ....“. Земля общиннаго пользованія въ Сапожковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, въ настоящее время, передѣляется по большей части черезъ каждыя 12 лѣтъ. Домохозяева, ведущіе сами хозяйство, обыкновенно за 5—7 лѣтъ до наступленія срока передѣла, изъ боязни перехода улучшеннаго и удобреннаго ими участка полевой земли къ другому домохозяину, прекращаютъ вывозку навоза въ поле, копятъ этотъ навозъ на дворахъ или складываютъ въ кучи, въ которыхъ навозъ перегораетъ, теряетъ въ объемѣ и вѣсѣ лучшія свои составныя части.

Усадебныя земли, по силѣ ст. 110 мѣстнаго великороссійскаго положенія, находятся въ потомственномъ владѣніи проживающихъ въ оныхъ крестьянскихъ дворовъ. Однако, въ большомъ числѣ селеній Веневскаго уѣзда, Тульской губерніи, усадебные огороды, непосредственно прилегающіе къ жилымъ постройкамъ, вопреки точному указанію закона, разверстываются при общихъ передѣлахъ наравнѣ съ полевыми землями. Обычай этотъ оказывается весьма вреднымъ въ хозяйственномъ отношеніи. Если усадебный огородъ не представляетъ собою нѣчто ненарушимое и часть его можетъ быть отобрана при первомъ передѣлѣ, то домохозяинъ не устроитъ вокругъ своей усадьбы прочной ограды, онъ не можетъ сажать у себя плодовыхъ деревьевъ и, такимъ образомъ, въ селеніяхъ, гдѣ огороды подвергаются передѣламъ, нѣтъ возможности заниматься садоводствомъ. Въ такихъ селеніяхъ усадебные огороды почти не отличаются отъ обыкновеннаго поля. „Вы не увидите на нихъ ни дерева, ни куста“.

Существованіе указаннаго вреднаго обычая объясняется слѣдующимъ образомъ. При крѣпостныхъ отношеніяхъ у крестьянъ не было понятія о правѣ собственности на что-либо. Всѣмъ распоряжался помѣщикъ и когда, послѣ освобожденія крестьянъ, они стали производить предѣлы, то во многихъ сельскихъ обществахъ были передѣлены и усадебные огороды; усадебною площадью признавалась лишь та, которая занята была постройками. Въ то время недостатка въ землѣ еще не ощущалось и жалобъ на передѣлы огородовъ не поступало. Впослѣдствіи, со стороны крестьянъ поступало не мало заявленій и жалобъ на незаконность передѣла огородной земли, но при этомъ выяснилось, что такъ какъ земля эта много разъ уже мѣняла своихъ хозяевъ, то возстановить усадебные участки въ первоначальномъ ихъ видѣ не было никакой возможности. Крестьянскія учрежденія очутились лицомъ къ лицу съ укоренившимся обычаемъ, который пришлось оставить въ силѣ. Нѣкоторыя селенія прониклись сознаніемъ вреда, который причиняется передѣломъ огородныхъ земель; имѣется случай, когда сельское общество, при производствѣ общаго передѣла, постановило находящіеся между избами и ригами усадебные огороды раздѣлить навсегда поровну между всѣми домохозяевами, огороды же, лежащіе за ригами, раздѣлить по душамъ.

При раздѣлѣ земли, какъ общинной, такъ и подворной, крестьяне обыкновенно разбиваютъ ее на нѣсколько участковъ, по качеству почвы и ея расположенію, съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждому двору досталась опредѣленная доля земли во всѣхъ участкахъ; каждый участокъ, въ свою очередь, дѣлится на три клина, и уже послѣ этого производится распредѣленіе земли между дворами. Такимъ образомъ надѣльный участокъ крестьянскаго двора оказывается разбитымъ на нѣсколько полосъ, что влечетъ за собою чрезполосицу и дробность дѣлянокъ. Малый размѣръ надѣльныхъ клочковъ обусловливается и недостаткомъ земли; отдаленность же земельныхъ участковъ является слѣдствіемъ скученности селеній.

Луга въ крестьянскихъ хозяйствахъ страдаютъ сильною запущенностью отъ зароста кустарникомъ, что происходитъ отъ ежегоднаго дѣлежа луговъ на мелкія дѣлянки; ни одинъ крестьянинъ не рѣшится затратить свои силы на расчистку ихъ, такъ какъ не знаетъ, достанутся ли ему эти расчищенныя дѣлянки и въ будущемъ году.

Передѣлы, какъ общіе, такъ и частные, вносятъ смуту не только въ сельскохозяйственную жизнь сельскаго населенія, но и въ жизнь отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ, имущественное положеніе которыхъ существенно мѣняется въ зависимости отъ того, является ли у нихъ, благодаря передѣлу, прибавка земли или же надѣлъ уменьшается.

Такъ, по дѣйствующему закону, крестьянка, лишившаяся мужа и продолжающая самостоятельно вести хозяйство, не можетъ быть до

новаго передѣла лишена надѣльной земли, разъ только она исправно отбываетъ свои повинности. Если же, при передѣлѣ, разверстка производится по наличнымъ душамъ мужского пола, то она, не имѣя въ семьѣ лица мужского пола, можетъ остаться безъ земли, хотя бы у ней было нѣсколько дѣтей дѣвочекъ. По свидѣтельству крестьянина Выдрова, участвовавшаго въ Суджанскомъ, Курской губерніи, уѣздномъ комитетѣ, на практикѣ встрѣчались такого рода случаи. Единственный кормилецъ семьи, на душу котораго былъ данъ надѣлъ, умеръ передъ производствомъ передѣла; при переверсткѣ земли, состоявшейся вслѣдъ за симъ, надѣлъ былъ отобранъ и семья очутилась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Двѣ домохозяйки-вдовы, благодаря передѣлу, произведенному по наличнымъ душамъ мужского пола, очутились въ совершенно различномъ имущественномъ положеніи: одной изъ нихъ, съ пятью мальчиками-подростками, данъ былъ надѣлъ въ 15 десятинъ, у другой, имѣвшей только дѣвочекъ-дѣтей, вся надѣльная земля была отобрана. Такого рода случаевъ вообще не мало.

Въ промежуткѣ между общими передѣлами совершаются частные передѣлы, т. е. скидка и накидка душъ. При производствѣ такихъ частныхъ передѣловъ, — заявляетъ одинъ изъ крестьянъ, участвовавшихъ въ Новосильскомъ, Тульской губерніи, уѣздномъ комитетѣ,— „у насъ творится много безобразія". Вообще, въ крестьянскомъ населеніи отношеніе къ передѣламъ представляется недостаточно установившимся. Крестьяне даютъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что передѣлы наносятъ серьезный ущербъ сельскохозяйственному промыслу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не могутъ примириться съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ надѣльной земли и видятъ въ передѣлахъ лучшее средство достигнуть болѣе равномѣрнаго распредѣленія таковой.

Представители отъ крестьянъ въ подкомиссіи Курскаго уѣзднаго комитета высказались за желательность измѣненія правилъ о передѣлахъ мірской земли въ томъ смыслѣ, чтобы передѣлъ земли допускался на срокъ 12 лѣтъ и чтобы рѣшеніе вопроса о передѣлѣ земли было предоставлено рѣшенію сельскаго схода по простому большинству голосовъ, а не по приговору, постановленному двумя третями домохозяевъ, какъ это требуется дѣйствующимъ закономъ. Необходимость такого облегченнаго правила для совершенія передѣла оправдывалась волостными старшинами тѣмъ обстоятельствомъ, что „наблюдаются неравномѣрность распредѣленія земли среди членовъ сельскихъ обществъ и скопленіе надѣловъ въ отдѣльныхъ рукахъ".

Стремленіе сельскихъ обществъ къ совершенію уравнительныхъ передѣловъ вызываетъ тревожное настроеніе въ заинтересованной сельской средѣ и даже въ мѣстныхъ людяхъ, являющихся лишь сторонними наблюдателями крестьянской жизни. По отзыву одного изъ землевладѣльцевъ, участника въ трудахъ Корочанскаго, Курской гу-

берніи, уѣзднаго комитета, „можетъ наступить время, что сельскіе сходы, или по недостатку въ землѣ, или изъ зависти къ достигнутымъ результатамъ и къ благосостоянію отдѣльныхъ своихъ членовъ, или по наговору вредныхъ лицъ, т. е. побывавшихъ въ тюрьмѣ, обнищавшихъ переселенцевъ, просто пьяницъ, подпольныхъ адвокатовъ и т. п., передѣлятъ все то, что нынѣ составляетъ еще благосостояніе деревни“...

Попечительная власть, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, равнымъ образомъ не остается равнодушною къ передѣламъ, какъ къ средству, съ помощью котораго въ общинѣ можетъ быть достигнуто спасительное, по ея мнѣнію, уравнительное землепользованіе. Такъ, одинъ изъ земскихъ начальниковъ Богородскаго уѣзда, Тульской губерніи, былъ убѣжденъ въ томъ, что „раздѣлъ земли въ обществѣ по ѣдокамъ есть благодѣяніе для крестьянъ, и этимъ уничтожится неравенство въ обществѣ, по которому одинъ владѣетъ землей на десять душъ, тогда какъ ихъ въ домѣ только одна или двѣ, а другой—наоборотъ. Онъ изъ всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы земля была раздѣлена, но, къ его несчастію, нѣтъ двухъ третей за передѣлъ. Происходятъ пререканія, крестьяне возвышаютъ голосъ сильнѣе и все кончается двукратнымъ оштрафованіемъ несогласныхъ крестьянъ за грубость и жалобу ихъ въ другія инстанціи“ *).

Населеніе каждой общины увеличивается, а пространство принадлежащей общинѣ надѣльной земли остается неизмѣннымъ. Какъ бы ни передѣлялась общинная земля, по числу ли работниковъ, на наличныя ли мужскія души, по ѣдокамъ или какъ-нибудь иначе, но всегда число земельныхъ паевъ или „душъ“, на которое разверстывается общинная земля, опредѣляется численностью населенія общины. А такъ какъ населеніе каждой общины съ теченіемъ времени увеличивается, то съ каждымъ передѣломъ должно расти и число земельныхъ паевъ; количество же земли, приходящееся на отдѣльный пай, должно уменьшаться. При повтореніи надѣловъ неизбѣжно, рано или поздно, настаетъ такое время, когда на каждый пай приходится недостаточное количество земли: наступаетъ общее малоземелье.

Яркимъ доказательствомъ того, что при общинномъ владѣніи землею малоземелье становится чѣмъ-то неизбѣжнымъ, служатъ нижеслѣдующіе примѣры. Въ обществѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Казачьей слободы, Богословской волости, Данковскаго уѣзда, земля была передѣлена, при ревизіи 1858 года, на 693 души; первый передѣлъ послѣ ревизіи состоялся въ 1880 году, земля была передѣлена на 950 наличныхъ душъ мужского пола; второй передѣлъ произошелъ уже въ 1891 году—на 1.062 наличныхъ душъ мужского пола; третій передѣлъ былъ въ 1901 году—на 1.190 наличныхъ душъ мужского пола. Такимъ образомъ, увеличеніе числа душъ мужского пола составляло въ процентахъ: въ 1880 г.—37%, въ 1891 г.—53%, въ 1901 г.—72%.

*) Отзывъ землевладѣльца Любенкова.

Въ обществѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Стрѣлецкой слободы, богословской волости, Данковскаго уѣзда, при ревизіи 1858 года земля передѣлена была на 362 души; первый предѣлъ послѣ ревизіи состоялся въ 1880 году, земля передѣлена быля на 496 душъ мужского пола; второй передѣлъ произошелъ въ 1891 году—на 600 душъ мужского пола; третій передѣлъ былъ въ 1891 году — на 681 душу мужского пола. Увеличеніе числа душъ мужского пола составляло въ процентахъ: въ 1880 г.—37%, въ 1891 г.—66%, въ 1901 г.—88%.

Въ Пронскомъ уѣздѣ по 52 сельскимъ обществамъ увеличеніе числа земельныхъ паевъ противъ числа ревизскихъ душъ (при одномъ и томъ же основаніи для распредѣленія надѣльной земли—наличныя мужскія души) весьма неодинаково, колеблясь отъ 22% до 131%. Послѣдніе передѣлы были въ разные годы; въ среднемъ, годомъ послѣдняго передѣла можетъ быть принятъ 1897-й.

По всѣмъ 52 обществамъ число земельныхъ паевъ увеличилось на 59% (ревизскихъ душъ въ этихъ обществахъ 11.749, число же земельныхъ паевъ—18.686). Причины, вслѣдствіе которыхъ число земельныхъ паевъ увеличивается неодинаково быстро, различны. Прежде всего неодинаковъ самый приростъ населенія въ разныхъ селеніяхъ. Эпидемическія болѣзни и переселенія могутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ способствовать даже временному сокращенію численности населенія. Въ обществахъ съ развитыми отхожими промыслами значительный процентъ населенія бросаетъ земледѣліе и устраивается въ другихъ промыслахъ. Засимъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ число земельныхъ паевъ увеличивается въ среднемъ медленнѣе, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, что обусловливается частью сравнительнымъ малоземельемъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, частью же меньшею регулярностью у нихъ передѣловъ. Но какъ бы ни было различно въ отдѣльныхъ сельскихъ обществахъ увеличеніе числа земельныхъ паевъ, конечный результатъ всюду одинаковъ. Несмотря на временныя задержки и пріостановки, населеніе въ общемъ все-таки растетъ, а земля дѣлается все дороже и дороже. Чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче крестьянское населеніе будетъ держаться за землю. Поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что періодическіе уравнительные передѣлы земли, рано или поздно, приведутъ къ общему малоземелью всѣ тѣ крестьянскія общества, въ которыхъ они происходятъ.

Въ дѣйствительности существуетъ множество крестьянскихъ обществъ, которыя не передѣляли своихъ земель со времени полученія ихъ въ надѣлъ и до настоящаго времени владѣютъ этими землями по ревизскимъ душамъ. Въ центральномъ черноземномъ раіонѣ такія общества составляютъ большинство. Общинное владѣніе исключаетъ неотчуждаемость земли отдѣльными домохозяевами, но не исключаетъ ея дробленія даже до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Неотчуждаемость

крестьянской надѣльной земли имѣетъ двѣ стороны: одна ея сторона заключается въ томъ, что надѣльную землю нельзя продать, а другая ея сторона состоитъ въ томъ, что надѣльную землю нельзя купить. При отчуждаемости земли крестьянинъ могъ бы спасти свое потомство отъ малоземелья путемъ прикупки земли къ своему подворному участку; съ установленіемъ неотчуждаемости земли это средство борьбы противъ малоземелья отнимается.

При существованіи общихъ передѣловъ, несмотря на то, что количество земли, приходящееся на одинъ земельный пай, съ каждымъ передѣломъ уменьшается, для отдѣльныхъ дворовъ все-таки возможно увеличеніе размѣровъ землепользованія; это возможно для тѣхъ, именно, дворовъ, у которыхъ число земельныхъ паевъ благодаря передѣлу увеличивается. Съ запрещеніемъ общихъ передѣловъ этотъ путь къ увеличенію размѣровъ землепользованія закрывается. Остается одинъ способъ для полученія прибавки земли—частные передѣлы. Но съ увеличеніемъ цѣнности земли, частные передѣлы становятся все рѣже и рѣже. Такимъ образомъ съ прекращеніемъ передѣловъ для увеличенія землепользованія на счетъ общинныхъ земель почти не остается возможности. Остается возможность лишь для дробленія земли. Оно и происходитъ при общинномъ землевладѣніи путемъ семейныхъ раздѣловъ.

Наличныя условія землепользованія общинной землей особенно благопріятствуютъ совершенію семейныхъ раздѣловъ. Лучшая часть крестьянъ-землевладѣльцевъ поставлена въ полную невозможность улучшить доставшуюся имъ для обработки надѣльную землю культурой и возвести ее въ степень возможной доходности, вслѣдствіе зависимости въ обработкѣ ея отъ міра, вслѣдствіе дробности, чрезполосности, многоверстныхъ узкихъ полосъ, лишающихъ хозяина ея возможности какой-либо обработки не то что культурнымъ, а хотя бы и первобытнымъ способомъ. Съ другой стороны, у крестьянина общинника, пока онъ живетъ и хозяйствуетъ на общественной землѣ, нѣтъ ничего собственнаго—все общее, семейное, да у всѣхъ членовъ одной и той же семьи общинника нѣтъ ничего собственнаго, все общее; даже вознагражденіе за трудъ каждаго члена этой земли на заработкахъ, и оно составляетъ общее достояніе семьи и расходуется на нужды хозяйства, поглощающаго каждаго члена семьи полностью, лишая его возможности проявлять свою трудовую энергію, свои способности, свой предпринимательскій починъ, такъ какъ полное развитіе и широкое проявленіе всѣхъ такихъ качествъ возможно лишь при личной свободѣ, при индивидуальномъ хозяйственномъ строѣ.

Но тѣмъ сильнѣе проявляется въ общинныхъ семьяхъ стремленіе къ выдѣлу со стороны болѣе самостоятельныхъ членовъ семьи. Учащаются требованія семейныхъ раздѣловъ; дробится благосостояніе крестьянъ-общинниковъ, расшатываются основы ихъ хозяйственнаго

уклада, поселяется раздоръ въ семьяхъ, расхищается исподволь достатокъ крестьянскаго двора... Отсутствіе личной собственности создаетъ въ общинникѣ неуваженіе къ чужой собственности и воспитываетъ въ немъ понятія, въ силу которыхъ, напр., похищеніе не составляетъ преступленія, а разсматривается нерѣдко какъ удаль, какъ молодечество. Обособленный, отсталый строй жизни общинной деревни ведетъ ея къ полному обнищанію. Общинная деревня съ ея общественнымъ землевладѣніемъ все болѣе разоряется и впадаетъ въ полное хозяйственное безсиліе *).

Бѣдность русской деревни весьма нерѣдко приписывается малоземелью, но, за рѣдкими исключеніями, малоземелье — только кажущееся. Въ степяхъ Заволжья крестьяне находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ центральномъ черноземномъ раіонѣ; не абсолютный размѣръ земельнаго надѣла имѣетъ вліяніе на бѣдность крестьянъ, а обработка, культура его и распредѣленіе земли между домохозяевами. Чѣмъ больше маломощныхъ дворовъ — одно и двухдушевыхъ, тѣмъ болѣе безлошадныхъ дворовъ; мужикъ—однодушникъ въ степныхъ губерніяхъ, при девятидесятинномъ душевомъ надѣлѣ остается бѣднякомъ; самая крупная податная задолженность по податнымъ и продовольственнымъ долгамъ лежитъ на земледѣльческихъ губерніяхъ съ общиннымъ строемъ и падаетъ на Самарскую, Казанскую и Оренбургскую губерніи, несмотря на тамошнее многоземелье; въ западныхъ губерніяхъ, при неплодородной почвѣ и отсутствіи отхожихъ промысловъ, но гдѣ землепользованіе подворное, недоимочность почти отсутствуетъ и хозяйственный бытъ крестьянъ устойчивѣе. Процентъ безлошадныхъ маломощныхъ дворовъ значительнѣе въ общинной, чѣмъ въ подворной Россіи, а размѣръ подворныхъ участковъ крупнѣе, что слѣдуетъ отнести къ меньшей дробимости подворныхъ участковъ сравнительно съ общиннымъ владѣніемъ землею; на югѣ Россіи, гдѣ общинныя начала слабѣе или вовсе не примѣняются населеніемъ, крестьянскіе дворы многолюднѣе, зажиточнѣе. Законъ, допускающій раздробленіе земли до самыхъ крайнихъ предѣловъ при общинномъ землепользованіи и воспрещающій отчуждать ее даже своимъ односельцамъ, препятствуетъ тѣмъ самымъ образованію сильныхъ, крѣпкихъ дворовъ; уравнительная разверстка надѣльной земли между членами общины нисколько не препятствуетъ ихъ обнищанію. Собранныя земскою статистикою данныя свидѣтельствуютъ о прогрессивномъ увеличеніи безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ: въ Елецкомъ и Ливенскомъ уѣздахъ, Орловской губерніи, ихъ около 50% и столько же въ Казанской губерніи, несмотря на разницу между этими губерніями въ условіяхъ климата и почвы, и размѣровъ обезпеченія надѣльною землею. Въ средней Россіи двѣ трети общаго числа крестьянскихъ

*) Воскресенскій, А. Е. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье Спб. 1903 г.

дворовъ владѣютъ одно или двухдушевыми надѣлами; хозяйства всюду измельчали и стали бездоходными; но чѣмъ сильнѣе шло измельчаніе крестьянскихъ дворовъ, тѣмъ большее число ихъ становилось безлошадными, слабомощными; въ такомъ положеніи, по мнѣнію Крапивинскаго уѣзднаго комитета, находится большая половина великорусскихъ крестьянъ.

Отрицательное вліяніе общинныхъ формъ владѣнія землею на уровень сельскохозяйственной промышленности усугубляется еще полною неупорядоченностью правовой стороны общиннаго землевладѣнія.

Взаимныя отношенія крестьянъ-домохозяевъ по владѣнію, пользованію и распоряженію надѣльной землей находятся въ положеніи полной правовой неурегулированности и лишены правовой обезпеченности. Основанія владѣнія землей въ предѣлахъ крестьянской общины отличаются значительной пестротой. Здѣсь существуютъ владѣнія по разверсткѣ, произведенной по приговорамъ сельскихъ обществъ, по ревизскимъ душамъ, по праву наслѣдованія, по праву пріобрѣтенія по разнымъ документамъ, лишеннымъ юридическаго значенія, по владѣнію въ силу земской давности и т. п. Всѣ эти отношенія по владѣнію землей не находятъ соотвѣтствующихъ опредѣленій въ общемъ положеніи о крестьянахъ, ни въ обычномъ правѣ, какъ нормѣ дѣйствующей и имѣющей обязательную силу. Съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, съ приближеніемъ, вслѣдствіе реформъ Императора Александра II, нѣкоторыхъ сторонъ крестьянскаго быта къ общегражданскому строю, наконецъ, вслѣдствіе административнаго попечительства надъ общественною и даже частноправовою жизнью крестьянъ, выработанныя при прежнемъ укладѣ крестьянства нормы обычнаго права утратили свою силу и значеніе. Поэтому въ средѣ сельскихъ обществъ стали наблюдаться въ обширныхъ размѣрахъ явленія земельнаго неустройства, проявляющіяся въ многочисленныхъ земельныхъ процессахъ, въ насиліяхъ по захвату и владѣнію землей. Все это не могло не поколебать въ крестьянахъ уваженія къ чужой собственности и вѣры въ силу и значеніе закона. Волостные суды и крестьянскія судебно-административныя учрежденія, разрѣшая поземельные споры и недоразумѣнія, были лишены возможности руководствоваться опредѣленными началами, такъ какъ законодателемъ остались не урегулироваными земельно-правовыя отношенія въ предѣлахъ общины, а обычай, если имъ и руководствовались волостные суды, не находилъ признанія въ практикѣ судебно-административныхъ крестьянскихъ учрежденій, такъ какъ онъ сплошь и рядомъ противорѣчилъ и общимъ требованіямъ общаго положенія о крестьянахъ, и сенатскимъ разъясненіямъ, и указаніямъ административныхъ властей и, наконецъ, установившейся практикѣ. Правовая неопредѣленность во владѣніи и пользованіи надѣльной землей, внося значительное не-

устройство въ крестьянскую жизнь, не могло не отразиться на хозяйственной жизни сельскаго населенія, задерживая предпріимчивость и трудовую энергію болѣе даровитыхъ представителей крестьянства, побуждая ихъ искать удачи въ городахъ и сторонних заработкахъ.

Между частнымъ владѣніемъ землею и крестьянскимъ-общиннымъ нѣтъ ничего общаго. Частный владѣлецъ хозяйничаетъ въ своемъ имѣніи, какъ хочетъ; крестьянинъ-общинникъ во всемъ зависитъ отъ „міра". Крестьянинъ лишенъ не только возможности, но и права улучшать и развивать свое сельскохозяйственное дѣло. На участкѣ, доставшемся домохозяину по передѣлу, онъ не можетъ сдѣлать огорожу и посадить садъ: огорожу поломаютъ, садъ затравятъ скотомъ; онъ не можетъ засѣять свой участокъ чѣмъ хочетъ—травами, корнеплодами или огородными овощами: эти посѣвы затравятъ и вытопчутъ. Онъ долженъ по волѣ „міра", сѣять въ указанномъ мѣстѣ озимое, въ другомъ—яровое, въ третьемъ, при всемъ желаніи что либо сдѣлать, обязанъ ничего не дѣлать. Часть своего луга крестьянинъ-общинникъ не можетъ улучшить, такъ какъ она ему неизвѣстна. Часть своего лѣса онъ долженъ срубить, когда на то послѣдуетъ приказаніе схода. Лишь въ предѣлахъ своей маленькой усадьбы крестьянинъ пользуется полнотою правъ на подобіе частнаго владѣльца. Надъ всѣми дѣйствіями земледѣльца-общинника тяготѣетъ усмотрѣніе схода, сдерживающаго всякій личный починъ, направленный къ улучшенію обработки земли и лучшему ея использованію. А рѣшенія сельскаго схода сплошь и рядомъ лишены разумнаго основанія и наносятъ существенный ущербъ сельскохозяйственному дѣлу. Воспрещается, напр., начинать пахоту весной ранѣе постановленія о томъ „міра"; нельзя работать въ указанные міромъ будніе дни—въ Ильинскую пятницу, на Святой недѣлѣ непремѣнно до Фоминой и т. п.

Рутинные, не мѣняющіеся пріемы крестьянскаго землепользованія, съ удивительнымъ однообразіемъ сѣвооборота, воздѣлываемыхъ растеній и способовъ обработки почвы, являются, по мнѣнію цѣлаго ряда мѣстныхъ комитетовъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прочно сложившихся условій общиннаго владѣнія, общинныхъ условій жизни. Общинникъ по отношенію къ надѣльной землѣ является временнымъ арендаторомъ, но, въ качествѣ даже арендатора, онъ находится въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Земля его всегда въ разныхъ кускахъ, часто очень удалена отъ усадьбы, ни во времени и способахъ обработки ея, ни въ выборѣ растеній онъ не воленъ. Передѣлы и чрезполосность— вотъ тѣ особенности общиннаго хозяйства, которыя не позволяютъ крестьянину отрѣшиться отъ первобытныхъ пріемовъ веденія сельскохозяйственнаго промысла.

Но жизнь дѣлаетъ свое и являетъ разительные примѣры того, какъ путемъ несокрушимой энергіи и тяжелыхъ лишеній крестьянинъ-общинникъ пробиваетъ себѣ дорогу къ личной частной собствен-

ности даже за счетъ надѣльной мірской земли. Такого рода примѣры отмѣчены по Корочанскому уѣзду, Курской губерніи. Благодаря подкупамъ и подмогарычиваніямъ вліятельныхъ въ обществѣ членовъ и даже цѣлыхъ сходовъ, отдѣльные крестьяне съ неимовѣрными усиліями, несмотря на постоянное самоуправство со стороны однообщественниковъ, ухитряются все же сначала окопать и огородить подходящій облюбованный участокъ, затѣмъ обсадить его, чѣмъ попало, потомъ посадить садъ, поставить пасеку или завести огородъ и, наконецъ, поселиться дворомъ. Вѣчно откупаясь и отмогарычиваясь, эти упорные въ достиженіи лучшей для себя участи крестьяне достигли того, что и при общинномъ владѣніи землею сдѣлались чѣмъ то въ родѣ частныхъ владѣльцевъ надъ захваченными ими участками общественной земли. На такихъ участкахъ крестьяне живутъ иначе; здѣсь они принимаютъ уже всѣ мѣры къ улучшенію и развитію сельскохозяйственнаго дѣла и, благодаря постоянному личному труду и сотрудничеству всей семьи, достигаютъ результатовъ, какіе наблюдаются далеко не во всякомъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ: на участкѣ пространствомъ въ одну десятину они нерѣдко получаютъ до 100 и даже до 200 руб. дохода въ лѣто. Въ концѣ концовъ сами сельскіе сходы стали приходить къ заключенію, что съ наличностью подобныхъ участковъ, стоившихъ огромнаго труда и затратъ, надлежитъ считаться и приговорами своими подтверждали, что такіе „захваченные" участки передѣлу не подлежатъ и остаются въ исключительномъ пользованіи ихъ хозяевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе не остаются безъ наказанія: за всякую потомъ обработанную сажень общества при передѣлахъ отбираютъ у нихъ по двѣ сажени земли въ полѣ, слѣдовательно дѣлятъ общинную землю не равномѣрно на души, какъ это требуется по закону. И это—въ лучшихъ случаяхъ, при примѣненіи подкуповъ и могарычей; въ худшемъ же случаѣ такіе улучшенные въ сельскохозяйственномъ отношеніи участки подвергаются полному разгрому и уничтоженію: канавы зарываются, огорожа ломается, садовыя и лѣсныя деревья вырубаются и участокъ вновь возвращается въ первобытное состояніе, становится дикимъ полемъ.

При существующемъ нынѣ краткосрочномъ владѣніи надѣльной землей никто изъ крестьянъ не дѣлаетъ и, вѣроятно, не будетъ дѣлать никакихъ улучшеній въ своемъ хозяйствѣ, потому что всякому изъ нихъ хорошо извѣстно, что его земля черезъ короткій промежутокъ времени, а лугъ—и черезъ годъ, поступятъ во владѣніе другому.

Рѣзкой разницы въ хозяйственномъ устройствѣ крестьянъ, владѣющихъ землей общиннаго и подворнаго права въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи не наблюдается, но для разгадки этого явленія, кажущагося на первый взглядъ довольно страннымъ, необходимо ближайшимъ образомъ разсмотрѣть, что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ въ изслѣдуемомъ раіонѣ крестьянское подворное владѣніе?

Въ предѣлахъ Курской губерніи большая половина крестьянскаго населенія состоитъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, предки которыхъ еще въ XVI столѣтіи были поселены здѣсь московскимъ правительствомъ, въ качествѣ служилыхъ людей, для защиты границъ государства отъ нашествія полудикихъ безпокойныхъ сосѣдей, главнымъ образомъ татаръ. Эти служилые люди надѣлены были землями, отъ которыхъ они „кормились“ и за пользованіе которыми несли свою службу. Означенныя земли, подъ названіемъ земель четвертного права, искони находились и до настоящаго времени находятся въ подворномъ владѣніи потомковъ тѣхъ служилыхъ людей, называвшихся впослѣдствіи государственными крестьянами. Владѣлія четвертного права не подвергались ни общественнымъ передѣламъ, ни разверсткамъ. Дворъ владѣетъ землею потомственно, причемъ глава домохозяйства имѣетъ право отчуждать землю всѣми законными способами, т. е. путемъ продажи, раздѣла и даренія, но лишь въ крестьянскія руки; можетъ свой участокъ дробить на части; въ послѣднемъ случаѣ общество крестьянъ, въ дачѣ котораго находится участокъ, лишь удостовѣряло правильность распредѣленіи выкупныхъ платежей. Въ Курской губерніи состоитъ въ подворномъ владѣніи 40,5% (свыше 995 тыс. десят.) всей надѣльной земли. Не мало подворныхъ владѣльцевъ четвертного права и въ Орловской губерніи. Въ Тульской губерніи около 160 тыс. десят. находятся въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи.

Четвертныя земли характеризуются огромнымъ развитіемъ чрезполосности, причиною которой является несоотвѣтствіе владѣнныхъ записей съ дѣйствительнымъ владѣніемъ. Произошло такое несоотвѣтствіе вслѣдствіе множества ошибокъ при составленіи владѣнныхъ записей. За нѣкоторыми дворами записано менѣе земли, чѣмъ они владѣли въ натурѣ, за другими—болѣе, причемъ неудобныя земли записывались иногда въ разрядъ удобныхъ. Несоотвѣтствіе владѣнныхъ записей съ дѣйствительнымъ владѣніемъ съ теченіемъ времени возрасло вслѣдствіе промѣна неравномѣрныхъ участковъ по словеснымъ договорамъ; въ настоящее время сами владѣльцы не въ состояніи объяснить съ достовѣрностью своихъ правъ на владѣніе тѣмъ или другимъ количествомъ земли.

Другія причины образованія чрезполосности у четверныхъ владѣльцевъ то же, что и у общинниковъ. При раздѣлѣ между собою отмежеваннаго нарѣзка подворные владѣльцы находили болѣе удобнымъ выдѣлять слѣдуемую каждому изъ нихъ землю не въ одинъ участокъ, а въ нѣсколько, въ видахъ болѣе равномѣрнаго раздѣла. Всю распашную землю домохозяева, составляющіе сельскій сходъ, дѣлили на нѣсколько полосъ, по качеству почвы и разстоянію отъ усадебной осѣдлости, и каждому выдѣляли равномѣрное количество въ каждой полосѣ, вслѣдствіе чего и при подворномъ владѣніи домохозяинъ получалъ не одинъ, а нѣсколько участковъ. Подворные владѣльцы

признавали подобный раздѣлъ болѣе удобнымъ и справедливымъ, потому что, при раздѣлѣ на подворные участки каждому изъ нихъ къ одному мѣсту, по маломѣрности большинства такихъ участковъ, не представлялось никакой возможности ни разселиться, ни пользоваться выпасомъ на нихъ, ни даже вести хозяйство.

Четвертное владѣніе, по внѣшнему своему строю, представляетъ много сходнаго съ общиннымъ. По словамъ крестьянина Дементьева, участвовавшаго въ трудахъ Новосильскаго, Тульской губерніи, уѣзднаго комитета, „крестьяне нашей волости, хотя и подворники, но мы владѣемъ землей, соблюдая извѣстный порядокъ. Продавать землю на сторону у насъ также не можетъ безъ согласія общества. Клинья полевыя мы соблюдаемъ также, какъ и при общинномъ владѣніи. Выгоны, луга и дороги находятся у насъ въ общемъ владѣніи. При такихъ порядкахъ можно вести хозяйство и безъ общиннаго владѣнія...“.

Каждое подворное селеніе въ настоящее время представляетъ собою большое разнообразіе по отношенію къ размѣру земли, принадлежащей отдѣльнымъ дворамъ. Есть дворы, имѣющіе нѣсколько десятковъ десятинъ, даже по 100 десят. и болѣе, а есть и такіе, у которыхъ остались лишь однѣ усадьбы, а полевой земли—полдесятины и менѣе.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствующихъ о дробности участковъ четвертного владѣнія и о чрезполосицѣ, доходящей въ нѣкоторыхъ случаяхъ до полнаго распыленія земли. Въ Уланковскомъ обществѣ Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи, числится въ подворномъ владѣніи 2.550 десятинъ распашной сѣнокосной и усадебной земли, около 215 десят. лѣсныхъ дачъ и до 100 десят. неудобнаго песчанаго мѣста; вся эта земля принадлежитъ 320 домохозяевамъ. Полевая земля разбита на три клина, которые между собой по величинѣ не равны, и каждый изъ нихъ порѣзанъ настолько мелки кусками—полосками, что бываютъ куски земли величиною „на крестецъ,“ по выраженію крестьянъ, т. е. не болѣе, одной сажени ширины и 15—20 саженей длины, а то и меньше. У состоятельнаго многоземельнаго крестьянина Волкова по владѣнной записи числятся 33 десятины; земля эта въ 171 кускѣ, а именно: распашной въ трехъ клинахъ у него около 20 десят. въ 120 кускахъ, величина которыхъ отъ 10 до 800 кв. саж. и только одинъ кусокъ во всемъ полѣ у него большой въ 1.800 кв. саж. Остальная земля, около 13 десят., сѣнокосная, лѣсная и усадебная, въ 51 кускѣ, величиною отъ 80 до 700 кв. саж., и только одинъ лѣсной участокъ большого размѣра, въ 2.200 кв. саж., да усадьба въ 2.150 кв. саж. У крестьянина почти средней руки Хижнякова по владѣнной записи числится 7 десят., въ томъ числѣ пахотной 4½ десят. въ 45 кускахъ, отъ 20 до 700 кв. саж., и лѣсной, сѣнокосной и усадебной 2¹/₃ десят. въ 9 кускахъ. На эти два примѣра нельзя смотрѣть, какъ на исключительные: таковые составятъ до 70% всѣхъ владѣній

села Уланки. Здѣсь встрѣчаются также полоски въ одну сажень шириной и болѣе трехъ верстъ длиной. На вопросъ, какъ же обрабатывать такое поле, крестьяне отвѣчали: „да такъ: если я, положимъ, сѣю просо, а сосѣдъ гречиху, то зачастую у меня родится просо съ гречихой, а у сосѣда гречиха съ просомъ". Въ слободѣ Рождественой Епифановскаго уѣзда, Тульской губерніи, число участковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ домохозяевамъ четвертного права, достигаетъ 36. Въ Курскомъ уѣздѣ десятина четвертного права, находящаяся во владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ, расположена обыкновенно въ 15—20 кускахъ, на разстояніи, по большимъ селеніямъ. 5—10 верстъ. Явленіе не рѣдкое, что десятина расположена въ 40—50 кускахъ.

Сами крестьяне давно сознаютъ свое бѣдственное положеніе отъ страшной раздробленности земли на мелкіе кусочки. Они видятъ полную невозможность пользоваться усовершенствованными орудіями для обработки полей, изнуряются переѣздами и переходами съ одного участка на другой, вынужденные при этомъ невольно топтать свои и чужіе посѣвы и имѣть впятеро больше полевыхъ дорогъ, чѣмъ ихъ бы нужно было; если принять еще во вниманіе количество зря выбрасываемыхъ на межи сѣмянъ, то картина полевого хозяйства четвертныхъ владѣльцевъ представится во всемъ своемъ неприглядномъ видѣ. Стремленіе четвертныхъ крестьянъ къ болѣе удобному размежеванію земельныхъ участковъ встрѣчаетъ почти непреодолимое препятствіе въ требованіи единогласнаго согласія на то всѣхъ членовъ сельскаго общества.

Наряду съ чрезполосностью, владѣльцы четвертныхъ участковъ сильно страдаютъ отъ длинно-и узкоземелья. Въ селѣ Скородномъ Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи, не менѣе 350 дворовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ каждомъ клину не менѣе 8, а нѣкоторые даже по 15 полосокъ, а во всѣхъ трехъ клинахъ—24 полоски большею частью въ одну сажень и менѣе ширины. Полоски до такой степени узки, что если не отдать ихъ, конечно, задаромъ, въ аренду, то онѣ останутся незасѣянными, потому что при пахотѣ и бороньи задѣлывается межа, отдѣляющая владѣнія болѣе широкою полоскою сосѣда, изъ за чего между этимъ послѣднимъ и узкополосникомъ происходитъ во время пахоты ссора, а иногда и драка, порождающая тяжбу при значительныхъ денежныхъ расходахъ на подпольныхъ „аблакатовъ". Сдаются же въ аренду эти полоски за самую ничтожную цѣну, именно за такую, какую предложитъ смежный владѣлецъ, отлично понимающій, что кромѣ него или владѣльца съ другой стороны этой полоски никто не возьметъ. Полоску въ 240 саженей приходится отдавать въ аренду на одинъ озимый посѣвъ за 80 коп., слѣдовательно за десятину изъ десяти такихъ полосокъ владѣлецъ получитъ 8 рублей, тогда какъ за десятину въ одномъ кускѣ даютъ отъ 25 до 30 и болѣе рублей за одинъ озимый посѣвъ.

Такое узко-длиннополосное владѣніе доходитъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ длину: въ Скородномъ—до 500, большомъ Солдатскомъ—до 1.200, Бирюковкѣ—до 300 и русскомъ Порѣчномъ отъ 300 до 1.200 саженей. Въ Скороденской дачѣ, состоящей изъ 3,906,8 десят. всѣхъ угодій земли, самое меньшее 8.400 полосокъ во всѣхъ трехъ клинахъ въ каждой, при средней длинѣ въ 250 саж.; здѣсь въ однѣхъ межахъ находится 2.100.000 погонныхъ, въ 6 вершковъ ширины, саженъ, что въ свою очередь составитъ 262.500 квадр. саж., изъ которыхъ, принимая десятину въ 2.400 кв. саж., получится 109 десят. 900 кв. саж. непроизводительной, но все же облагаемой ежегодно денежными сборами земли, всего на сумму въ 246 руб. 12 коп., считая по 2 руб. 25 коп. за десятину. Въ сосѣднемъ селеніи Большомъ Солдатскомъ земли всѣхъ угодій 4.098,5 десят. и 474 двора; полоски здѣсь еще длиннѣе—отъ 500 до 1.200 саж., при ширинѣ, хотя не всѣхъ, но въ достаточномъ количествѣ, въ одну сажень и менѣе. Косарь идетъ два дня, пока докоситъ одну ручку; онъ постоянно возвращается назадъ и переноситъ воду, молотокъ и провизію. Борона невольно заскакиваетъ на сосѣднюю полоску и уничтожаетъ межу. Рѣдко кто изъ этихъ крестьянъ не судится за землю. Въ теченіе одного года (1902 г.) волостными судами Суджанскаго уѣзда разобрано было около 6 тысячъ дѣлъ, изъ нихъ большинство по поземельному устройству. Въ другихъ селеніяхъ полоски короче; иногда вмѣсто полосокъ участки имѣютъ форму, удобную для обработки; но дробленіе и чрезполосность вездѣ чрезмѣрны. Въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, имѣется 42 селенія крестьянъ, владѣющихъ подворными участками на четвертномъ правѣ, съ большимъ или меньшимъ количествомъ узкихъ и длинныхъ полосокъ. Единогласія для объединенія полосокъ и болѣе крупныхъ кусковъ и загоновъ не можетъ быть достигнуто: всегда найдется нѣкоторое число домохозяевъ, для которыхъ такое объединеніе невыгодно и они не дадутъ на него своего согласія, такъ какъ въ ихъ владѣніи имѣются болѣе широкіе и крупные загоны, отведенные въ болѣе удобныхъ мѣстахъ еще со времени первоначальнаго раздѣла земли на дворы. Въ Уланковскомъ обществѣ, подъ давленіемъ необходимости, рѣшено было приступить къ переверсткѣ угодій; ассигнованы были средства на наемъ землемѣра, сняты были уже два клина на планъ, но, по возраженіямъ нѣсколькихъ недовольныхъ домохозяевъ, работы были пріостановлены и приговоръ, утвержденный большинствомъ, но не единогласно, отмѣненъ.

Удаленность полевой земли отъ усадебной осѣдлости, въ связи съ чрезполосицей, производятъ дѣйствіе, однородное съ малоземельемъ. Среди четвертныхъ владѣльцевъ не мало крестьянъ, имѣющихъ по 40—50 десятинъ хорошей черноземной земли. На такомъ участкѣ землевладѣльцу, который обрабатываетъ ее своими руками, можно бы жить хорошо и пользоваться достаткомъ; однако, извѣстны примѣры,

когда домохозяева, владѣвшіе площадью въ 40 десятинъ, пошли на переселеніе въ Сибирь, такъ какъ не могли вести хозяйство на этихъ сорока десятинахъ, разбитыхъ на значительное число чрезполосныхъ клочковъ. Такого рода земли четвертного владѣнія представляются совершенно обезцѣненными. Онѣ продаются, обыкновенно, по 30 рублей, въ то время, какъ цѣна на помѣщичью землю колеблется (въ первые года текущаго столѣтія) въ предѣлахъ отъ 200 до 300 руб. за десятину.

Для достиженія сколько-нибудь осязательныхъ результатовъ въ дѣлѣ сокращенія чрезполосицы, требуются не частичныя мѣропріятія, а общее видоизмѣненіе нашихъ межевыхъ узаконеній въ благопріятномъ для этого смыслѣ, и дозволеніе обмѣна земельныхъ имуществъ, нынѣ воспрещеннаго дѣйствующимъ закономъ (Ст. 1374 т. X зак. гражд., ч. I). Обмѣнъ земельныхъ участковъ для устраненія ихъ чрезполосности и для другихъ цѣлей практикуется среди крестьянъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и множество сдѣлокъ по предмету такого обмѣна, совершаемыхъ безъ всякихъ правилъ и въ большинствѣ случаевъ между неграмотными, внося путаницу и неопредѣленность въ крестьянское землевладѣніе, порождаютъ безконечные споры и тяжбы, какъ это доказываетъ судебная практика волостныхъ и уѣздныхъ съѣздовъ.

Къ числу важнѣйшихъ вопросовъ подворнаго владѣнія относится вопросъ о правильной регистраціи земельныхъ участковъ, принадлежащихъ подворнымъ владѣльцамъ. Существующіе именные списки подворныхъ владѣльцевъ во многихъ случаяхъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, благодаря чему владѣніе того или другого лица, не отмѣченное въ спискѣ, не пользуется юридической охраной, внося неопредѣленность въ земельно-правовыя отношенія крестьянъ. Указанное несоотвѣтствіе вызвано неправильностями владѣнныхъ записей и ихъ приложеній, недостаткомъ надлежаще приспособленнаго порядка отчужденія надѣльной земли и отсутствіемъ правильныхъ отмѣтокъ всѣхъ измѣненій, происходившихъ въ составѣ подворныхъ участковъ. Неправильности владѣнныхъ записей на четвертныя земли обусловливаются во многихъ случаяхъ сложностью входящихъ въ нихъ данныхъ; обыкновенно неправильности эти касаются приложеній къ владѣннымъ записямъ, гдѣ невѣрно показываются владѣнія отдѣльныхъ лицъ, вдвойнѣ записывается одинъ и тотъ же участокъ, вносится никому неизвѣстный владѣлецъ и т. п.

Приложенія владѣнныхъ записей по своей идеѣ должны были отражать въ себѣ фактическое владѣніе отдѣльныхъ лицъ, поименованныхъ въ приложеніяхъ; въ дѣйствительности же неизбѣжныя ошибки и неточныя свѣдѣнія, заявленныя нѣкоторыми изъ крестьянъ при составленіи владѣнныхъ записей, положили начало тому несоотвѣтствію между фактическимъ землевладѣніемъ и данными приложеній, которое впослѣдствіи, благодаря другимъ причинамъ, получило

столь широкое развитіе и составляетъ въ настоящее время глубоко вкоренившееся зло подворнаго землевладѣнія.

Отчужденіе подворныхъ участковъ, по закону, производится крѣпостнымъ порядкомъ; поэтому всѣ послѣдующія со времени выдачи владѣнныхъ записей измѣненія въ составѣ подворныхъ владѣльцевъ должны бы опредѣляться особыми актами, какъ купчими крѣпостями, приговорами обществъ о передачѣ выморочныхъ участковъ новымъ лицамъ; перемѣны, основанныя на такихъ и подобныхъ имъ актахъ, должны отмѣчаться въ именныхъ спискахъ, которые поэтому, имѣютъ силу крѣпостныхъ документовъ.

Дѣйствительность отвергла эти требованія и создала иной упрощенный порядокъ отчужденія земли, породившій условія для дальнѣйшей запутанности землевладѣнія.

Общій крѣпостной порядокъ передачи недвижимости оказался для огромнаго большинства подворныхъ владѣльцевъ слишкомъ сложнымъ, громоздкимъ и дорогимъ. Взамѣнъ этого порядка сельская юридическая практика создала болѣе удобную и доступную для населенія форму отчужденія, въ видѣ разныхъ уступочныхъ «актовъ», «условій» и т. п., получившихъ, благодаря своей несложности и дешевизнѣ, весьма широкое распространеніе въ сельскомъ обиходѣ. Подобныя сдѣлки иногда заносятся въ книгу договоровъ волостного правленія, но нерѣдко составляются домашнимъ образомъ за подписью сельскаго старосты и свидѣтелей. Но и такой упрощенный порядокъ не всегда соблюдается; нерѣдкимъ явленіемъ представляется владѣніе кредиторомъ землей должника по исполнительному листу судебныхъ учрежденій; еще чаще встрѣчается владѣніе «по векселю». Благодаря такимъ незаконнымъ формамъ отчужденія, случаи перехода четвертной земли остаются не зарегистрованныли: перешедшій участокъ продолжаетъ числиться за прежнимъ владѣльцемъ, на которомъ лежитъ обязанность вносить за него податные платежи.

Рядомъ съ указаннымъ уклоненіемъ отъ формальностей крѣпостного порядка, земельной запутанности не мало содѣйствовали нерѣдкія въ прежнее время попытки владѣльцевъ изъять изъ обложенія выкупными платежами принадлежащіе имъ четвертные участки. Считая эти земли частновладѣльческими и полагая, что во владѣнныя записи онѣ внесены по ошибкѣ, собственники такихъ участковъ принимали разныя мѣры, чтобы придать имъ характеръ частной земли; средствомъ для этого служила, обыкновенно, продажа участка съ публичныхъ торговъ за фиктивные или дѣйствительные долги, лежащіе на участкѣ; пріобрѣтателю съ торговъ выдавалась крѣпостная данная на участокъ безъ упоминанія въ ней, что пріобрѣтенная на торгахъ земля относится къ надѣльнымъ. Такой переходъ земли оставался также безъ отмѣтки въ именномъ спискѣ, и земля продолжала значиться за прежнимъ владѣльцемъ, который въ дѣйствительности уже лишился ея.

Затѣмъ четвертное землевладѣніе имѣетъ дѣло еще съ однимъ явленіемъ, значительно вліяющимъ на запутанность регистраціи земельной собственности: это — запашка чужого участка со стороны сосѣда; слѣдить за такими запашками не представлялось возможнымъ въ виду безчисленнаго множества такихъ случаевъ, а потому владѣльцами запаханныхъ участковъ числятся прежніе ихъ хозяева.

Несоотвѣтствіе фактическаго землевладѣнія юридическому, вызванное неточностью владѣнныхъ записей, отчужденіемъ земли по неформальнымъ актамъ, попытками превратить надѣльную землю въ частновладѣльческую и запашкою участковъ, отражается на экономическомъ положеніи населенія, служитъ тормазомъ для улучшенія земледѣлія и порождаетъ неудовольствія среди крестьянъ. Такъ какъ приложенія къ владѣнной записи и основанные на нихъ именные списки по отношенію къ четвертнымъ землямъ имѣютъ силу крѣпостныхъ документовъ, то фактическое владѣніе участкомъ, не внесенное въ списокъ, оказывается лишеннымъ юридической охраны и можетъ быть оспорено.

Эта необезпеченность владѣнія, основаннаго на домашнихъ сдѣлкахъ, является обстоятельствомъ, обусловливающимъ не всегда раціональное со стороны владѣльца отношеніе къ участку; мысль о непрочности своего права на него, возможность предъявленія спора всегда будутъ служить для владѣльца помѣхой къ примѣненію на участкѣ культурныхъ начинаній, увеличивающихъ его цѣнность, въ родѣ удобренія, засадки деревьями, возведенія сельскохозяйственныхъ построекъ и т. п.

О неустойчивости фактическаго владѣнія можно судить по слѣдующимъ характернымъ фактамъ, имѣвшимъ мѣсто въ пригородныхъ слободахъ города Курска—Казацкой, Стрѣлецкой и Ямской.

По этимъ слободамъ, въ виду особенной цѣнности усадебныхъ земель, издавна наблюдается значительная мобилизація ихъ. Встрѣчаются сдѣлки по пріобрѣтенію усадебныхъ земель 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Владѣльцы тѣхъ земель, пріобрѣтенныхъ по разнаго рода сдѣлкамъ, владѣли спокойно до 1890 года, на пріобрѣтенной землѣ завели сады, возвели постройки. Въ 1890 году къ одному изъ владѣльцевъ усадебной земли, пріобрѣтенной по уступочной сдѣлкѣ, былъ предъявленъ наслѣдниками искъ объ изъятіи усадебной земли изъ владѣнія пріобрѣтателя, провладѣвшаго землею двадцать лѣтъ, на томъ основаніи, что усадебная земля, какъ наслѣдственная, не подлежитъ отчужденію; искъ былъ отвергнутъ волостнымъ судомъ и уѣзднымъ съѣздомъ; но губернское присутствіе признало рѣшеніе указанныхъ учрежденій неправильными, такъ какъ, на основаніи ст. 109 великороссійскаго положенія о крестьянахъ, можетъ быть уступленъ полевой надѣлъ; усадебныя же мѣста, по силѣ ст. 110 того же положенія, находятся въ потомственномъ владѣніи и отчужденію не подле-

жать. Стоило только одному изъ наслѣдниковъ возвратить свое право на проданную отцомъ усадьбу, какъ въ волостные суды посыпались новые иски и въ результататѣ судебныхъ споровъ, въ виду рѣшенія губернскаго присутствія, оказалось, что многіе владѣльцы были изгнаны изъ насиженныхъ мѣстъ и совершенно разорены, а въ то же время многочисленныя основанія владѣній усадебными мѣстами были окончательно подорваны и получилась полная правовая неустойчивость многихъ владѣній усадебной землей.

Земельныя недоразумѣнія нерѣдко вызываютъ къ тому же неудовольствіе населенія и подрываютъ его довѣріе къ распоряженіямъ и требованіямъ правительства, касающимся земельныхъ вопросовъ. Такъ, въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка приведеніе въ исполненіе судебнаго опредѣленія о спеціальномъ размежеваніи Жимолостянской дачи, Корочанскаго уѣзда, Курской губерніи, вызвало волненіе среди крестьянъ, повлекшее за собою употребленіе военной силы. Между тѣмъ протестъ населенія былъ не напрасенъ: оказалось, что во владѣніи крестьянъ села Жимолостнаго не хватало 340 десят. 1.909 саж. противъ того, что значилось по владѣнной записи. Съ 1901 года этотъ излишекъ былъ исключенъ изъ владѣнной записи съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ выкупного долга; но продолжительное и неправильное взысканіе платежей за несуществовавшую землю привело крестьянъ села Жимолостнаго до крайней бѣдности.

Для устраненія всѣхъ вышеуказанныхъ явленій неустройства въ подворномъ владѣніи необходимы коренныя мѣры. Только при полномъ переустройствѣ нынѣ существующаго порядка регистраціи подворныхъ участковъ возможно надѣяться на улучшеніе хозяйственныхъ условій у подворныхъ владѣльцевъ. Только при полной обезпеченности самихъ правъ на землю возможно дальнѣйшее упорядоченіе четвертного землевладѣнія, въ смыслѣ уничтоженія чрезполосицы и устройства усадебъ на подворныхъ участкахъ *).

---

*) Джунковскій Н. Ф. «Регистрація участковъ подворнаго (четвертного) землевладѣнія». Докладъ, представленный Курскому губернскому комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Глава V.

Краткое послѣсловіе.

Сопоставляя вышеизложенныя, бѣгло очерченныя данныя о современномъ положеніи крестьянскаго сельскохозяйственнаго промысла на общинныхъ, какъ и на подворно-участковыхъ или четвертныхъ земляхъ, становится понятнымъ, почему оскудѣніе земледѣльческаго центра Россіи достигло столь значительныхъ размѣровъ. Два явленія обращаютъ на себя преимущественное вниманіе и имѣютъ рѣшающее въ данномъ случаѣ значеніе. Съ одной стороны,—хозяйственная рутина, которая всегда преодолѣвается съ большими трудностями и пріобрѣтаетъ особенную устойчивость, когда союзниками ея являются столь могучіе факторы, какъ невѣжество населенія, какъ отсутствіе въ немъ духа предпріимчивости, загубленнаго общиннымъ бытомъ и административною опекою, какъ, наконецъ, правовая отчужденность крестьянства отъ другихъ группъ земледѣльческаго населенія, стоящихъ на болѣе высокой степени культурно-хозяйственнаго развитія. Съ другой стороны,—незаконченность землеустройства крестьянъ, въ связи съ устарѣлостью, отсталостью и неполнотою аграрнаго законодательства, благодаря чему сельское населеніе лишено возможности вступить на путь тѣхъ даже сельскохозяйственныхъ улучшеній, польза которыхъ уже имъ сознана и оцѣнена. При наличности подобныхъ условій, обѣднѣніе земледѣльческаго населенія становится роковою неизбѣжностью, а оно является рѣшительнымъ врагомъ всякаго поступательнаго движенія въ области сельскохозяйственнаго промысла; обѣднѣвшее населеніе неспособно къ творческому созидательному труду; оно можетъ лишь разрушать, питая увѣренность въ томъ, что путь къ лучшему будущему лежитъ не въ трудѣ и бережливости, а лишь въ тѣхъ особыхъ мѣропріятіяхъ, осуществляемыхъ при посредствѣ государственной власти, которыя сопряжены съ нарушеніемъ права собственности другихъ землевладѣльческихъ группъ населенія и которыя такъ настойчиво рекомендуются нѣкоторыми политическими партіями.

Насколько вся совокупность нынѣшнихъ крайне неблагопріятныхъ для сельскохозяйственнаго промысла условій тяжело отражается на народномъ благосостояніи, представляется вполнѣ понятнымъ.

Средняя урожайность хлѣбовъ въ Россіи, по статистическимъ даннымъ Курскаго губернскаго земства, съ одной десятины пахотной земли равняется 38,8 пуд., за вычетомъ же сѣмянъ — всего 30,3 пуд.; средній урожай для всѣхъ другихъ земледѣльческихъ странъ достигаетъ 83,7 пуд., за вычетомъ же сѣмянъ—76,6 пуд. Изъ сопоставленія этихъ цифръ необходимо придти къ заключенію, что урожай для всѣхъ земледѣльческихъ странъ, стоящихъ какъ на высокой, такъ и на сравнительно низкой степени сельскохозяйственной культуры, въ совокупности превышаетъ урожай Россіи въ среднемъ болѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза и нѣтъ ни одной страны на земномъ шарѣ, гдѣ бы съ десятины земли получалось меньше зерна, чѣмъ въ Россіи; нѣтъ, стало быть, страны, гдѣ бы земледѣліе велось хуже, чѣмъ у насъ. Нужно, къ тому же, оговориться, что указанныя выше цифры урожая, при сопоставленіи ихъ съ цифрами другихъ странъ, даютъ погрѣшность въ пользу большей урожайности въ Россіи, въ виду того, что онѣ приняты на десятину распашной земли, а не на всю площадь земли, какъ для другихъ странъ, гдѣ почти не существуетъ непроизводительной земли. Дѣлая эту поправку, общее количество урожая у насъ понизится съ 30,3 пуд. до 23,3 пуд. *). При сличеніи нашихъ урожаевъ съ урожаями другихъ странъ, необходимо обратить вниманіе еще и на то обстоятельство, что отношеніе сѣмянъ къ общему сбору у насъ составляетъ 21,9%, тогда какъ за границей—8,5%. Неурожайность наша представляется такимъ образомъ явленіемъ нормальнымъ, которое не имѣетъ мѣста нигдѣ на земномъ шарѣ; это явленіе, присущее не только данному моменту, но повторяющееся и усиливающееся изъ года въ годъ, грозящее періодическими недородами и голодовками, требующее все новыхъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства. Такъ, въ Тульской губерніи, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ комитетовъ, средняя урожайность упала въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ приблизительно на 10 пудовъ съ десятины, т. е. съ 60 пуд. на 50 пуд. для озимаго хлѣба и съ 55 пуд. на 45 пуд. для ярового хлѣба. Въ Курской губерніи, по даннымъ мѣстной сельскохозяйственной статистики, урожай на одной десятинѣ за тотъ же періодъ времени (съ начала 80-хъ годовъ до начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія) уменьшился въ среднемъ: для ржи—на 0,1 четв., для гречи и ячменя—на 0,8 четв. и для овса—на 3 четверти. Паденіе неурожайности, наблюдаемое также и въ другихъ мѣстностяхъ земледѣльческаго центра Россіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что надѣльная земля все болѣе выпахивается и становится безплодною.

---

*) Между тѣмъ, по даннымъ Корочанскаго земскаго опытнаго поля, на удобренномъ пару при ранней пахотѣ возможенъ урожай ржи свыше 200 пудовъ съ десятины.

Неудержимо совершающееся въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи расхищеніе почвенныхъ богатствъ скоро, быть можетъ, приведетъ къ тому, что отношеніе сѣмянъ къ урожайности будетъ не 22%, какъ теперь, а возрастетъ до 30% и болѣе, когда истощенныя земли придется совсѣмъ исключить изъ сельскохозяйственнаго оборота. Такая возможность заставила одного изъ членовъ курскаго уѣзднаго комитета высказать предположеніе, что „кажется, скоро наступитъ то время, когда для надѣленія обездоленныхъ хлѣбомъ крестьянъ крестьянскому банку будетъ предстоять нелегкая задача пріобрѣсти всю Европу".

Низкая производительность крестьянскаго сельскаго хозяйства, играющаго столь крупную роль въ экономической жизни Россіи, обрекаетъ все земледѣльческое населеніе на состояніе постояннаго недомоганія, опаснаго для политическихъ и финансовыхъ интересовъ государства и грозящаго внутреннему его спокойствію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни малы нынѣшнія потребности некультурной крестьянской массы,— онѣ все же значительно превышаютъ средства, получаемыя сельскимъ населеніемъ отъ земледѣлія и другихъ побочныхъ промысловъ. Дефицитность крестьянскаго бюджета стала хроническимъ явленіемъ и—что особенно заслуживаетъ вниманія—она не только не уменьшается съ теченіемъ времени, но растетъ,—растетъ по мѣрѣ прогрессирующаго измельченія крестьянскихъ надѣловъ и паденія урожайности крестьянскихъ полей. Борьба за существованіе становится для крестьянъ съ каждымъ днемъ тяжеле; съ этимъ нельзя не считаться; настоятельно нужны обширныя государственныя мѣры, направленныя къ облегченію сельскаго населенія. Въ ряду такихъ мѣръ принудительному въ пользу крестьянъ отчужденію частновладѣльческихъ земель, хотя бы и съ вознагражденіемъ за таковыя по справедливой оцѣнкѣ, должна принадлежать, однако, очень скромная роль: мѣра такая умѣстна и необходима лишь по меліоративнымъ соображеніямъ, главнѣйшимъ образомъ въ видахъ устраненія чрезполосности владѣній. Леченіе же современныхъ аграрныхъ неустройствъ, въ томъ числѣ и крестьянскаго малоземелья, съ помощью принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, лучше культивируемыхъ по сравненію съ землями крестьянскими, при всей рѣшительности подобной мѣры, все же не выведетъ страну на путь здоровыхъ земельныхъ отношеній, не создастъ условій, благопріятствующихъ крѣпости и хозяйственному росту мелкаго землевладѣнія, не разрѣшитъ сложной задачи о надѣленіи всего земледѣльческаго населенія Россіи землею въ достаточномъ количествѣ.

Позволительно, конечно, мечтать о томъ, чтобы крестьянинъ пользовался надѣломъ, который давалъ бы ему возможность удовлетворять всѣ необходимыя потребности и исчерпывалъ бы трудовую способность домохозяйства. Но для осуществленія подобной мечты въ дѣйствительной жизни не хватаетъ самаго важнаго—нѣтъ достаточнаго простран-

ства земли. Пусть при массовомъ разселеніи и обезземеленіи другихъ сословій, наличные крестьяне получили бы въ данный моментъ времени нужные имъ надѣлы; съ приростомъ населенія, вновь въ ближайшемъ времени явилась бы земельная тѣснота, и аграрный вопросъ вновь ждалъ бы своего разрѣшенія. Нѣтъ возможности, поэтому, обольщаться надеждою, что осуществимо такое устройство землепользованія, при которомъ вся масса населенія была бы прикрѣплена къ землѣ, и, прилагая къ ней весь запасъ своей трудовой силы, извлекала бы отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ нужныя средства къ жизни. Необходимо, прежде всего, увеличеніе производительности крестьянскаго хозяйства и его доходности путемъ перехода къ болѣе усовершенствованнымъ пріемамъ культуры, такъ какъ при этомъ условіи можно довольствоваться значительно меньшею площадью земельныхъ угодій, извлекая изъ нея существенно большее количество продуктовъ. Задача такая представляется очень сложной и трудной. Она требуетъ цѣлаго ряда законодательныхъ мѣропріятій (завершеніе землеустройства крестьянъ, въ связи съ упорядоченіемъ правовыхъ условій крестьянскаго землевладѣнія), нуждается въ дѣятельномъ правительственномъ и общественномъ починѣ (распространеніе въ народѣ какъ общаго, такъ и спеціальнаго сельскохозяйственнаго образованія; удешевленіе и доступность кредита; упорядоченіе путей сообщенія и т. п.), предполагаетъ наличность широкой самодѣятельности населенія, а слѣдовательно и благопріятствующей такой самодѣятельности системы мѣстнаго самоуправленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходъ крестьянъ къ болѣе совершенной сельскохозяйственной культурѣ возможенъ лишь при условіи предварительнаго увеличенія нынѣшней площади крестьянскаго землевладѣнія, которая мѣстами измельчала настолько, что ни о какомъ интенсивномъ хозяйствѣ уже не можетъ быть рѣчи. Но такіе случаи составляютъ далеко не общее правило.

При всемъ томъ увеличеніе производительности крестьянскаго хозяйства, составляя могучее средство для борьбы съ малоземельемъ, само по себѣ не разрѣшаетъ, однако, вопроса объ обезпеченіи надѣльною землею всего нуждающагося въ ней рабочаго земледѣльческаго населенія. Прежде всего, бóльшее производство возможно лишь при увеличеніи числа потребителей, и развитіе обширныхъ внутреннихъ рынковъ сбыта явится не послѣдствіемъ, а причиною интенсивнаго хозяйства, съ другой стороны,—крестьянское полеводство, хотя бы стоящее на высокомъ уровнѣ техническаго совершенства, не въ состояніи использовать сполна трудоспособность какъ рабочаго населенія, такъ и скота въ длинные промежутки, свободные отъ сельскохозяйственныхъ работъ. Несомнѣнно, что съ теченіемъ времени будетъ требоваться все меньше и меньше труда личнаго, какъ и труда животныхъ въ приложеніи къ сельскохозяйственному промыслу, въ виду замѣны таковаго работою машинъ. Поэтому едва ли правильно строить народ-

ное благосостояніе на узкомъ фундаментѣ—на одномъ лишь приложеніи трудоспособности къ землѣ. Какъ бы ни былъ значителенъ трудъ земледѣльца, онъ самою природою ограниченъ лишь опредѣленнымъ временемъ, а засимъ остается длинный у насъ періодъ зимняго вынужденнаго бездѣлья, когда существенно понижается спросъ на рабочую силу со стороны сельскохозяйственнаго промысла. Землеустройство крестьянскаго населенія въ Россіи, несмотря на длинный рядъ годовъ, истекшихъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не только не закончено, но едва лишь начато; однако, достиженіе подобной задачи, при всей ея сложности и важности, не можетъ сдѣлаться единственною цѣлью народнохозяйственной политики. Оно не въ состояніи предотвратить развитіе пролетаріата, т. е. класса людей, не находящихъ приложенія для своего труда. Наряду съ землеустройствомъ, основною задачею народнохозяйственной политики должно быть насажденіе промышленности и широкій подъемъ знаній въ народной массѣ, благодаря чему обезпечено будетъ лучшее и болѣе выгодное использованіе личнаго труда во всѣхъ областяхъ его примѣненія. А все это возможно лишь при широкомъ развитіи общественной самодѣятельности...

Вѣдь нельзя закрывать глаза передъ очевидностью: ходъ новаго нашего землеустройства, несмотря на энергію, проявленную правительствомъ, не взирая на крупныя затраты, которыхъ потребовали новѣйшія землеустроительныя мѣропріятія, не оправдалъ связанныхъ съ нимъ ожиданій.

Аграрный вопросъ все еще стоитъ во всемъ своемъ грозномъ величіи. Конечно, въ такое короткое время и на такомъ огромномъ пространствѣ, какимъ представляются равнины Европейской Россіи, и нельзя ожидать сколько-нибудь осязательныхъ результатовъ; да и времени много пропущено и за дѣло взялись съ опозданіемъ; но все же нельзя отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что наши землеустроительныя работы, несмотря на всѣ благопожеланія руководителей, двигаются впередъ черепашьимъ шагомъ; такъ шествуетъ впередъ тотъ, у кого цѣпи на ногахъ....

Подобныя цѣпи имѣются у нашего землеустроительнаго дѣла; онѣ то и тормозятъ его поступательное движеніе. Вопросъ вовсе не въ томъ, что новѣйшія землеустроительныя мѣропріятія недостаточно совершенны; что землеустроительныя комиссіи построены на подобіе бюрократическихъ учрежденій и состоятъ главнѣйше изъ бюрократическихъ элементовъ; что, наконецъ, землеустроительное дѣло, въ нынѣшнемъ его видѣ, слишкомъ поставлено въ сторонѣ отъ мѣстныхъ общественныхъ силъ, отъ мѣстнаго земскаго самоуправленія. Всѣ такіе пробѣлы легко исправимы и, надо думать, будутъ устранены; но этого мало.

Дѣло въ томъ, что аграрный вопросъ есть только одинъ изъ крупныхъ вопросовъ нашей государственной и общественной жизни, но отнюдь не главнѣйшій и не крупнѣйшій. Его нельзя выхватить цѣликомъ изъ народно-хозяйственнаго организма, какъ нѣчто совершенно обособленное отъ всего остального; его нельзя лечить средствами, имѣющими специфическій характеръ, забывая обо всемъ остальномъ. Аграрный вопросъ тѣснѣйшимъ, неразрывнымъ образомъ связанъ со всѣми коренными вопросами нашего государственнаго строя и общественнаго быта, и пока преобразованія, предуказанныя верховною властью, не обновятъ своимъ живительнымъ дыханіемъ всю жизнь народную, до тѣхъ поръ упорядоченіе и аграрныхъ неустройствъ не можетъ сдѣлать сколько-нибудь замѣтныхъ успѣховъ. А въ ряду такихъ преобразованій на первомъ мѣстѣ, съ точки зрѣнія интересовъ землеустроительнаго дѣла, стоитъ устройство мѣстнаго самоуправленія,—цѣлаго ряда мѣстныхъ всесословныхъ союзовъ, которые скуютъ общественныя силы въ одно органическое цѣлое и направятъ эти силы на культурное служеніе странѣ, на разрѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ русской внутренней жизни, въ томъ числѣ и аграрнаго....

Вотъ конечный выводъ моей работы.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

